

Татьяна Катрич

Такие разные истории

Повести

Кемерово
Кузбассвузиздат
2021

ББК 84Р7-4

К 29

Катрич Татьяна

К 29 Такие разные истории: Повести / Татьяна Катрич. – Кемерово: Кузбасс-вузиздат, 2021. – 231 с.

ISBN 978-5-202-01506-9

Представлены повести различных жанров: детектив, фэнтези и повесть о детстве, каждая из них – с особенностями. Повесть «Старые письма» отличается от классического детектива тем, что в ней отсутствует главный детектив, умный и проницательный. В расследование втянуты многие персонажи, и убийца, как положено в детективе, будет найден. Повесть «Заповедник для эльфов» знакомит с жизнью маленьких существ, которые называются привычным словом «эльфы», но, по сути, являются лесными духами, главная задача которых – заботиться о лесе и защищать его от природных явлений и людей. «Маленькая повесть о маленькой девочке» рассказывает о жизни ребенка, но о детях ли эта повесть? Скорее о взрослых, до конца жизни в глубине души остающихся детьми.

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-202-01506-9

© Катрич Н. В., 2021

© Оформление.

ООО «АИ Кузбассвузиздат», 2021

Старые письма

Детективная повесть

1

Марина Алексеевна наконец собралась на дачу. Собственно, Мариной Алексеевной эту молодую женщину называла только она сама, ведя нескончаемые внутренние диалоги. Все окружающие называли ее просто Мариной. В свои тридцать два года Марина выглядела едва ли не на двадцать пять. Эта невысокая и хрупкая барышня была стремительна в движениях и имела летящую походку. Даже в разговоре она произносила не «я пошла...», а «я побежала». И действительно, неслась куда-то сломя голову, даже если ей торопиться было некуда.

Второй день как установилась теплая погода. Закончились весенние холода, нудные июньские дожди, и вот оно, счастье, – в конце месяца установилось лето. Прогноз тоже радовал, и Марина, весело перепрыгивая через ступеньки, носила коробки и баулы, загружая багажник старой зеленой лады. Пожитков набиралось немало, потому что в ее планы не входило мотаться в город за нужными вещами. Минут через пятнадцать веселой кутерьмы все было готово к отъезду и, помахав рукой соседке, наблюдавшей из окна за ее хлопотами, Марина, резко газанув, выкатила свой драндулет на улицу.

Стояло раннее утро, машин на дороге было мало. Марина специально выбралась пораньше, чтобы успеть до пробок, да и ехать до дачи было неблизко, километров семьдесят. Собственно, дача была не дачей, а старым деревенским домом, построенным еще родителями мужа, который он благородно уступил ей при разводе. После одиннадцати лет брака она уже три года была свободна и почти довольна этим состоянием.

С мужем, откликавшимся на имя Юрий, Марина была знакома всю жизнь, они росли в одном дворе, ходили в одну школу, а потом – в институт. Как-то само собой поженились и думали, что проживут вместе всю жизнь. Но судьба решила, что это скучно и подготовила свой вариант. Работать они начали вместе в мэрии, но Юрий, деятельный и инициативный, недолго там задержался. Он быстро делал карьеру, переходя из фирмы в фирму,

и, в конце концов, был приглашен в очень крупную, солидную компанию. Она же осталась на прежней работе. И вот на новом месте с Юрием случилась «сумасшедшая любовь». Такими словами он сообщил жене о событии, круто изменившем их жизни. Марина на удивление пережила это спокойно. Немного погоревав, она переехала в свою прежнюю квартиру, в которой прошли первые восемнадцать лет жизни. Отец к тому времени умер, а мама, еще молодая и красивая женщина, удачно вышла замуж во второй раз и укатила жить в город на берегу Черного моря. Так Марина вновь оказалась в доме детства.

Сейчас она ехала на дачу писать роман (иронизируя, делала ударение на первом слоге). Причем второй роман, первый ею уже был написан и представлял собой скорее большую повесть. Марина написала его, пытаясь преодолеть одиночество после расставания с мужем, и вложила в него ощущения молодости, счастья, любви, институтскую романтику, иронию и легкий, не-навязчивый юмор. Повесть читалась взахлеб, имела неожиданный успех, принесла приличные деньги и договор на две другие. В издательство она должна была отдавать их по одной в год, и первые полгода уже прошли. Было решено, что откладывать больше нельзя и именно на даче ее посетит вдохновение. Самым неприятным являлось то, что сюжета не было, совсем не было. Потом, припомнив свою же фразу, что жизнь человека делится на три этапа: любовь, развод и похороны, Марина решила голову не ломать, а написать про развод. Тут уж опыта ей не занимать.

Пока дорога была относительно ровной, Марина обдумывала некоторые сюжетные линии, чтобы, приехав, сразу начать работать, но, когда она свернула на гравийку, ведущую к деревне, стало не до раздумий. Мало того, что дорога была трудная и требовала большого внимания, она еще была узкая, а по обеим сторонам дороги тянулся лес. Карамельные стволы сосен и светлые – берез дружно выбегали к самому краю дороги и смыкали кроны над головой, создавая темно-зеленую арку, уходящую вдаль. Езда по такой дороге таинственна и даже немного страшновата. Когда доро-

га неожиданно выбегала из леса, свет ударял по глазам, а впереди открывался вид на пойму небольшой реки и деревню на ее берегу. Этот неожиданный переход из тьмы в свет у редкого водителя или пассажира не вызывал возглас восхищения. Марина любила эту дорогу, называла «темной аллеей» и считала очень романтичной.

Часа через два пути дорога привела ее в деревню, залевав машину в грязи по самую крышу. И еще спасибо, что автомо- биль не застрял, потому что гравийка было почти уничтожена бесконечными дождями. Деревня по нынешним временам была большая, насчитывала больше ста дворов и имела две улицы. Одна, центральная, тянулась вдоль реки, другая шла параллельно и огородами выходила на лес. Также в деревне работали магазин и фельдшерский пункт. Школа только закрылась, и дети ходили в соседнее село, да их и мало было: в деревне жили в основном люди пожилые.

Дом Марины располагался на второй улице, выходившей к лесу. Подъехав, она вышла из машины и попыталась открыть ворота. Но массивная деревянная щеколда разбухла от влаги и не желала поддаваться. С трудом ей все же удалось обойтись без посторонней помощи, и она заехала во двор. Дом был срублен из огромных почерневших от времени бревен, выглядел немного обветшалым, но все же производил основательное впечатление. Здесь она не была давно, почти со времени развода, но дом люби- ла в отличие от Юрия. Казалось, он стеснялся, что это непрезен- табельное строение принадлежит ему. Солидный адвокат, конеч- но же, должен иметь и солидный загородный особняк, поэтому радостно презентовал ей дом при разводе. Марина при разделе имущества на это самое имущество не претендовала, но отказы- ваться от предложения посчитала глупым. Так дом перешел в ее собственность.

Засунув руку под крыльцо, хозяйка не нашла ключа на обыч-ном месте, что ее озадачило.

«Все-таки придется идти к соседям», – подумала она. То, что встречи не избежать, Марина знала, но идти сразу с дороги

не хотелось: поездка ее неожиданно утомила. Соседка – женщина боевая и разговорчивая. Муж ее умер лет пять назад, а единственный сын был военным и редко наезжал к матери, мотаясь по гарнизонам. Так что дома особо разговаривать было не с кем, и, дорвавшись до собеседника, она заговаривала его вусмерть. С соседкой Юрий всегда договаривался о присмотре за домом, за что она имела право распоряжаться приусадебным участком по своему усмотрению.

Марина повернула к калитке и увидела, что соседка уже несется на всех порах в их двор.

– Мариночка, радость моя, – запрчитала соседка, – да как же так случилось-то, горе-то какое, вы ж такая красивая пара...

Марина не виделась с ней после развода и сейчас должна была выдержать порцию соболезнований об уже давно случившемся событии.

– Теть Зоя, – прервала Марина причитания соседки, – мне бы ключ от дома. Не знаете, где он? А то я в дом попасть не могу.

– Так я ж тебе его и несу. Забрала себе, когда приборку после зимы делала, нечего ему валяться, – затараторила Зоя.

Марина открыла дверь и вошла в дом. В доме было чисто, но все равно витал запах запустения и какой-то настороженности, как будто дом всматривался в гостей и решал для себя, кто же это такие, чего им нужно и как к ним относиться.

– Здравствуй, дом, миленький мой, забросили мы тебя со всем. Ну ничего, мы теперь с тобой все лето вместе жить будем, – сказала Марина, голос ее гулко раздался и растворился в пространстве дома.

Он еще звучал, но сразу что-то изменилось вокруг, исчезло напряжение, повеяло теплом и радостью. Дом явно обрадовался ей, узнал, принял, даже старая мебель поскрипывала, будто разговаривала с хозяйкой, желая окружить ее уютом и заботой.

– Ну ладно, ты отдохай с дороги, вещи разберешь, приходи, обедать будем, – выдвинула ультиматум увязавшаяся следом соседка и, не слушая возражений, быстро покинула дом.

Марина понимала, что разговоров не избежать, но ей до чертиков не хотелось ворошить давно пережитое.

«Делать нечего, придется. Надо будет объяснить тете Зое, что я приехала работать, и книгу подарить. Дня на три, глядишь, хватит. Может быть, меньше приставать будет», – размышляла Марина, обходя дом. Он был не мал: просторная прихожая, большая кухня, гостиная на первом этаже и несколько спален на втором. Было еще несколько подсобных помещений вроде кладовок, и даже баня, пристроенная к дому. Умывшись и переодевшись, Марина направилась в гости. С собой она прихватила печенье и приличный кусок сыра. Ее встретили в нарядном платье, из чего Марина заключила, что гость она желанный и так просто отдалаться от соседки не удастся.

– Чего зря тратилась, печенья мы и сами пекем, получше городских будут. А вот за сыр спасибо, в нашем магазине, если и завезут, то все дрянь какая-то, да и дорогущий. Твой-то поди вкусный, – частила тетя Зоя, хлопоча у стола. На середину она торжественно водрузила бутылку беленькой.

– Теть Зой, – протянула Марина, – я ж не пью.

– А кто пьет-то, кто пьет? Так, пригубим со свиданьицем по маленькой. Столько не виделись, грех не выпить. Юрий, поди, больше и не покажется здесь, – неожиданно заключила соседка.

– Да что ему тут делать? Он человек женатый, занятой, карьеру делает, ребенок родился, – отвечала она неохотно.

– Вот-вот, у молодухи не забалуешь, вот было бы у вас дите, так и не делся бы никуда, – вставила тетя Зоя свои пять копеек.

Марина опустила голову. То, что у них не было детей, ее привычная боль. Странное дело: оба здоровы, детей хотели, а их не случилось. Себе она объясняла это обстоятельство тем, что, видно, не были они друг другу предназначены, раз Господь не дал им ребенка. Это и было сказано соседке, и Марина ловко перевела разговор на тему своего писательства. Когда она подписала книгу и протянула ее Зое, произошло неожиданное. Соседка осторож-

но двумя пальцами взяла книгу, прочитала дарственную надпись и залилась слезами. Марина опешила.

- Теть Зоя, ты чего? – спросила она потрясенная.
- Так неужто ты сама написала? Настоящая писательница, оказывается, – всхлипывала она, удивляясь.
- Сама. А чего рыдаешь-то? – спрашивала Марина.
- Так я же в жизни ни одного живого писателя не видела, – говорила Зоя, утирая слезы. – От радости и плачу, всей деревне показывать буду, – хвастливо заключила она.
- Писательница не писательница, а новую книгу надо писать, вот к вам в тишину приехала, надеюсь, мне тут мешать будет некому, – сказала Марина с намеком.

Так за разговором они пообедали и даже приговорили полбутылки. Марина неожиданно для себя легко выпила пару рюмок. Да и то сказать, под такую закуску грех было не выпить. Зоя расстаралась: на столе чего только не было, особенно выделялись малосольные хрусткие огурчики, с мизинец величиной, называемые Зоей «пикулечками», и прошлогодние соленые грузди, белевшие круглыми шляпками, похожими на детские пяточки. После обеда Зоя решила вести Марину на речку, та, поняв, что день все равно пропал, больше не сопротивлялась. Потом ходили по соседям, Зоя везде показывала подписанную книгу, и к вечеру не было человека в деревне, который бы не знал, что соседка Зои – писательница и приехала в деревню писать книгу.

2

Уже в полной темноте Марина явилась домой, наскоро умывшись, упала в кровать и уснула, как будто провалилась в черную яму. Когда она проснулась, было уже позднее утро даже по городским меркам. Она прикинула, что проспала часов одиннадцать, не меньше. Чувствовала она себя так, будто только что родилась, хотелось бежать, копать, писать, короче, горы свернуть.

– Арбайтн, арбайтн, работать, работать, – весело пропела она вслух.

Марина умылась, натянула сарафан и выглянула в окно, сад встретил ее приветливым шелестом и пением птиц.

«Надо завтрак приготовить», – решила она и, достав пачку овсянки, привезенную с собой, отправилась в летнюю кухню, которая скрывалась за домом. Там было удобно варить еду и делать заготовки, зато в доме печка летом не топилась, и было всегда прохладно. Летняя кухня состояла из одной комнаты, большую часть которой занимала печь, ее топили, когда делали заготовки или сушили грибы и ягоды. Для других надобностей использовали небольшую газовую плиту. Открывая дверь кухни, Марина почувствовала неприятный запах.

«Мышь сдохла, что ли?» – подумала она и замерла на пороге. Пачка овсянки выпала из рук, а сама она ухватилась за дверной косяк. На диванчике возле стола, прямо напротив двери, сидел человек. Его голова склонилась набок, и казалось, что он вот-вот упадет, но серые глаза смотрели прямо на нее, а на лице застыла приветливая, немного удивленная улыбка. При этом, она поняла сразу, он был совершенно мертв.

«Ничего себе!» – пронеслось в голове у Марины.

Человеку было не больше тридцати. От живого его отличала неестественная бледность. На светлом свитере в районе сердца виднелось небольшое бурое пятно. Не в силах повернуться спиной, Марина попятилась к выходу. Переступив порог летней кухни, она бежала не разбирай дороги, пока не оставили силы. Тогда, запыхавшись, она остановилась и, осмотревшись, поняла, что прибежала куда нужно. Она стояла возле магазина, напротив был опорный пункт, единственный на несколько окрестных деревень. Марина толкнула дверь, к счастью, она оказалась незапертой, и вошла внутрь. Участковый, едва взглянув на нее, поднялся и, надев фуражку, двинулся к двери.

– Что? Где? – коротко спросил он.

Запыхавшаяся Марина не в силах сказать ни слова, только махнула рукой в сторону своего дома и вышла на улицу.

Участковый быстро шел за ней, наконец, он нарушил молчание:

– Уже скажи, что случилось-то? Немая ты, что ли?

Марина вздохнула и назвала свой адрес, объяснила, что она хозяйка дома, вчера только приехала, а сегодня обнаружила убитого человека. Они быстро дошли до дома. Оглядев место происшествия, участковый начал звонить в район, чтобы выслали оперативно-следственную группу. Пока ожидали группу, участковый опросил Марину и Зою по поводу ужасного происшествия. Зоя, увидев убитого, сразу его вспомнила. Дней десять назад в деревню на своем автомобиле приезжал парень и спрашивал у нее про Юрия, бывшего мужа Марины. Парень назывался армейским другом Юрия и уточнял, как найти хозяев, бывают ли они в доме, а если нет, не знает ли соседка городского их адреса. Зоя нового адреса не знала и рассказала парню, что хозяин развелся с женой, и где Юрий теперь живет, не знает. По словам Зои, он сразу же уехал, и больше она его не видела.

– Бедолага, молодой совсем, жить бы да жить, – заключила она.

Тут подъехала группа из района, и следствие покатилось по стандартным рельсам. Нашли понятых, начали осмотр места происшествия, а судмедэксперт занялся убитым. Осмотрев летнюю кухню, оперативники решили, что молодой человек, видимо, незаметно снова проник сюда и тайно жил. Свет не зажигал – нашли огарки свечей, а в холодильнике было полно еды. Так как в магазине его не видели, заключили, что продукты он привозил из города. Прочесав окрестности, под кучей лапника нашли серый автомобиль, в котором тоже не оказалось никаких документов. Установить личность убитого с насекома не удалось. Группа всех опросила, все сфотографировала, запротоколировала, забрала убиенного и отбыла, предупредив, что в случае на-

добрости понятых и свидетелей вызовут в район. А потрясенные жители еще долго шумели и обсуждали происшествие.

– Ну и лето выдалось, – покачала головой Зоя, – писательница в деревню приехала, и мужика неизвестного грохнули. Лет пятьдесят вспоминать будут, типа: «А помнишь, это было в то лето, когда...»

Марина молчала и понимала только одно: у нее нет сил ночевать в доме, где произошло убийство. Пусть и не в самом доме, а рядом, но лицо пострадавшего стояло перед ней, и она не могла отделаться от этого видения.

Учась в институте, Марина проходила практику в следственном комитете и трупов повидала немало, но находить их на собственной кухне до этого ей не доводилось. Практика на прочь отбила романтическое желание искать и ловить злодеев, и, вернувшись в институт, она решительно сменила специализацию. Печальное событие всколыхнуло неприятные воспоминания, а еще она все время думала, что лицо парня ей кого-то напоминает.

Наконец, встряхнув головой, Марина спросила у соседки:

– Теть Зой, можно я у тебя сегодня переноочую?

– Да и спрашивать нечего, неужто я тебя отпущу в тот дом ночевать. Самой и то страшно, – призналась соседка.

– Только давай попросим кого-нибудь из мужиков этот страшный диван из кухни выбросить, – попросила Марина.

– Счас организуем, – воодушевилась возможностью что-то делать Зоя.

И действительно, через полчаса двое мужичков зашли в кухню и куда-то потащили диван.

– И чего с ним делать будут? – поинтересовалась Марина,

– Да помоют, проветрят и продадут в другую деревню, у нас никто не возьмет, а там, не зная, купят. На выпивку заработают, и ладно, – заключила Зоя.

Вечером они долго чаевничали, и даже разговорчивая Зоя молчала. Говорить об обычных житейских делах не поворачи-

вался язык, а говорить постоянно о происшествии уже не было сил. Выпив пару рюмок для снятия стресса и за помин души незнакомца, улеглись спать. Ночью Марина спала плохо, все время просыпалась, а если забывалась, то тревожным сном. Наступило утро, и, завершив нехитрые утренние процедуры, Марина поняла, что надо ехать в город. То, что местные следователи дело не раскроют, у нее почти не было сомнений. «Готовый «висяк». Надо ехать к Пашке», – решила она.

Павел был ее однокурсником, учился вместе с ней и Юрием, и даже после института их связывали дружеские отношения. Работал он в следственном комитете, и то, что он попытается ей помочь, Марина не сомневалась. А ее почему-то зацепило это происшествие, не отпускали непонятная тревога и смутное чувство, что парень ей знаком, только откуда, она понять не могла. По дороге домой она заехала в район, нашла следователя, который приезжал вчера, и сообщила о своем отбытии в город. Оставив свой телефон, она попросила фотографию убитого, мало ли, вдруг понадобится. Фото ей скинули на телефон, а по поводу убийства следователь сказал, что ничего нового пока нет. Доехав до города, Марина решила сначала позвонить бывшему мужу, все-таки раньше дом был его, а парень выдавал себя за его армейского друга, хотя Юра никогда в армии не служил.

«Может быть, Юрий его знает и загадка исчезнет», – думала она. Да и привыкла Марина советоваться с Юрием обо всем важном. Хоть они расстались, но оставались близкими друзьями, и он продолжал заботиться о Марине, считая легкомысленной и не очень приспособленной к жизни.

Юрий отозвался на ее звонок сразу, как будто только и ждал.

– Ты почему не звонишь? В твоем доме людей убивают, а от тебя ни слуху ни духу! – накинулся на нее бывший.

– А самому позвонить не судьба? – огрызнулась Марина, удивленная таким напором. – Между прочим, твоего армейского дружка грохнули.

Юрий запнулся на полуслове.

– Моего?! – возмутился он. – Полицию еще понять можно, а ты чего ерунду несешь? Какой армейский друг? Я же в армии не служил.

Разговаривая, они не слишком церемонились друг с другом, частенько пересыпая речь нелитературными словечками. Они привыкли так общаться с самого рождения.

– Слушай, не время сейчас цапаться, давай лучше встретимся, я все тебе расскажу, – сказала примирительно Марина. – Возле твоего офиса в кафешке через час. Сможешь с работы сорваться? – спросила она. – И я еще хотела с Пашкой поговорить. Может быть, сразу ему позвонить, чтобы не рассказывать каждому по отдельности?

– Добро, – коротко отозвался Юрий.

Позвонив Павлу, Марина рассказала «убийственную» новость.

– Ничего себе, – протянул тот, выслушав ее.

Договорились встретиться в обеденный перерыв, сейчас Павел был занят. Перезвонив Юрию, Марина передала ему новую информацию о времени встречи и поехала домой.

Дома было тихо и спокойно.

«Неужели я уехала только вчера утром? – подумала Марина. – Кажется, это было в какой-то другой жизни».

Приняв душ, она соорудила из пышистых светло-русых волос замысловатую прическу, нанесла соответствующий макияж. Не хотелось ей ударить в грязь лицом, особенно перед бывшим, да и Пашка всегда засматривался на нее. Пашка к тому же был не женат и лелеял мечту когда-нибудь стать для Марины больше, чем другом. Его институтская любовь так и не закончилась браком, у них с Людой родился сын, но она предпочла выйти замуж за солидного бизнесмена. Проживала Людмила теперь в городе Барселона. Сына Павел официально усыновил, и несостоявшаяся жена милостиво отпускала его к отцу на летние каникулы.

Марина осталась довольна своим видом и поехала в кафе. Мужчины только что встретились, переговаривались радостно-возбужденно, что и понятно, виделись они теперь нечасто. Когда Марина вошла, оба замерли, а потом встали ей навстречу, рассыпая комплименты.

«Да, Марина Алексеевна, повезло тебе с друзьями. Слева – бывший, справа – будущий, если захочешь. И красивые, и спортивные, и «прикид» – что надо. Вон как барышни завистливо поглядывают», – подумала она.

Радостное оживление немного прошло, и, сделав заказ, Юрий рассказал, что к нему приезжал следователь, спрашивал про неизвестного. Он, естественно, ответил, что понятия не имеет, кто этот человек и откуда его знает. К счастью, во время гибели парня Юрий находился в заграничной командировке и только что вернулся.

– Так что у меня алиби, – закончил он рассказ и вопросительно посмотрел на Марину, ожидая продолжения. Она в свою очередь вкратце рассказала о произшествии на даче:

– Я не стала бы беспокоиться и вас обоих тревожить, пусть районщики разбираются, но лицо пострадавшего показалось мне знакомым. Сейчас, глядя на тебя, я убедилась: он же вылитый ты. Юра, у тебя случайно родственника нет, о котором я не знаю?

– Ну если только я сам о нем не знаю. Отец мог завести ненареком незаконного отпрыска. Еще у отца был младший брат, но он погиб, когда служил. Жениться не успел, и детей у него не было, – дал Юрий исчерпывающий ответ.

Павел внимательно рассматривал фотографию.

– А у Маринки глаз – алмаз, он и правда на тебя похож, – заключил следователь.

– И еще несколько странностей, – продолжала Марина. – Зачем он обращался к соседке – засвечивался? Если он прятался, логичнее было жить в доме тайно, никто бы и не знал.

– Ну это как раз понятно, – сказал Павел, – видимо, парень был неглуп. Если его искали бандиты и вдруг напали на след, они

расспросили бы соседку. И та рассказала бы про приезжавшего незнакомца и про то, что он тут же уехал. Получается, он сделал петлю и вернулся на прежнее место, как заяц, а преследователи отправились бы искать его дальше.

– С чего ты взял, что охотились за ним? Может быть, это он – нарушитель закона и прятался, чтобы не нашли, – возразила Марина.

– Его же убили. Возможно, он не преступник, а его хитрость не сработала, – сказал Юрий.

– Его не бандиты нашли. Еще одна странность, которая не дает мне покоя. Когда я увидела его у нас на кухне, он сидел с приветливым лицом и даже слегка улыбался. Не похоже, что это бандиты, да и не стали бы палить с порога, раз они за ним охотились, значит, он им был нужен живой. Может быть, он что-то украл, или был должен, или сведения какие-то имел нужные. Его сначала бы допросили, а потом уж, если что, порешили. Но тот, кто его убил, по его мнению, не представлял для него угрозы. Вот только как он его выследил? Скорее всего, если он сам сообщил, где его искать, – развивала мысль Павла Марина.

– Исчерпывающе, мисс Марпл! – Юрий шутливо похлопал в ладоши. – Вполне возможно, это была женщина.

– Ребята, у меня обеденный перерыв заканчивается, – спохватился Павел, – да и у тебя тоже, друг любезный, не все же у нас свободные художники, – он подмигнул Марине. – Фото я прогоню по всем социальным сетям, – продолжал Павел, – не такое нынче время, чтобы человек где-нибудь не засветился. И машину пробью. Юр, ты с отцом поговори. Дело непростое. Если что-то скрывает, убийство должно ему язык развязать. А ты, мисс Марпл, давай набросай нам планчик оперативно-разыскных мероприятий. Завтра часов в семь встречаемся у Маринки, – раздал задания Павел.

– Издеваешься? С чего ты взялся Марплой обзываться? Эти мисс в телевизоре убийц ловят, а я ничего расследовать не собираюсь, сами свои планы набрасывайте. Я вам информацию к раз-

мышлению подкинула, вот и дерзайте, – отреагировала Марина на повторное обращение.

– Ну ладно, не лезь в бутылку, я же шутя-любя, – примирительным тоном сказал Павел. – Какие мы щепетильные!

Возвратившись домой, Марина загрустила. Ей было жалко, что она не может поехать на дачу, придется торчать в душном городе. Она вспоминала речку, лес, прохладный бревенчатый дом, старую яблоню, под которой ставила любимое уютное кресло. Но делать нечего, вздохнув, она открыла ноутбук и начала писать. Увлекшись работой и набросав несколько страниц, Марина, довольная собой, уже под утро заснула прямо за компьютером.

3

Проснулась она ближе к обеду в кровати, видимо, сонная перебралась туда. На телефоне был пропущенный звонок от Юрия и эсэмэска о том, что у него есть новости и он часам к семи подъедет. Чтобы внести лепту в расследование, Марина позвонила следователю. Того звонок не порадовал, он неохотно сообщил, что оружие, из которого убили потерпевшего, засветилось в давней разборке в Иркутской области, но установить личность убитого пока не удалось. Потом, спохватившись, что наговорил лишнего, строго наказал Марине, чтобы она больше не звонила, не мешала ходу следствия, а если будет нужна, то ее вызовут.

Вечером вся команда собралась в гостиной Мариной, и, поужинав, друзья принялись обсуждать имеющиеся сведения и новые факты. Юрий поговорил с отцом, тот был категоричен: никаких сыновей на стороне у него нет. Но он вспомнил, что брат Максим, служивший в Иркутске, познакомился там с девушкой, и они несколько месяцев перед его гибелю встречались. Вот Максим теоретически мог иметь ребенка. Отец принялся искать письма брата, уверяя, что пропасть они не могли, мать очень ими дорожила и перед смертью передала ему. Наконец после долгих

поисков письма нашли на антресолях. Их было немного, и, перечитывая письма вместе с отцом, Юрий наткнулся на имя и фамилию девушки. Брат собирался жениться, сообщал, что они очень любят друг друга, поэтому вернется из армии с невестой. Рассказав эту историю, Юрий задумчиво протянул: «Мало ли, кто на кого похож, но генетическую экспертизу придется провести. Чем черт не шутит, может быть, это и правда мой брат двоюродный». Встал вопрос, как это подтвердить. Законных вариантов добыть генетический материал убитого, который находился в районном морге, не было.

Марина припомнила, что районная бригада забрала с собой только вещи убитого, но человек жил на даче не меньше недели, умывался, пил, ел, наверняка что-то пригодное для анализа могло остаться.

– Да и вещи свои мне надо привезти, я же на лето туда собиралась, роман писать, так что завтра поеду и вещи привезу, а заодно поищу материал, – заключила Марина. – А ты сдавай материал сейчас, – она протянула Юрию ватную палочку. Запечатав палочку в прозрачный пакетик, Марина отдала ее Павлу.

– Возьми, если не найду, придется морг штурмом брать, – пошутила она.

– Зачем штурм? За бутылку из морга можно вынести черта, а за сотню баксов за тобой и санитары увянутся, – отмахнулся Павел.

Далее он сообщил, что ни в одной из существующих сетей найти следы погибшего не удалось, и это странно.

– Это настораживает, – заключил Павел, – нынче обычный человек не может существовать без сетей. Если тебя нет в сетях, тебя просто нет. С машиной тоже непонятно, в базе ГИБДД не числится, в угоне ее нет.

Марина в свою очередь рассказала про оружие и только подтвердила, что корни этой истории – в Иркутской области.

Разошлись поздно, следующая встреча заранее не планировалась. Юрию вообще стоило больших трудов выбраться из се-

мейных уз. Врать жене он не стал, объяснив, что у него встреча с однокурсниками.

– Ты смотри, своей волчице ничего не рассказывай. Кто ее знает, что она выкинет, – предупредила бывшего Марина.

Между собой Марина и Павел так называли жену Юрия. Он страшно обижался на это прозвище, но не мог не признавать, что хватка у его жены железная, в чем-то прозвище было оправданным.

– Не удивлюсь, если все эти возможные родственные связи нам просто померещились. А вроде и так нескучно живем! – воскликнул Павел, прощаясь. – Ну, на связи.

Марина в душе понимала, что историю затеяла она, оторвала друзей от важных дел и просто от жизни и, желая загладить придуманную самой же вину, сказала:

– Зато повод нашелся встретиться, а то живем в одном городе...

На том и простились. Когда за друзьями закрылась дверь, Марина обессиленно опустилась в кресло.

Юрий гнал машину, напряженно думая, что же сказать жене. Врать ей бессмысленно, она чувствовала малейший обман и сразу просекла бы, что он что-то скрывает. Но и рассказать, зачем он встречался с друзьями, было нельзя, раз обещал не говорить.

Неожиданно всплыло неприятное воспоминание о давнем разговоре с Павлом. Разговор случился сразу после ухода от Марины. Новая жизнь Юрия и его новая любовь, в которую он бросился так стремительно, тревожили друга. Тогда впервые прозвучало слово «волчица». Алина была дочерью крупного акционера компании, в которую он перешел работать, фактически хозяина фирмы, имевшего контрольный пакет. Сама тоже занимала в фирме солидную должность.

– Ты не понимаешь, – говорил Павел, – это же волчья стая, ты не сможешь в ней прижиться, ты другой крови. Случается, что волчица уводит за собой в лес крупного кобеля, но он в стае

всегда остается чужаком, и порвут его при первой возможности новые сородичи. Для тебя главное – жить по закону. Что ты будешь делать в мире, где закон не писан?

Юрий тряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания. Друг даже не представлял, насколько был прав тогда. Впрочем, в фирме Юрий занимался только законными сделками, а их было все же большинство. Алина, как умная женщина, оберегала его от фирмы, а фирму от него.

Приехав домой, Юрий наткнулся на неласковый взгляд жены, она не любила его отлучек. Да и сам он, признаться, находя много приятного в домашних вечерах, не особенно стремился проводить время вне дома. Он очень любил свою красавицу. Глядя на ее тонкий четкий профиль, огромные черные глаза, густые черные волосы, Юрий пожалел об этих нескольких часах, которые провел вдали от нее и сына.

– Егорша спит уже? – спросил он жену.

– А ты как думаешь, ребенок в десять часов вечера что должен делать? – вопросом на вопрос отвечала Алина.

– Ну ладно, не начинай. Я и так редко отлучаюсь из дома, в кои-то веки встретился с друзьями, – примирительно сказал Юрий.

– И кто же были твои друзья, ради которых ты семью забросил? О чем таком важном говорили? – прокурорским тоном поинтересовалась Алина.

– Павел попросил о встрече, давно не виделись, а он в отпуск собирается. Еще Маринка была...

Дальше Юрий мог уже не продолжать, Алина вскипела как молоко на плите:

– Так ты с бывшей встречался? Еще Павла зачем-то приплел.

И началось... Юрий удовлетворенно хмыкнул, теперь можно было не беспокоиться, что Алину заинтересует содержание разговора. Сам факт встречи с бывшей женой всегда выводил ее из себя.

Выслушав кучу упреков, Юрий выкинул примирительный флаг.

– Мне показалось, что Павел просто искал предлога встретиться с Мариной, а я ему нужен для поддержки. Я же тебе не раз говорил, что Пашка к ней неровно дышит, еще с института, – промурлыкал Юрий, обнимая жену за тонкую талию.

На этом допрос и разнос наконец прекратились, дальнейшее примирение произошло уже в спальне.

На следующий день Марина помчалась в деревню. В доме все было так, как она оставила. Собрав силы, Марина прошла на летнюю кухню. Дивана уже не было, запах выветрился. Зоя позаботилась, оставив дверь открытой, но трагедия осталась, она витала в воздухе, делая воздух в домике более плотным, и казалось, дышать здесь труднее.

«Интересно, пройдет ли это когда-нибудь? Может быть, вообще кухню разобрать?» – подумалось ей. Ничего любопытного на глаза не попадалось. Открыв дверь одного из подвесных шкафчиков, Марина не поверила глазам: в кружке стояли зубная паста и зубная щетка. Она поразилась такой удаче и, радостно запаковав щетку в пакет, выскочила из домика. Тут как тут нарисовалась Зоя. «Господи, ну никуда от нее не денешься!» – простонала про себя Марина, тем не менее радостно улыбнулась соседке.

– Теть Зоя, я за вещами приехала, после такого происшествия что-то мне расхотелось на даче жить. Вчера рванула отсюда, про все забыла, – сообщила она Зое.

– Ну да, ну да, – закивала Зоя, – мне было бы куда уехать, так и я бы съехала. Жутковато тут стало, особенно ночью.

– А ты к сыну съезди. Он у тебя давненько не был, повидаетесь, – посоветовала Марина.

– И на кого я два огорода кину? – возмутилась Зоя. Нет уж, как-нибудь обыкнусь.

Сложив вещи, которые еще не успела разобрать, в машину, Марина вернулась в город. Позвонив Павлу, она сообщила, что разгром моргу не угрожает, материал она добыла. Они пересеклись в городе, и Марина, передав Павлу зубную щетку, вздох-

нула облегченно. Можно отвлечься от этой истории, пока будут делать анализ.

Все эти дни Марина напряженно работала над книгой. Ей подумалось, что она нашла неплохое решение: история с разводом велась и от лица бывшего мужа, и от лица бывшей жены. Прием, не раз использованный в литературе, показался забавным, кроме того, давал пропасть сюжетных ходов и бездну комических ситуаций. Притом, ей казалось, что она неплохо разбирается в мужской психологии и вполне может писать от лица мужчины.

На исходе третьего дня у Марины закончились и силы, и вдохновение. Написано было уже страниц сорок. Перечитав написанное, Марина решила, что сама бы такую книжку почитала. Удовлетворенная проделанной работой, она решила, что может позволить себе небольшой отдых и, приведя себя в порядок, отправилась на вечернюю прогулку. В тот момент, когда она сидела на веранде кафе, наслаждаясь вечерней прохладой и любимым пирожным, позвонил Павел.

– Все подтвердились: погибший парень оказался Юркиным двоюродным братом. Ты сейчас где? – спросил он.

– Сижу в кафе. Пирожное ем, – ответила Марина.

– Дождись, сейчас подскочу.

Марина пожала плечами, она никуда не торопилась. Известие не порадовало и не огорчило, в глубине души она это знала без всяких экспертиз. Минут через двадцать подъехал Павел. Юрию они единодушно решили пока ничего не говорить.

– Вчера сын приехал из Испании. Здоровый лоб, а ведет себя безобразно, капризничает, как барышня. Я в отпуск ухожу со следующей недели, а в Иркутске работает бывший сослуживец, – продолжал Павел, – так почему не совместить приятное с полезным: поехать в Иркутск в отпуск, заодно заняться нашим делом. Личность новоявленного брата надо установить, родственников найти, опознать его, в конце концов. С другом я связался, он с радостью нас примет, заодно устрою Денису своему настоящую мужскую жизнь. На Байкал съездим, от Иркутска

километров семьдесят всего. Как смотришь? – закончил вопросом пространную тираду Павел.

– Да замечательная идея! Отсюда все равно ничего узнать невозможно, надо на месте искать, разбираться. Ты молоток, здорово придумал! – похвалила Марина.

– А я и про тебя уже договорился, слово за тобой. Не беспокойся, – предварил он вопрос Марины, – я объяснил, что ты моя подруга, сокурсница и жена лучшего друга.

– Ну ты даешь! – удивлению Марины не было предела. – А Денис?

– А что Денис? Он тебя помнит с детства, найдете общий язык.

– Но у меня же еще и работа, хоть на полставки, но я не совсем свободный художник, как ты меня дразнишь, – растерянно протянула Марина.

– Так решай свои рабочие дела. Не думаю, что твой шеф так уж в тебе нуждается, обойдется пару недель.

Домой Марина вернулась в растрепанных чувствах: встревожила придуманная Павлом поездка. Нет, ей, конечно, хотелось поучаствовать в этом деле, да и на Байкале она давно мечтала побывать. Ее беспокоили отношения с Павлом, которые давно были непроясненными, и почему-то ей не хотелось эти отношения прояснить. Она почти не спала ночь, но под утро решила наплевать на условности и в отпуск поехать. Ранним утром Марина созвонилась с шефом и слезно умоляла отпустить ее в отпуск.

– Да с ума ты спятила! – выслушав бессвязную чепуху, которую несла Марина, возмутился шеф. – Ты в своей деревне грибами укурилась, что ли? Лето, у меня и так все в отпусках.

– Уволюсь, – выставила последний аргумент Марина. – Ну, Иван Тимофеевич, миленький, очень надо! Я зря разве прошу когда?

Шеф вздохнул.

– Приезжай пиши заявление. Веревки из меня вьешь, несносная девчонка! – и бросил трубку.

Теплое, почти отеческое отношение шефа было выстрадано Мариной многолетней совместной работой. Она пришла в юротдел мэрии выпускницей, по рекомендации декана факультета. За долгие годы шеф много вложил в нее и ценил свой труд. А год назад, когда Марина собралась уходить на вольные писательские хлеба, удержал ее. Иван Тимофеевич предложил перейти на полставки и работать дома. Подумав, она согласилась. Марина умела любой рабочий проект привести в соответствие нормативным документам и в то же время сохранить особенности, на которых настаивали разработчики. Выполняла она это быстро и блестяще. Теперь она это делала, появляясь на работе по своей прихоти и чтоб не забывали.

Решив вопрос с отпуском, Марина начала собираться в путешествие.

4

Павел хмуро смотрел в окно машины – Иркутск ему не нравился. С момента приземления их маленькой компании и встречи с Константином ему не нравилось все. В первую очередь он не ожидал увидеть вместо простого компанейского парня, каким помнил прежнего Костика, холеного, модно и дорого одетого господина. Костик же неподдельно радовался встрече и, оборачиваясь с переднего места рядом с шофером, возбужденно задавал вопросы о прежних знакомых, рассказывал про свою жизнь, при этом еще успевал махать в окно, обращая их внимание на иркутские достопримечательности. Вялую реакцию Павла он принял за усталость от перелета и в конце концов угомонился.

– Заболтал я вас совсем, ну уж очень рад тебя видеть! Так часто наших ребят вспоминаю, какие мы были зеленые, веселые, все «ноу проблемс»...

– Ага, «погони, засады, перестрелки». Это он любит рассказывать, – встряла в монолог Костика Марина.

– Да, – вздохнул Костик, – крутые были денечки. Теперь все иначе: кабинет, компьютер, бумаги...

Машина въехала в фешенебельный двор с охраной, и они последовали за Константином в не менее фешенебельное многоэтажное строение «новорусской» архитектуры.

– Я вас разместил у наших друзей, они сейчас отдыхают в Марбелье и вернутся не раньше сентября. Ключи доверили, чтобы мы цветы поливали и за котом ухаживали. С хозяевами вопрос согласован, не переживайте, – объяснял Костик, открывая дверь квартиры. – Разберетесь сами, устраивайтесь, отдыхайте, а в семь часов – к нам на ужин, покорнейше просим. – Костик шутовски раскланялся и пошаркал ножкой.

Гости вошли в гостиную и застыли на пороге. Посреди гостиной, растянувшись во весь ковер, лежал огромный дымчатый кот. Марина ахнула и рухнула на колени рядом с котом. Она обхватила его огромную голову руками и уткнулась лбом в лоб кота.

– Какая же ты красотища! – замурлыкала она. – Как же нас, таких красивых, зовут?

Величественный котяра только крутил огромной головой, потрясенный непривычным обхождением. Он таращил глаза на вошедших, как бы спрашивая: «Эт-то что такое? И как она смеет?»

Наконец, утомленный такой дерзостью, он высвободил голову из рук Марины и, брезгливо тряхнув задней лапой, удалился. Костик отмер.

– Ну ты даешь! – прошептал он. – Да этого кота сами хозяева боятся. И как только он тебя живьем не съел? Я, пожалуй, пойду. Надеюсь, подружитесь. Располагайтесь. – И ретировался.

Когда за Костиком закрылась дверь, Павел, оглядел хоромы метров на сто пятьдесят, загрустил еще больше.

– Да ладно, не парься. Нам просто повезло: жилье зачетное, Константин тебе рад. Чего еще желать? – попыталась его встряхнуть Марина.

– Можно подумать, ты не понимаешь, откуда взялось такое благосостояние у служителя Фемиды, – буркнул Павел.

– А не надо завидовать, – пропела Марина, кружась по роскошно обставленной гостиной. – Мне здесь нравится, и Костик хороший.

– Ох уж эти женщины, непостоянные создания! То они про волчьи стаи рассуждают, а то покупаются на раз за минимальный комфорт, – укоризненно протянул Павел.

– Какие стаи? – удивилась Марина.

– Ладно, потом поговорим, напомню. А сейчас выбирайте комнаты, приводите себя в порядок – и в гости.

– Слышишь меня? – крикнул Павел сыну, выдернув наушник из уха. – Ты в реал хоть иногда выныривай. А то смысла нет, что приехал, все равно отсутствуешь. Будешь торчать в наушниках, на Байкал не возьму, – и повторил то, что уже сказал Марине с комментарием: – Я тебе не суфлер по несколько раз одно и то же повторять.

– Нужен мне ваш Байкал, и в гости я не пойду, – огрызнулся сын.

– Не ходи, – пожал плечами Павел, – только учти, что ужин нынче не предусмотрен, кормят только в гостях.

После недолгих разговоров все разошлись по облюбованным комнатам и занялись своими делами. Марина разбирала сумку и ругала себя за то, что не подумала прихватить хоть парочку брендовых вещиц, в которых не стыдно показаться на людях. Кто же знал, что они попадут в такие условия. Она на Байкал собиралась, а не на тусовку к богатеньким Буратинам.

«И где была твоя голова, Марина Алексеевна, когда собиралась? Вроде эта блузка вполне приличная. И хорошо, хоть джинсы фирменные. Будем играть роль королевы на отдыхе, – хмыкнула она про себя, – королева Елизавета ходит в платочек и ботах, своими глазами видела по телевизору, а я чем хуже».

Жена Константина неожиданно оказалась приветливой женщиной с усталым миловидным лицом. Вела себя просто, не кичилась богатством и легко поддерживала беседу на любую тему. Павлу она явно понравилась, его лицо утратило хмурое выражение.

ние, постепенно он стал разговорчивым и обаятельным, так что ужин прошел в «простой дружеской обстановке». Даже Денис былнейтрализован компанией племянника Светланы, так звали жену Костики. Подростки, наскоро перекусив, отправились в комнату и больше не мешали взрослым общаться. Расходились поздно, все были довольны проведенным временем и друг другом.

Дениса поручили заботам Димона, племянника Светланы, и на следующий день Марина с Павлом смогли приступить к выполнению плана розыска Юркиного брата. Накануне отъезда они встретились с Юрием и получили письма Максима, погибшего младшего брата отца. Письма были единственной ниточкой, ведущей к убитому. В них они нашли номер части, а в одном письме упоминалось имя любимой девушки: Валентина Коваленко. Но прошло тридцать лет, она могла выйти замуж, поменять фамилию, да мало ли чего в жизни за тридцать лет может случиться. Решили пока Константина не привлекать к расследованию и съездить в воинскую часть на обычном автобусе.

Часов в десять утра друзья отправились в путь. Народу в автобусе почти не было, и они уютно устроились на заднем сидении.

Утомившись молчать, Павел начал подначивать Марину:

– Короткая у тебя память, Маринка. Неужели забыла, как нам впаривала свои идеи насчет устройства государства? «К чему стадам дары свободы? Их должно резать или стричь». Типа правящие элиты – это пастухи: умные стригут свои народы, дурные – режут. Собаки стада охраняют – это армия, правоохранители, а волки – это бандиты, воры, все кто вредит государству. Нас с Юрием назвала охранниками, волкодавами.

– Нашел чего вспомнить, – в полудреме проворчала Марина, – это я не про государство вам говорила, а про Пушкина. Юрий всегда высмеивал мою любовь к нему: «Маринка со своим Пушкиным вечно носится, банальное мышление», и прочее. И я начала его цитировать, что про все у Пушкина написано, про любовь, жизнь, свободу, про все-все. Я всегда у него получаю ответы, даже если у меня вопросов нет.

– Любовь твоя к Пушкину известна, но мне понравилось про волков и волкодавов, очень приятно осознавать себя волкодавом. Жалко только, что Юрка наш теперь с волками живет из-за любви к волчице.

– Это точно: волкодав ты и есть, – подтвердила Марина. – А нынешнее окружение Юры – настоящая волчья стая. Ладно, закругляйся и за остановками следи, а то проедем.

– Так вот же остановка наша, шевелись! – воскликнул Павел, схватил Марину за руку, и они быстро выскочили из автобуса.

В воинской части Марина и Павел никак не могли добиться встречи у начальника и от скучи разговорились с дежурным. Павел спросил, не осталось ли в части людей, которые служили здесь лет тридцать назад, и что они ищут родственника, служившего здесь в то время.

– Никого не осталось, у нас постольку не живут, – хмыкнул дежурный. – Хотя, погодите, недавно на пенсию Клавдию, – с удоврением на «и» произнес дежурный, – со столовки проводили, может быть, она и работала лет тридцать назад, не знаю.

– А как бы нам эту Клавдию разыскать? – спросила Марина.

– И что, не будете больше к начальнику рваться? – вопросом на вопрос ответил дежурный.

– Не бу-у-дем, – протянула Марина, – только адресок нам организуй.

Дежурный позвонил кадровикам и выпросил адрес поварихи, сказав, что Клавдию ищут какие-то родственники.

Решили вызвать такси, чтобы не заморачиваться с поисками адресата. И оказались правы, даже на такси пришлось ехать почти сорок минут.

– Трудновато Клавдии приходилось на работу добираться, – посетовала Марина, – наверное, потому и уволилась.

Такси высадило их возле типового четырехэтажного здания, и через несколько минут они уже стояли на пороге квартиры под вопросительным взглядом пожилой, но еще крепкой женщины. После невразумительных объяснений Клавдия

вздохнула и, отступив на пару шагов вглубь квартиры, пригласила зайти.

– Ну что ж, говорите толком, зачем я вам понадобилась, – сказала женщина, усадив непрошеных гостей вокруг стола. – Сейчас чай принесу, почавничаем, поговорим.

– Мы даже не уверены, что вы сможете нам помочь. Мы разыскиваем людей, которые что-то знают о Максиме Волгине. Мы оказались на отдыхе в Иркутске, и наш друг попросил выяснить обстоятельства его гибели, а главное, разыскать Валентину Коваленко, его девушку, – объяснил хозяйке Павел.

– Максимка! Как же мне его не помнить? – вздохнула Клавдия. – Вам повезло, что вы обратились ко мне. Хороший мальчик был. Я тогда только устроилась в столовую, а он за самоволки наряды получал частенько, вот и прижился у нас на кухне. И Валечку я его знала, такая чудесная девочка была, он к ней в самоволки бегал, – Клавдия смахнула слезу. – За самоволки эти Максим и пострадал. Как-то собрался в очередную самоволку, а возле забора его старшина поймал. Старшина этот здоровенный парень был, вот и врезал ему от души. Сколько было, Максим на ногах не удержался – и прямо виском о бетонный столб... На месте умер. Ну что делать? Получается, несчастный случай, не собирался же старшина парня убивать. Замяли дело.

Клавдия замолчала, Марина с Павлом тоже молчали.

– Не успели они с Валечкой пожениться, а она уже беременная была, – продолжала Клавдия. – А уж как по нему эта девочка убивалась, но что тут поделаешь. Такая им судьба выпала. Жила я тогда недалеко от части, а Валя в соседках у меня была, так что и про дальнейшую ее судьбу знаю. Вырастила она Максимова сына, замуж так и не вышла, всю жизнь сыночку посвятила. Парень славный у нее получился. Семья у него имеется: жена, сынок, а Валентина померла пару лет назад. Ну что вам еще рассказать?

– Спасибо вам, мы даже не ожидали, что сможем так быстро на след Максима выйти, – поблагодарил Павел. – А как нам найти его сына?

– Вот тут не подскажу: переехала я, а они от матери отдельно жили, я их адреса не знала. И не видела его давно, со смерти Валечки, – с сожалением отозвалась Клавдия.

– Ну что ж, будем искать, вы нам только скажите его фамилию, имя, – попросила Марина.

– Фамилию ему Валентина Максимову дала, и имя, и отчество, так что зовется он Волгин Максим Максимович. Поздновато только родственнички спохватились его искать, – в голосе Клавдии послышался явный упрек.

– Так получилось. Племянник Максима случайно нашел его письма, решил прояснить эту старую семейную историю, а мы в Иркутск собрались, вот и совпало все, – пояснила виноватым голосом Марина.

Попрощавшись с хозяйкой, Марина с Павлом вышли на улицу.

– Что до меня, то на сегодня мне хватит, – сказала Марина. – Предлагаю пообедать и по городу побродить. Мне показалось, что город реально красивый.

– Согласен, – отозвался Павел. После разговора с Клавдией он тоже выглядел грустным.

Обедали в симпатичном кафе на Нижней набережной. День был солнечным, даже жарким, но на веранде кафе хозяиничал свежий ветер с Ангары, и было прохладно. Широкое полотно реки цветом напоминало закаленный стальной клинок, когда в надежных руках мастера по нему пробегают синие сплохи. Солнце усиливало этот необычный эффект, добавляя к синим сплохам россыпи искр, как будто в клинок были вмонтированы драгоценные камни.

– Сама себе не верю, что сижу на берегу Ангары. Я про нее еще в детстве легенды читала: «Была у богатого отца сурового Байкала большая семья, триста сыновей и дочерей, а самая любимая – своюенравная красавица Ангара. И полюбила она веселого, могучего богатыря Енисея, но вредный отец был против их брака, тогда влюбленная решила бежать. Само собой, отец подался

за ней в погоню, но видя, что не сможет догнать, схватил скалу и бросил вдогонку, но ее и камень не удержал». А дальше не помню, короче, все умерли, как и положено в легендах.

В книжке еще было про Бий-Хем и Кaa-Хем, так местные народы Большой и Малый Енисей называли. Надо же, забыла. У каждого народа, у каждой местности есть похожие легенды, в детстве мне эти легенды очень нравились, – говорила Марина.

Павел слушал ее с удовольствием, открывавшийся перед ними речной простор и красивые виды располагали к романтическим беседам.

– Замечательная легенда, очень романтично, – Павел взял руку Марину и поднес к губам, но она осторожно выкрутила свою руку из его руки.

– Паша, это лишнее, мы же договорились: я здесь – твоя подруга, – укоризненно произнесла она.

– Можно подумать, в других местах ты мне не подруга. Не притворяйся, ты прекрасно понимаешь: роль твоего друга изрядно меня утомила, – с огорчением вымолвил Павел.

– Пока я не готова наши роли менять, мы же договорились. Будешь настаивать, я брошу все и уеду, – попыталась с грозной интонацией сказать Марина, но голос получился тоненьkim и смешным.

От этого ее охватила ярость на саму себя, она вскочила со стула и с искаженным гневом лицом понеслась к выходу из кафе. Обескураженный Павел был вынужден остаться – надо же расплатиться. Он потерял несколько минут, пока искал официанта, и когда вышел из кафе, Марины нигде не было.

«До чего вредная баба и куда только подевалась. Черт меня дернул с романтикой к ней соваться. Ладно, пусть побегает – успокоится, актриса погорелого театра, – сердито думал Павел, – погуляли называется».

Вокруг действительно было красиво. Неподалеку располагалась необыкновенно яркая церковь, с синими куполами и красными стенами, виднелся шпиль католического собора.

«О, как у них дружно: и православные, и католики в одном месте. Но гулять одному скучно», – расстроенно думал Павел. Чтобы убить время, он набрал номер сына, но тот оказался недоступен. Взволновавшись, позвонил Константину, который сразу откликнулся:

– Не переживай, он с Димоном и его друзьями. Может быть, зарядка закончилась.

Павел немного успокоился.

– Хорошо. Ты не смог бы нам помочь с адресом Волгина Максима Максимовича. Мой друг попросил его найти, но адреса не знает сам.

– Да не вопрос, – отозвался он, – через часок перезвони. Напоминаю: вы у нас ужинаете, мы вчера договорились.

– Костя, неудобно, тебе с нами и так столько хлопот, – промялил Павел.

– Да не придумывай, если бы я к тебе на неделю завернул погостить, ты что, со мной не возился бы? Не верю. Ты даже не представляешь, как я рад твоему приезду, это как глоток свежего воздуха, как возвращение в молодость, – разразился тирадой Костик.

– Ну хорошо-хорошо, согласен, мы будем сегодня у вас на ужине, – подтвердил Павел.

5

К вечеру Марина вернулась на квартиру. Ей было неловко за свою несдержанность. Они оба сделали вид, что ничего не случилось – недосказанность давно стала основой их отношений. Павел коротко сказал, что их ждут на ужине у Костика, и Марина решила не спорить, хотя ей очень не хотелось быть сейчас среди чужих людей. К семи появился усталый и довольный Денис. На вопросы отца, где был и что делал, удостоил быстрым ответом, что был с ребятами. Про телефон ответил, что тот разрядился и он про него забыл. Этим ответом сын так удивил Павла, что он оставил парня в покое.

На ужине Марину ждал неприятный сюрприз: хозяевами были приглашены две пары. Она сразу почувствовала себя неуютно и раздосадовалась. Сегодня ей совершенно не хотелось общаться. Тем более что пришедшие раньше гости уже затеяли разговор о феминизме. Одна из приглашенных дам, бизнес-вумен, разглагольствовала, как здорово с этим вопросом на Западе и как бедных женщин угнетают в России. Марина не слушала эту белиберду и вяло ковыряла вилкой в тарелке. Но отмолчаться ей не позволили.

– А вы что думаете по этому вопросу? Светлана говорит, вы писатель, инженер человеческих душ, так сказать, – обратилась бизнес-вумен к Марине.

Она поморщилась, неохотно ответила:

– Какой я писатель, одна книга не делает человека писателем.

– Не скромничайте, не скромничайте, – не отставала дамочка.

– По данному вопросу я вообще ничего не думаю, он меня не интересует. Я равноправие понимаю как равноправие человека перед законом независимо от пола. Такое равноправие в России есть, как юрист могу сказать. Кстати, предоставление преимуществ одному из полов считаю мракобесием. Это то, что сейчас творится на Западе.

После тирады Марины все замолчали и уставились на нее, как будто она сделала что-то неприличное, над столом повисло тяжелое молчание.

Положение спасла хозяйка, она неожиданно захлопала в ладони и, улыбаясь, сказала:

– Вот это я понимаю – профессионал. Двумя предложениями все поставила на свои места.

За Светланой облегченно захлопали мужчины, а дама буркнула про себя, что это уже профессиональная деформация. Ох, зря она это. И тут Остапа понесло.

– А как быть с биологической деформацией? – наехала Марина на даму. – Природа миллионы лет трудилась: каждому полу

свою задачу определяла, чтобы была природная гармония. А сейчас полный хаос: женщины наращивают мускулы, мужчины озабочены внешностью. Про прочее просто неприлично говорить в обществе. И к чему это приведет? Выпрем, вот весь ваш феминизм сам собой закончится, – заключила она.

Присутствующие за столом выслушали Марину в полной тишине и сделали вид, что ничего не произошло. Все продолжили болтать, переключившись на другие темы. За столом воцарился мир, но трогать Марину никто больше не решился, а она не вызывала желания вступать в разговор.

Когда вернулись к себе, Павел молча покрутил пальцем у виска, а Марина показала ему язык, на том и разошлись по своим комнатам. Зато Денис за спиной у отца показал ей большой палец, они с Димоном немало позабавились этой сценой.

Марина уснула сразу, сны ей не снились, но среди ночи она неожиданно почувствовала рядом с собой тепло и тяжесть чужого тела.

– Ты, Пашка, совсем уже охренел, что ли?! – возмущенно протянула она руку, чтобы столкнуть непрошеного гостя на пол, но неожиданно наткнулась на что-то мягкое и пушистое. «Елки, это же кот», – поняла она.

Котяра расположил филейную часть и пушистый хвост на соседней подушке, засунув голову под одеяло. Марина облегченно вздохнула. Она обхватила толстую ляжку кота и, пробормотав: «Ах ты, противный Бегемот», снова крепко заснула. Когда утром она открыла глаза, кота рядом уже не было.

В планах Марине и Павла на этот день было посещение жены Юркиного брата. Адрес им вчера дал Костик. Они были уверены, что женщина на работе, но все-таки нашли дом, позвонили в дверь и от бдительной соседки получили подтверждение, что хозяйки нет и вернется не раньше семи часов вечера. Тогда они отправились искать отделение полиции. Оказавшись около отделения, они поинтересовались доской с объявлениями.

На стенде, где находились фотографии с потерявшимися людьми, они обнаружили фото Максима.

– Все-таки его здесь разыскивают, – сказал Павел. – Ну что ж, пойдем поможем коллегам.

В отделении их направили к следователю, которому был поручен розыск пропавшего. Павел сообщил о гибели Волгина Максима Максимовича, заодно сообщив координаты отдела полиции, занимающегося расследованием обстоятельств его гибели.

Следователь показался им неравнодушным парнем, а удостоверение работника следственного комитета, показанное Павлом, сделало его еще более разговорчивым. Поместив показания в папку, он огорченно произнес:

– Эх, придется теперь жену оповещать. Самое неприятное в нашей работе – это сообщать людям о гибели близких. Сколько лет работаю, никак не привыкну. А жена у вашего Максима такая, – он замолчал, подыскивая подходящее слово, – трепетная. Видимо, любит его, переживает очень.

– Не надо, мы вечером у нее будем, сообщим на правах родственников, – утешила его Марина.

Капитан благодарно посмотрел на нее.

– А я почти ничего и сделать не успел. Только на работе побывал, в музее. Жена говорит: «В командировку послали», там говорят: «Не посыпали никуда». И, странное дело, у них, в этом музее, эпидемия несчастных случаев. Один сотрудник пропал, другого избили до полусмерти, без сознания был, недавно пришел в себя. Может быть, Волгин ваш его избил, а потом испугался и скрылся. Но кто же тогда у вас его убил? – капитан покрутил головой. – Запутанная история, однако.

– Ничего, разберутся, – ответил Павел.

– А вдруг у них что-то пропало? – предположила Марина.

– Спрашивал. Начальство музейное говорит, все на месте.

Посетил парня этого в больнице, вдруг он что-то про Волгина знает. Молчит, вроде не в курсе. Спрашивал: «Кто избил?» Говорит: «Не видел – ударили сзади». Может быть, никакой связи

между этими происшествиями и нет. Мало ли хулиганья. Волгин и подавно теперь ничего не скажет. – Капитан махнул рукой. – Нам бы с реальными делами разобраться, антикварами и тяжкими телесными другие занимаются. Вы свои координаты оставьте, пока здесь, вдруг понадобитесь, – попросил он Павла и Marinu.

– А вы не подскажете, в какой больнице этот парень лежит? Мы бы его навестили, – попросила Marinu.

– Сходите, – отозвался капитан, – вдруг вам он что-то расскажет, вы родня, не полиция. – Он черкнул на бумажке данные избитого парня и адрес больницы. – Вот, пользуйтесь моей добротой, а скажет чего дельного, так вы мне сообщите, я ребятам передам, которые его делом занимаются.

– Само собой, – подтвердил Павел.

Попрощавшись с капитаном, они вышли на улицу.

– Работнички! – фыркнула Marinu. – Лишь бы ничего не делать.

– Скажи спасибо, а то и знать бы не знали про музейщика. На работе могли и не рассказать. А я чувствую, что таких совпадений не бывает. Нутром чую, что-то здесь нечисто. И адрес больницы в тему, повезло нам.

– Заступаешься за своих волков. Только не все вы одной крови, среди вас самих сейчас больше волков. Волковавы все – в сериалах, там они молодцы, а в жизни... Даже говорить не хочу, – сердито отозвалась Marinu.

– Вот и помолчи лучше, – потребовал Павел, – критиковать всегда легче, чем работать. Ты же не пошла в следствие, еще неизвестно, как бы ты работала, – продолжил он свою отповедь Marinе. – А лишняя информация ни нам, ни им не помешает.

– Надо в больницу ехать, – через какое-то время продолжил он. Но, думаю, туда мы отправимся завтра, в отпуске мы или как. А у нас с тобой впереди целый свободный день, пора посвятить его знакомству с городом, раз вчера не получилось, – предложил Павел примирительно.

Marinu услышала в этой фразе затаенный упрек, но сочла за лучшее этого не замечать. Павел позвонил Константину и по-

просил «увольнительную» на сегодняшний вечер, объяснив, что они вечером должны посетить знакомого. В трагические события, случившиеся у них дома, Павел решил пока друга не посвящать. Они раздобыли карту города и, засев в кафе, принялись ее изучать, составляя план экскурсии. В городе оказалось полно достопримечательностей, Марина и Павел решили начать с музея декабристов.

Когда через несколько часов они оказались на улице, Марина сказала:

– Я знала, что они неплохо жили в Сибири, но что настолько неплохо, даже представить не могла.

– Это они так замечательно устроились, когда уже каторгу отбыли. Дома просто дворцы, но дом Трубецких понравился мне больше, у него такая необычная архитектура. Ты не забывай, что Волконские – князья, Трубецкие – графы, родственники их не бросили, помогали. У других декабристов положение было намного хуже, – ответил Павел, – а экскурсовод хороший, интересно рассказывает.

– Я в детстве была очень декабристами увлечена, они казались такими героями – красавцы, вольнодумцы. А теперь думаю, ведь это восстание – полная бессмыслица, неподготовленное, бесполковое. И в детстве, и сейчас особенно жалко солдат. Они совсем ни за что пострадали. Командиры скомандовали, они подчинились и стояли на площади, ничего не понимая, а их потом в кандалы – и в Сибирь, да еще через шпицрутены прогнали. А вообще настоящие герои для меня – женщины-декабристки, ангелы-хранители, без них стинули бы эти изнеженные бары в сибирской глупи, – возбужденно говорила Марина.

Она так раз волновалась, произнося свою речь, что остановилась и стала размахивать руками прямо посреди улицы, пока Павел не взял ее крепко за локоть и не перевел на тротуар.

– Все, что ты говоришь, может быть, даже правда, но не хватало под машину угодить, – заметил он с легкой укоризной.

– О, елки, чего это я разошлась, неудавшееся восстание всегда кажется неподготовленным и бессмысленным. Сколько у нас

было этих дворцовых переворотов, и вряд ли другие были подготовлены лучше. Просто кому-то везет, кому-то нет, – сказала Марина, приходя в себя.

Потом они обедали, гуляли по городу, особенно им понравилась центральная площадь города – площадь Сперанского. Просторная, с фонтаном и большим количеством оригинально разбитых клумб.

Забрали в художественный музей, двухэтажный особняк в центре города. Коллекция была крепкая, как сказала Марина, встречались работы Репина, Маковского, Сурикова. Павел к живописи был равнодушен, но послушно брел за Мариной по залам и даже делал вид, что разделяет ее восхищение, когда она ему показывала ту или иную картину. В здравом уме он бы не потащился в музей. Куда лучше засесть в кафе, попивать сухое красное, разглядывать посетителей и прохожих, травить веселые байки, чтобы Маринка смеялась. Он любил, когда она смеялась. И главное, никуда не торопиться, но, увы, Марина предложила такой способ убить время до встречи, не спорить же с ней.

В конце уставшие от пеших прогулок и впечатлений, они приехали к дому Волгиных.

– Нам придется сейчас сказать женщине, что ее муж погиб, и лишить надежды. Давай не с порога, хоть поговорим, – поежившись, как от холода попросила Марина Павла.

Он согласно кивнул:

– Будем посмотреть по обстановке.

Глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, Павел нажал на кнопку звонка, и они, тревожно переглянувшись, уставились на дверь. Она распахнулась тотчас же, как будто женщина стояла рядом и ждала их.

– Вы Анастасия Волгина? – спросил Павел белокурую синеглазую женщину, открывшую им дверь.

«Удивительно ей подходит имя Анастасия, – подумала Марина, – такой чисто русский тип, статная, крепкая, и коса – это такая редкость сейчас».

– Да, это я, – ответила тревожно женщина. – Кто вы такие, что вам нужно?

– Не бойтесь, мы друзья родных вашего мужа, собирались в Иркутск, и они попросили разыскать и навестить его родню. Впрочем, может быть, вы не знаете, но у вашего мужа есть родственники. А с вашей стороны было бы любезно пригласить нас в дом, – предложил Павел.

– Да, конечно, проходите, но мужа сейчас нет дома, – нервно сказала женщина.

– Собственно, нам ничего не нужно, – ответила Марина, – мы хотели познакомиться. Я жена двоюродного брата вашего мужа, меня зовут Марина, это лучший друг моего мужа Павел, а еще у него есть родной дядя и маленький племянник.

– Макс узнал о родне пару месяцев назад, – ответила Анастасия, проводя непрошеных гостей в большую комнату. – Располагайтесь, я сейчас займусь сына, чтобы он не мешал нам разговаривать...

После возвращения в комнату она продолжила:

– Макс весной разбирал вещи на даче (собирался делать ремонт) и наткнулся на неотправленные письма. Мать писала несколько писем в разное время родне Макса про смерть мужа, про то, что у него родился сын, но, видимо, не решалась отправить. Он всегда считал, что у них с мамой нет родни. После смерти матери считал, что остался совсем один и, кроме нас, у него никого нет. Обрадовался, но у него не было времени заняться новоявленной родней. В последнее время он очень много работал, был срочный заказ.

– А кто он по профессии? – спросил Павел.

– Айтишник, и очень неплохой. Сейчас работает в одном из музеев, делает программы, электронную базу по фондам, помогает оцифровывать документы. Недели две назад Макс вернулся домой поздно, сказал, что уезжает в срочную командировку, собрался за полчаса и уехал. На следующий день я пыталась с ним связаться, но он оказался недоступен. На работе говорят, что в командировку его

никто не посыпал. Вестей от него нет, и я недавно обратилась в полицию. Только от нашей полиции толку никакого, хорошо хоть заявление приняли. Не хотелось бы думать о Максе как о пропавшем, но его нет так давно. Может быть, вы что-то знаете? – Анастасия закончила пространный монолог и тревожно взглянула на гостей.

– А у вас есть фотографии? Может быть, посмотрим? – спросила Марина.

– Фотографии-то вам зачем? – вопросом на вопрос ответила Анастасия.

– Как зачем? Самого хозяина, как мы поняли, не увидим, так хоть на фото посмотрим, – нашлась Марина.

– Конечно есть, у нас много фотографий, сейчас принесу, – поднялась Анастасия. Пока она уходила вглубь квартиры, Павел спросил:

– Что делать-то будем? Говорить? И правда, зачем тебе фотографии?

– Сама не знаю зачем. Сказать про Макса язык не поворачивается, вот и ляпнула. А что нам остается? – шепотом ответила Марина. – Мы же в полиции наобещали.

– Вот последние наши, мы фотографировались весной в парке, – вошла Анастасия с альбомом.

– Какие вы молодцы, фотографии делаете, – похвалила Марина. – Сейчас, кажется, никто не размещает фотографии в альбоме, народ фотки хранит в телефонах.

– Макс не любит «цифру», он снимки делает на пленку, правда, сам не проявлял, времени не было. Говорит, что «цифра» убивает душу, делает фотографию плоской, неживой, – пояснила Анастасия.

Марина взяла альбом и, хотя знала, что увидит лицо Макса, все же не справилась с собой, альбом выскользнул из ее рук и упал бы на пол, если бы Павел не подхватил его. Анастасия во все глаза смотрела на нее и не могла не заметить волнение.

– Я чувствую, вы что-то знаете, – вопросительно-утвердительно сказала она.

– Да, Настя, знаем, но не знаем, как сказать... Очень не хочется... ваш муж погиб, – с легкой заминкой произнесла Марина.

Они оба тревожно уставились на Анастасию, не зная, что дальше делать и говорить, ожидать можно было всего.

Анастасия только побледнела и тихо сказала:

– Я гнала от себя эту мысль, но сердце не обманешь.

Она помолчала несколько минут, забыв о гостях, потом через силу спросила:

– Как это произошло?

– Мы сами не знаем. Его нашли мертвым на нашей даче, и до сих пор не понятно, как он туда попал и кто его убил, – ответила Марина, – мы пытаемся это выяснить. Он очень похож на моего мужа, поэтому мы провели генетическую экспертизу, и она подтвердила родство. Потом уже нашли письма его отца, в которых он писал про Валю Коваленко. Так мы вышли на вас. Но живым мы его не видели. Это очень непонятная история.

Анастасия сидела, опустив руки на колени, и слушала их. Потом попросила:

– Оставьте меня, пожалуйста. Завтра приходите, завтра, мне нужно побывать одной.

Павел и Марина, неловко наскоро попрощавшись, заторопились к выходу. Павел черкнул на блокнотной страничке свой телефон и оставил в прихожей, когда Анастасия придет в себя, она будет знать, как их найти.

Выйдя на улицу, они долго молчали, жадно вдыхая прохладный пахнущий бензином и летом воздух. На душе было тоскливо, и не хотелось даже думать, что сейчас творится в душе женщины, только что узнавшей о смерти любимого человека.

6

На следующий день, накупив соков и фруктов, они приехали в больницу к музейшику, так они стали называть сослуживца Макса.

– Да, кстати, не стоит ему говорить, что Макса убили, он на-верняка напуган. Лучше сказать, что он пропал и родственники его ищут, – предупредил Павел Марину, она тихо буркнула, что согласна.

Вначале они нашли лечащего врача, узнали о состоянии пациента. Врач сказал, что пациент средней тяжести, непременно пойдет на поправку и выкарабкается. Насчет того, нужны ли дополнительные лекарства, врач жадничать не стал, объяснил, что не в лекарствах дело. На данном этапе решающую роль играют молодость и организм больного. Разрешил посещение минут на десять, потому что волновать больного неполезно.

Марина и Павел осторожно заглянули в палату. Пациент лежал один и смотрел в потолок. Зрелище было жалкое, у парня были забинтованы голова, грудь и даже одна нога. Встретил он незнакомых посетителей нервно, Марине пришлось долго убеждать парня, что она жена брата Макса. Поверив, что они родственники, он разразился проклятиями в его адрес. Удивленной Марине пришлось остановить поток ругательств.

– Пожалуйста, расскажите нам все, что знаете, мы теряемся в догадках, куда подевался Макс, жена вся извелаась, – уговаривала паренька Марина.

Наконец парень прекратил ругаться и у него развязался язык.

– Макс собирался податься в Питер, – неохотно выдавил он из себя. На вопрос Мариной «Зачем Максу Питер?» – он закатил настоящую истерику: – Потому что дурак, был бы умный, я бы сейчас не лежал тут, а его бы не пришлось искать. Послушался бы меня, мы оба были бы в шоколаде.

Видя, что родственники ничего не поняли, он замолчал и повернулся к стене, буркнув, что устал.

– Вот что, друг, – решительно вмешался Павел, – сказал а, говори уже и бэ. Нам нужно понять, что случилось.

– А он кто? – спросил парень у Мариной.

– Он друг брата и частный детектив, мы не имеем отношения к полиции. Ты можешь нам все рассказать.

– Хорошо, я расскажу. Все равно теперь, раз ничего не получилось. Макс ваш все испортил, – опять заныл избитый и начал рассказывать: – Вы не поверите, но я случайно нашел неизвестное письмо Пушкина, когда готовил переписку Волконских для оцифровки. Какая-то Лиззи писала Марии Волконской пространное письмо на шести страницах на французском языке, две из них оказались склеены уголками. Видимо, сотрудники письмо просматривали бегло, тут пропасть этих писем, целый архив, и в нем не нашлось ничего интересного. Так, светская болтовня. Но когда я разъединил страницы, оттуда выпал небольшой листок, в половину тетрадной страницы, весь исписанный, и тоже на французском языке. Я сразу узнал его руку. И чуть не сошел с ума – найти неизвестное письмо Пушкина! Это как найти клад!

Он замолчал, лицо исказилось, по нему потекли слезы. Марина и Павел молчали, ошеломленные, они ждали, когда парень снова начнет говорить.

– Я знал одного солидного антиквара и предложил автограф ему. Сначала он мне не поверил, но я же музейный работник, предоставил экспертизу. Ее я, конечно, сам нарисовал, не привлекать же настоящих экспертов, а в подлинности письма я не сомневался. Мы сговорились на сто тысяч евро, но в день, когда я должен был встретиться с покупателем, передать автограф и получить деньги, в мою машину сел Макс. Прямо возле музея после работы. Он раньше случайно увидел меня с этим мутным типом и решил проследить за мной. Макс потребовал все рассказать, а когда узнал, в чем дело, велел отдать автограф ему. Я упрашивал его, предлагал войти в долю, подстраховать меня при передаче, деньги предлагал, десять тысяч евро просто за молчание. Но с ним невозможно было договориться, он нес чушь про то, что письмо надо отвезти в Пушкинский дом. В конце концов, он треснул меня чем-то по голове, и я потерял сознание. Когда очнулся, не было ни Макса, ни письма, ни оружия, которое я купил на всякий случай. Больше я про вашего Макса ничего не знаю и знать не хочу, может быть, этого дурака

убили в Питере, раз он пропал. – Парень замолчал, по лицу снова потекли слезы. – Антиквар не поверил, что на меня напали, решил, что я ему соврал про автограф, надуть хотел. Его теплохранители отделали меня, хорошо хоть жив остался. Я боюсь, что он и дальше будет мне мстить.

– Всего этого просто не может быть, потому что не может быть. Сознайся, ты все выдумал? – потрясенно сказал Павел.

– Ничего я не выдумал, так все и было, – огрызнулся музейщик.

– Если ты не сказал, кто на тебя напал и отобрал автограф, то эти бандиты ничего не знают о Максе, – сделала вывод Марина. – Но почему он пропал? Ты не сочиняешь часом?

– А какой смысл мне был его называть? Если бы Макса нашли бандиты, денег бы они мне не заплатили.

– Да ты не переживай за деньги, они бы тебе и так не заплатили, – «утешила» Марина, – зачем платить, если можно просто отнять. Ты полиции смотри не рассказывай, а то отправят в психушку голову лечить. Тем более что автографа у тебя нет, как нет и доказательств. Или привлекут за кражу ценного экспоната.

– А то я дурней вас, – буркнул парень.

Покинув больницу, они долго молчали.

– Я даже не знаю, что тут обсуждать и что теперь делать. И еще надо придумать, что сказать капитану, раз обещали. Не рассказывать же ему этот бред, – наконец сказал Павел.

– Д-а-а уж... – протянула Марина. – Вот мы и знаем тайну Макса, но это ничуть не приблизило нас к пониманию, кто его убил. Зато мы теперь знаем за что.

– И ты всерьез веришь во все это? – спросил Павел. – А сумму он называл несусветную, неужели автограф может так дорого стоить?

– Он стоит намного дороже, я читала, за границей вообще нет автографов Пушкина, последний продали каким-то русским меценатам тысяч за триста евро предположительно. А там было строчек шесть всего. Если музейщик правду говорит, это письмо

стоит намного больше и на аукционе может потянуть тысяч на пятьсот, тем более это неизвестный автограф.

– Пока придется поверить и держаться этой версии, она хоть что-то объясняет, – продолжала Марина. – Я надеюсь, что парень не врет, и он не разболтал антиквару, кто забрал письмо. А если признать, что про автограф все правда, то мы с тобой докатились до сокрытия улик. Но давай оставим на время эту тему, надо ее осмыслить. А мы теперь должны озабочиться, тем что Макса нужно достойно похоронить, он до сих пор лежит в морге среди неопознанных трупов. Анастасия должна поехать к нам, опознать и забрать домой.

– Ты права совершенно, сейчас позвоню Юрию, пусть поможет бедной женщине справиться с этими процедурами, – согласился Павел.

– Да, – отозвалась Марина, – это будет правильно.

Вечерний ужин, как всегда, прошел у Константина. Было просто, по-домашнему, без гостей и спиртного. А по дому носились два шумных белобрысых пацаненка лет пяти, абсолютно похожие друг на друга, дети Светланы и Костики, близнецы Бока и Вока (Борис и Владимир соответственно). Они на несколько дней были сосланы к бабушке и теперь шумно выражали восторг от возвращения домой. Марина любила детей и с радостью присоединилась к шумному веселью. Они с удовольствием забивали мяч в импровизированные ворота из диванных подушек и вопили: «Гол!». Пацаны были вне себя от счастья, что взрослая тетя разделила их игру. Из-за шума их сослали в детскую, где они продолжили веселье, играли во все игрушки и даже дрались на джедайских мечах.

Пока Марина предавалась разгулу с детьми, Константин пригласил Павла на балкон.

– Я прекрасно понимаю, что ты думаешь, – начал Костик, – но ты сделал неправильные выводы. Я взяток не беру, дела не делаю. Стараюсь работать честно, насколько это в нашей системе возможно, и не тебе объяснять: не все зависит от нас. «Не расстреливал несчастных по темницам», – криво усмехнувшись, про-

цитировал он Есенина. – Да, то, что ты видишь, стоит больших денег, на мне тряпки нет дешевле тысячи баксов, но это честные деньги. Моя Светлана, классный хирург, руководит частной клиникой, еще и сама оперирует, ей платят какие-то несуевые по нашим меркам деньги. Нас в прокуратуре тоже сейчас не обижают, но она получает на порядок больше меня. Я этакий альфонс, живу на деньги жены, но на нее никакие уговоры не действуют. Покупает мне дорогие вещи, еще обижается, когда отказываюсь носить. И квартира эта тоже ее, но я ей условие поставил: дом за городом строю на свою зарплату. Поэтому и живем в городе, уже пятый год строю, – Константин затянулся сигаретным дымом, закашлялся. – Бросаю курить, отвык, – пояснил он.

– Не переживай, Костик, – после некоторого молчания сказал Павел, – ты не должен мне ничего объяснять. А то, что вы честные люди, мне уже Марина сказала. Как она это чувствует, я не знаю, но она никогда не ошибается.

– Она у тебя классная. Почему вы не вместе? Видно же, что ты ее любишь, – поинтересовался Костик.

– Вот именно, я люблю. Она три года назад развелась с мужем, моим лучшим другом, а я просто друг. Я слишком долго ее друг – это бесперспективно, – вздохнул Павел. – Ладно, нам пора, и вам нужно отдохнуть.

– Совсем забыл, готовьтесь, завтра мы едем на Байкал, – проговорил Костик, уже заходя в комнату.

Последнюю фразу услышали Денис с Димоном, которые вылезли наконец из своей берлоги, соблазнившись тортом.

– Ура-а-а! – завопили они. – Едем на Байкал!

На этой шумной радостной ноте гости удалились в свои хоромы.

Из Листвянки выехали уже в сумерках. Константин сказал, что не стоит выезжать раньше, а то на дороге пробки не миновать.

Всю обратную дорогу до Иркутска Марина молчала, ее захлестывали эмоции. Мечта осуществилась: она побывала на Байкале. Сейчас она сидела в уголке машины и переживала недавние события.

Когда она впервые увидела Байкал, было сумрачно. Темные тучи висели над озером, дул сильный порывистый ветер, а озеро, казалось, было заполнено жидкотекущей ртутью. Вода и цветом, и плотностью напоминала ее. Серая, с металлическим отблеском, она тяжело перекатывалась под порывами ветра. Простора, как ожидала Марина, не было в помине, озеро казалось зажатым между темных лесистых холмов, которые совсем не походили на живописные скалы.

– А где же «славное море, священный Байкал»? Совсем не похоже, – удивленно спросила Марина у Костики.

– Не переживай, – сказал Костики, – Байкал возле Листвянки не Байкал, вот пойдем в Коты, там увидишь. Да и погода здесь меняется постоянно, при солнце будет другой вид.

И вслед за словами Костики тучи стали постепенно расходиться, словно занавес на сцене, сдвигаясь от центра в стороны. Через десять минут засияло солнце, и озеро буквально вспыхнуло снопом синих искр. Цвет воды резко сменился на ультрамариновый. В тени холмов вода стала густо-синей, почти черной, к центру светлела и отливалась лазурью, а возле берега плескалась чистая бирюза. Пологие горные хребты, идущие один за другим, повинувшись величественному ритму, из просто темных превратились в бурье, зеленые, синие, голубые... Еще через десяток минут на синем небе стала образовываться белая паутинка облаков, она постепенно уплотнялась, образовывая кучевые облака, которые, словно гимнасты на арене цирка, начали громоздиться друг на друга. Облака плавно перетекали друг в друга. На небе, как на экране, замелькали фигуры драконов, которые неожиданно превращались в верблюдов, жирафов, слонов, – настоящая небесная Африка. Образовывалось что-то похожее на эскадрилью самолетов, проплывали гигантские рыбы, колыхались кудрявые паль-

мы. Все было текучим, зыбким, непостоянным. Заходящее солнце подсветило облака косыми лучами, и они засветились изнутри теплым медовым светом, а кайма облаков стала огненно-золотой. Этот спектакль продолжался весь вечер, пока солнце не нырнуло за один из холмов. Необыкновенная уха из байкальских деликатесов стала достойным завершением первого дня.

А потом была рыбалка около Больших Котов, где, как и обещал Константин, Байкал показался во всей красе и был похож на синее-синее море. Марина никогда не рыбачила, хотя жила возле большой воды. Рыбаков она не понимала и не любила. Рыба хоть тварь и бессловесная, но все же живая. Поэтому не думала, что это может быть так азартно. Им выдали по катушке лески, на конце которой был прикреплен крючок. На крючок следовало наколоть червяка или мотыля и забросить в воду. Марина откровенно скучала, но когда леску повело в сторону, а мужчины закричали: «Клюет! Тяни, тяни!», она начала бешено накручивать леску на катушку, чувствуя, что на конце кто-то сопротивляется. В глубине чистейшей воды забелела рыба, она показалась Марине огромной. Правда, чем ближе рыба продвигалась к поверхности, тем меньше становилась и, когда ее вытянули на борт катера, оказалась небольшой рыбешкой чуть больше ладони. Но азарт уже захватил Марину, она категорически отказывалась прекратить рыбалку и поймала еще трех рыбешек, чуть больше первой рыбы.

– Теперь я понимаю, почему рыбаки преувеличивают улов, показывая пойманных рыб. Они их такими видят в воде, а потом не могут поверить в настоящий размер, – поделилась она своей догадкой.

Впрочем, азарту поддалась не одна Марина. Ребята и Павел тоже увлеклись рыбалкой, и Константину пришлось волевым решением завести мотор катера и увезти всех обратно в Листвянку, где они остановились в гостевом домике.

Много еще интересного довелось им увидеть. Полюбовались Байкалом и окрестностями с высоты птичьего полета, для этого

им пришлось подняться на камень Черского. Путь был хоть и недалекий – скала имела высоту около семисот метров, но трудный. Зато вид, который им открылся сверху, вознаградил за тяжелый подъем, вот только было бы там поменьше народу. Увидели они и знаменитый Шаман-камень у истока Ангары, и музей деревянного зодчества. Отказалась Марина только посещать нерпентарий, она вообще терпеть не могла цирков и зоопарков. Ей было невыносимо видеть зверей в неволе, и никакие рассказы о том, как им там хорошо, на нее не действовали. Особенно она не выносила смотреть на пленных дельфинов. Следом за древними греками она считала их морским народом, а содержание дельфинов в неволе приравнивала к похищению людей и как юрист жалела, что в законе нет соответствующей статьи.

В Иркутск они прибыли уже затемно, все-таки небольшой пробки избежать не удалось.

Все три дня, которые Марина и Павел провели на Байкале, они не вспоминали о деле, приведшем их в Иркутск. Но утром они подвели итоги путешествия: все, что хотели увидеть, они увидели, все, что могли узнать, узнали. Пора было возвращаться домой.

Созвонившись с Юрием, они узнали, что Анастасии выдали тело мужа после опознания, было принято совместное решение кремировать его на месте. Прах разделили на две части: одна часть будет захоронена рядом с отцом и другими родственниками, а другая – доставлена Анастасией в Иркутск и захоронена рядом с матерью Макса. Юрий попросил их остаться до приезда Анастасии в Иркутск, помочь ей и поддержать. Так что их иркутская история продлилась еще на несколько дней. Узнавший об этом Денис был нескованно рад продолжению. После поездки на Байкал они с Димоном стали не разлей вода, Денис категорически не хотел уезжать.

За эти несколько дней Марина и Павел посетили следователя, заверили его, что не могут рассказать ничего нового про

избитого парня. Капитан поделился неожиданным для него открытием: Макс убрал свои следы из всех существующих баз, даже в паспортном столе не было никаких сведений о нем. Компьютерный отдел только недавно обнаружил несанкционированный вход в систему и с трудом восстановил данные.

– Все-таки парень был талант по компьютерной части, – с сожалением сказал капитан. – Жаль, что это ему не помогло. Надеюсь, ваши ребята найдут его убийцу.

Встретили Анастасию, приняли участие в скромных похоронах. На печальном событии было совсем немного народу: несколько старых друзей Макса, коллеги и родственники Анастасии, близкие соседи. Анастасия сильно изменилась: под глазами залегли темные тени, скулы заострились, если она что-то говорила, губы начинали кривиться, как у маленького ребенка, который собирается заплакать. Когда после поминок Марина и Павел подошли проститься, она посмотрела на них без выражения и, кажется, не поняла, кто они такие. Она вообще смотрела куда-то внутрь себя и, похоже, ничего не видела вокруг. Марина с Павлом были рады, что это тяжелое мероприятие закончилось и они могут наконец уйти.

Перед отъездом устроили прощальную отходную в «своей» квартире для Костика и Светланы. Настроение у всех было грустное, за это время они привыкли друг к другу и понимали, что вряд ли скоро увидятся. И хотя Костик клятвенно обещал всей семьей приехать к Павлу на следующее лето, а если получится, то и на Новый год, все понимали, что вряд ли это случится.

Прилетев домой, они простились и впервые за две недели отправились по разным адресам. Дом встретил Марину тишиной, никто не порадовался ее приезду. Квартира, которая была убежищем, где ей всегда было тепло и уютно, теперь по приезде нагоняла тоску. Марина бродила по пустым комнатам, а в голове непрерывно крутился обрывок стихотворения: «...мне совершенно все равно, где совершенно одинокой быть».

«Ну вот, докатилась до цветаевщины, Марина Алексеевна, актерка ты, актерка, все у тебя цитаты на уме», – критиковала она себя.

Нет, тезку свою она любила, но эта строчка была слишком уместна в этой ситуации. Она открыла ноутбук, и из электронной почты вывалилась куча работы. Документов было всего два, но они были такими объемными, что требовалось много времени, чтобы довести их до ума.

«Ни фига себе, сходила в отпуск! Ну и фрукт наш Тимофеевич! В отпуск отпустил, а от работы не освободил. Но возмущаться теперь бесполезно, проще сделать», – решила Марина.

Ей пришлось работать над документами несколько дней. Отправив задание в отдел, Марина продолжила писать книгу, тем более что захотелось вставить в нее свои впечатления от поездки на Байкал. Несколько дней Марина билась над текстом. Она пыталась перенести фантастические картины, виденные на Байкале, на бумагу, но у нее ничего не получалось. Все виденное в письменном видеказалось вымученным и бесцветным. Бросив это занятие, Марина вдруг осознала, что после приезда ей ни разу не позвонил Павел.

– Куда же это подевался мой дорогой друг? Как это он смеет забывать обо мне? Неужели я так его достала, что он решил со мной больше не общаться? – спросила Марина неизвестно у кого, набирая номер Павла.

– Слушаю, – отозвался Павел.

– Слушает он! – возмущенно сказала Марина в трубку. – Ты что? Совсем про меня забыл? Друг называется.

– Некогда, занят, – ответил Павел. – Буду в семь в твоем кафе. – И бросил трубку.

Чтобы убить время до встречи с Павлом и не сидеть дома, Марина решила побродить по еще летнему городу. «Вот скоро и лето пройдет, скоро август, а впереди осень, зима, снова лето. Время бежит, бежит, несется, – размышляла она на ходу и вдруг остановилась прямо посреди тротуара: – Мама! Как я могла забыть о ней! Я не звонила ей уже дней десять».

Она набрала номер и тут же сбросила, объяснив себе: «Боюсь, она же меня живьем запилит». У Мариной с детства были сложные отношения с матерью. И не успела она это проговорить про себя, как раздался звонок.

Звонила мама. И с места в карьер начала скороговоркой выговаривать Марине:

– Ну, слава Богу, проявилась. Раз позвонила, и то звонок сорвался. Ты, конечно, взрослая женщина, я это помню, но совсем о матери забывать не стоит. Ты приехать-то собираешься?

– Мама, у меня отпуск закончился. Я его использовала: на Байкал ездила, – ответила Марина. – Мама, я так рада, что ты у меня есть! Пока. А с приездом я что-нибудь придумаю, но не сейчас.

Ласковые слова Мариной, такие необычные для нее, огорчили мать, она не нашлась, что ответить, и быстро закончила разговор. А Марина решила, что на море ей съездить не помешает, но как это сделать, она подумает позже.

8

Павел опоздал всего на десять минут. Он сел напротив Мариной и молча уставился на нее. Во взгляде ясно читался вопрос: «Какого черта тебе надо?».

Марина вопрос поняла, но сделала вид, что очень рада видеть его.

– Ой, Пашенька, как я рада тебя видеть, – заворковала она, – я так привыкла к вам с Деником за две недели. Кстати, как он там? Ты меня совсем забыл, а я так по вас соскучилась, все из рук валится, пироги не пекутся, книга не пишется. Все думаю, когда вспомнишь обо мне, бедной, – продолжала она ласково, положив руку ему на рукав.

– Ого, текст явно не твой: нежности не в твоем репертуаре. Я так понимаю, тебе что-то нужно, – недоверчиво протянул Павел.

– Что мне может быть от тебя нужно? Обидно стало: как можно взять и забыть про человека? – продолжала Марина гнуть свое.

– Маринка, мы с тобой месяцами не видимся, и слез по этому поводу я не припомню. Колись, зачем я тебе понадобился? Не иначе про расследование будешь пытать?

– Вот не веришь, что я правда соскучилась, – сстроила грустную мину Марина. – А мы ведь столько времени вместе провели. Да, расследование меня тоже интересует, если не забыл, мы с тобой в Иркутске занимались поисками вместе. Районный следователь мне сказал, что дело забрали в город, и ты не можешь не знать о нем хоть что-то, – продолжала она уже с большей горячностью. – Я вот подумала... – протянула она и наткнулась на испуганно-дуршливый взгляд Павла.

– Пора начинать бояться? – таким же дуршливым тоном спросил Пашка.

– Чего?

– Опыт общения подсказывает мне, что после фразы «я подумала» случаются всякие неприятности.

– Фу, нашел повод для веселья. Лучше звучит «я не подумал»? Тебе это больше подходит, – не осталась в долгу Марина.

– Если серьезно, забудь об этом. Личность убитого мы с тобой установили, родственников нашли. Хватит, теперь делом занимаются профессионалы. И я не могу раскрывать тайну следствия. Впрочем, пока раскрывать нечего. Это все, что я могу сказать, – сухо ответил Павел.

– Пашенька, послушай меня, я не могу не думать о деле. И все равно скажу мысль, которую уже говорила в самом начале. Макс не мог сам появиться на этой даче, кто-то из окружения Юры его туда направил. Хорошо еще, что Юра был в командировке, а то он мог оказаться под подозрением, – Марина продолжала гнуть свое.

– Прекрасная идея. А ты не думаешь, что окружение Павла – это его жена и, например, мы с тобой. А ты не думала, что первой под подозрение попадаешь ты? И ты же Макса нашла. Надо же,

какое совпадение! Сухая статистика: чаще всего виновными оказываются те, кто нашел труп. И в расследование так замечательно втерлась. Пытаясь все выведать, держать руку на пульсе, направлять в нужном направлении. Что не так? – Павел запнулся на полуслове. Марина смотрела на него задыхаясь, как будто он со всего маха ударил ее под дых.

– Ты сошел с ума? – наконец смогла она выдохнуть. – Что ты говоришь?! Я убийца?! Так арестуй меня. Статистика? Да вы кого поймаете рядом с трупом, тот вам и виноват. Вот ваша статистика. Ну ты сатрап! Я с тобой как с другом, а ты – следак! Тупой следак! – голос ее постепенно повышался, на них начали оборачиваться люди.

Павел попробовал прикрыть ей рот ладонью, но она вывернулась и опрометью бросилась из кафе. Это было неожиданное предательство, как можно такое подумать про нее. И эти ужасные слова ей говорит человек, с которым она знакома пятнадцать лет. Человек, который, как ей казалось, любит ее. Что же остается думать чужим?

«Пытается повесить на меня убийство, – сидя на лавочке недалеко от кафе и слегка припудривая покрасневшее лицо, думала Марина. – И кто? Как я только его не пришибла на месте? Вот уж тогда точно бы села, свидетелей полно».

Рядом с лавочкой послышались шаги, и Павел сзади обнял ее за плечи. Она попыталась подняться, рванулась, но силы были не равны, а отпускать ее он не собирался.

– Уйди лучше! Убью гада! – прошипела Марина.

– И с чего ты моду взяла бегать? Слушай. Я не должен тебе ничего рассказывать, но на всякий случай будь готова к неприятностям. У следствия много версий, рассматривают все, даже безумные. Пока мало доказательной базы. Совершенно не ясен мотив. Но в кухне только твои и Зоины отпечатки пальцев. Если бы убийца стирал свои отпечатки, стер бы и ваши. Согласна?

– Зоя тут каким боком? – Марина от возмущения и удивления даже забыла вырываться. – Зачем ей убивать чужого мужика?

– Да ни зачем. Она могла увидеть свет в кухне и пойти с проверкой, Зоя – дама решительная. Что там у них произошло, мы не знаем, может быть, убийство по неосторожности. А потом она испугалась того, что произошло, и ушла, как будто ничего не было, – продолжал Павел.

– Отличная версия, главное – доказательств никаких. Одни домыслы. Вам, следакам, фантастические романы писать с элементами детектива, им цены не будет. В смысле романам, – она уже успокоилась и слушала Павла внимательно.

– Не домыслы, а версии. Зоя – рабочая версия, имеет право на существование. Тебя тоже не исключают. Проверку проводили. Отсмотрели камеры вдоль дороги на дачу, в тот день, когда убили Макса, твоей машины на камерах не нашли. А обнаружили ровно в тот день и час, когда ты говорила. Это алиби, подруга, но шаткое, оно не исключает, что ты могла приехать на другой машине.

– Снова здорово. У меня автопарк собственный, – съехидничала Марина. – И откуда я знала, что Макс на даче? И почему меня не вызовут? Не зададут эти вопросы?

– Вот за этим дело не встанет. И вызовут, и спросят. Пока достаточно тех показаний, что ты давала следователю районного отдела. И докажи, что это не ты его на даче поселила. Дверь кухни не взломана, а открыта родным ключом. Подозрительный факт.

– А Алина? Ее вызывали? Спрашивали? – вспомнила Марина про жену Юрия. – Она же из окружения Юрия, самого близкого.

– Алина тут каким боком? При чем тут она? Дача к ней отношения не имеет.

– Она всегда при чем, она могла Макса грохнуть, просто лишь бы меня подставить.

– Тогда она плохо постаралась, слабо тебя подставила. Прямых улик против тебя нет.

– А ты про автограф рассказал? Это же тоже версия. Еще какая, – вспомнила Марина про их иркутские изыскания.

– Зачем? Чтобы надо мной весь отдел ржал? Я в это дело не могу вмешиваться, его другой следователь ведет, и я не хочу свою

заинтересованность показывать. Антиквар, как мы выяснили, не знал про Макса, значит, его убили за что-то другое. И это еще укрепит их подозрения против тебя. Ты у нас писательница, за автограф душу продашь. Да, кстати, почему мне раньше это в голову не пришло? Прекрасный мотив для тебя. Единственное, за что ты можешь убить, – это Пушкин, – Павел заулыбался. – Как ты могла подумать, что я тебя подозреваю? Выскочила из кафе, понеслась, дороги не разбирая. Надо тебе, старуха, нервы подлечить.

– Это точно, – согласилась Марина. – Мне за Пушкина давно уже хочется бóшки откручивать. Это же надо, придумать, что Пушкин нынче не актуален. Он же не просто поэт, поэтов у нас не перечитать. Он философ, пророк, в конце концов. Он свои мысли зарифмовывал, потому мы его за поэта держим, а он гораздо больше, чем поэт.

– Маринка, может быть, ты уже закончишь мне мозг выносить своим Пушкиным, защитница нашлась. У нас вообще-то разговор не об этом, – прервал ее монолог Павел.

– Да как ты можешь? Он не мой, он и твой, и всехний, он миру принадлежит. Впрочем, вы ничего сейчас не читаете, ты же после работы не книжку в руки берешь, а в какие-нибудь танчики играешь, – возмутилась защитница.

– Я не играю, я напряжение снимаю, – возразил Павел. – Мне после работы только Пушкина не хватает.

– И то правда, зачем мне тратить слова на человека, которому они до лампочки. Паша, я уже так устала от этого расследования. У сыщиков никаких результатов, а тут ты меня в убийстве подозреваешь. Как мне реагировать? «Висяки» никому не нужны, и сыщики будут пытаться найти козла отпущения. Но они чужие люди и от них можно ждать всего. Но ты-то – родной человек, и подозрения от тебя невыносимы. Вот и взбесилась.

– Нет у меня подозрений, надоело, что суешься вечно куда не надо, вот и решил немного припугнуть, чтобы угомонилась. Я вот что думаю, – продолжал задумчиво Павел, – ты свидетель, подпиську с тебя не брали, так что съехала бы ты подальше. От греха.

– Ты предлагаешь мне скрываться от следствия? – изумлению Марине не было предела.

– Не скрываться, а исчезнуть из поля зрения. Это разные вещи. Без тебя тут разберутся, нервы лишний раз мотать не будут. А ты мне не будешь.

– Ты угадал, я хотела бы исчезнуть, меня мама к себе зовет.

– Мама – это неудачно. Предсказуемо. Найдут. Хорошо бы в место, несвязанное с родными.

– Паш, ты опять шутить? Дошутишься. Пойду и расскажу про наши поиски в Иркутске, будешь знать, как скрывать факты от следствия.

– Хорошо, езжай к маме. Про нервы я не зря сказал. Море, солнце, пальмы – лучший лекарь. Красота. Как бы я сейчас туда рванул.

На том они и расстались. Марина пообещала, что позвонит, когда вернется, предположительно через пару недель. Она решила сходить на работу на следующий день, предъявить себя. Она сердилась на шефа за то, что подогнал кучу работы в отпуске, и решила ему отомстить. Взять с собой ноутбук и выполнять задания без отрыва от отдыха. В конце концов, какая ему разница, где она с этим ноутбуком находится. А отпуск все равно надо было использовать, она его и использовала. В отделе Марине обрадовались. Ее напоили чаем с принесенным ею же тортом и рассказали кучу новостей в формате «слухи, версии, сплетни».

Марина заглянула к Ивану Тимофеевичу, ведь именно для него был организован показ себя на работе. Шеф ей искренне обрадовался:

– Отлично, что пришла, у хорошего юриста и нюх хороший. А то все равно бы пришлось тебя вызывать. У нас в строительном управлении один умник завелся, не согласен с твоими правками и вряд ли согласится. А другому юристу передавать не хочу, с твоими правками документ серьезный получается. Так что включай личное обаяние и как хочешь его уламывай.

– Слушаюсь, – козырнула Марина, прикрыв голову второй рукой, – я же почти блондинка, попытаюсь заморочить.

Пришлось идти общаться. Молодой человек, почти ровесник Марине, «пришлый», недавно назначен на пост начальника отдела, потому не был знаком с ней. Встретил враждебно и с порога заявил:

– Только не надо мне рассказывать, что проект документа не соответствует нормативной базе, дело юристов – посоветовать, как эти законы обойти, а не нудить: «Нельзя-нельзя».

– Ого, так вольно трактовать законы могут только большие люди, – улыбнулась Марина, – я буду ломать голову.

Она сразу поняла, что спорить с ним бесполезно, поэтому спокойно отправилась пить чай дальше. Но повозиться пришлось, в конце концов, Марина все же согласовала документ. Ей удалось невозможное: втиснуть в него почти все пожелания заказчика и в то же время не нарушить требования нормативных документов. Некоторые мелочи портили документ, но ей удалось убедить строителя, что они не столь важны.

«Самовлюбленный индюк, – думала она по дороге домой, – с такими типами главное – не спорить. Но я немного перестаралась, еле отбилась от совместного обеда. А мне новый поклонник без надобности».

Когда Марина вернулась от мамы, в городе уже чувствовалось приближение осени. Еще вовсю светило солнце, было тепло, но в воздухе при порывах ветра уже ощущалась прохлада. Ледяной сквознячок шаловливо и безнравственно пробирался за шиворот и под юбку, холодил поясницу. В воздухе плавали тончайшие паутинные нити. Попадая в луч света, они мгновенно вспыхивали, становясь видимыми, и так же мгновенно исчезали из поля зрения. Иногда они попадали на лицо, запутывались в волосах, прилипали к ресницам. Пышно и вызывающе цветли клумбы, как будто цветы предчувствовали скорую гибель. В парках и скверах кое-где на деревьях промелькивали желтые листья,

словно ранняя седина в волосах пожившей, но еще молодящейся женщины.

Марина прогуливалась по скверу и с грустью ловила эти пока малозаметные приметы надвигающегося сентября. Она отдохнула, загорела, ее и так светлые волосы выгорели на солнце, выглядела она отлично.

«Какое нынче лето выдалось – лето путешествий. Как же было замечательно на море, если бы не мама, – вздохнула она про себя. – «За этот ад, за этот бред пошли мне сад на склоне лет», – опять Цветаева вспоминается. У мамы есть дом, муж, и сад ей послали, значит, она не так уж плоха. Мама уговаривает бросить все, переехать к ней и жить, собирается выдать меня замуж. Жить с ней? Это не про меня, мне ее в детстве хватило. И можно подумать, мне самой сложно найти мужа, но я не хочу замуж – я хочу любить. Надоело жить Снежной королевой. Юра? Да, я его любила и люблю, но это не та любовь, из-за которой теряют голову, совершают безумства. Павел? Его я тоже люблю, но это та же история. Это дружба».

«Не умеешь любить – сиди дружи», – вспомнила она где-то вычитанную фразу и усмехнулась: «Актерство из тебя, Марина Алексеевна, цитатами прет, своих мыслей нет, одни чужие. Недаром говорят, что актер – это пустой сосуд и чем более он пуст, тем более велик актер».

Она присела на лавочку и решила немного полюбоваться сквером, который уже начал готовиться к встрече осени, но был еще по-летнему ярок и красив угасающей красотой.

«Скоро осень, а с ней наш театр опять начнет репетиции. Я уже соскучилась по субботним спектаклям. А может быть, решим ставить новую пьесу, так хочется чего-то новенького. К старым спектаклям привыкаешь, и уже не так интересно. Мы же все-таки не профессионалы, а любители, для удовольствия играем», – размышляла Марина.

Сколько Марина себя помнила, она всегда играла на сцене: в школе, институтском театре миниатюр, в просторечии именуемом СТЭМом, а теперь в народном театре.

«Скучать не придется, наш капитан (так между собой они называли режиссера) обязательно придумает что-нибудь интересненькое, – Марина улыбнулась в предвкушении интересных дней, – и по нашим соскучилась».

Неожиданно на ее лавку вспорхнул воробей и начал разглядывать Марину, наклоняя голову и кося глазом, причем совершенно не боялся. Был он взъерошенный, перья торчали в разные стороны, и от этого казался раза в полтора крупнее своих приглаженных собратьев, которые порхали рядом. Марина тоже уставилась на него, соображая, кто это: слеток, который отбылся от своей стаи, или больной, которому нужна помощь. Но слеткам уже не время. Походив по лавке, воробей спрыгнул на землю и продолжил крутиться возле ног Марины. Когда она протянула руку, тот не упорхнул, а неожиданно дал себя взять. Она внимательно разглядывала его. Повреждений видно не было, и, кроме странного поведения, воробей не особо отличался от сородичей. С таким поведением она столкнулась впервые.

– Не тащить же тебя в ветеринарную клинику, меня на смех поднимут, – обратилась Марина к воробью.

Он спрыгнул с руки к ней на юбку и, естественно, не ответил. Тут уж Марина не выдержала тесного общения с природой, посадила его на траву и встала с лавки.

– Ну, хватит с меня, вдруг ты бешеный, – обратилась она к воробью, – надо же, слышала, что животные бешеные бывают, но чтобы воробей...

Она протерла руку влажной салфеткой и продолжила прогулку по скверу.

«А вдруг я ему понравилась? На меня уже воробы западают. Мало того, что на море ухажеры проходу не давали, так еще и воробей kleится». – Ей стало смешно, и она, не удержавшись, громко фыркнула от смеха.

Какая-то тетка сердито оглянулась на нее и вдруг закричала на весь сквер:

– Маринка! Это ты?!

Марина оглянулась и с трудом узнала в «тетке» свою однокурсницу. К своему стыду, она не помнила ее имени и в свою очередь крикнула:

– Ух ты! Привет!

Они немного пощебетали про знакомых, про то, как давно не виделись, и Раиса, с трудом вспомнила Марина ее имя, предложила развеяться и посидеть в ресторане сегодня вечером. В компанию Раиса решила пригласить еще одну однокурсницу, которую Марина напрочь не помнила.

Марина не дружила с женщинами, подруг у нее не водилось с детства, но отношения старалась поддерживать ровные. Исключение составляли соседка Валерия, которую она запросто называла Леркой, и одноклассница Аленка, которая давно и трагически погибла. Планов на вечер не было, и она согласилась.

Девчонки, как они себя называли, были рады поводу вырваться из семьи. Из «девчонок» получились респектабельные матроны, имевшие богатеньких мужей и по паре детишек. Поначалу они смотрели на Марину как на «разведенку» жалостливо и недоумевали, как она могла упустить Юрия, ведь он такой завидный муж. Но Марина быстро заставила их забыть прелести замужней жизни. Выглядела она замечательно, ее постоянно приглашали танцевать, она заливалась соловьем, рассказывая о написанных книгах (уже во множественном числе), путешествиях, театре, друзьях, увлечениях, свободной, насыщенной и яркой жизни. К концу вечера подвыпившие сокурсницы страшно ей завидовали, плакали в жилетку, жалуясь на мужей, детей и прочие женские горести. С облегчением распрошавшись с этими клушами, Маринаожалела о потраченном зря вечере (зачем ей была нужна эта встреча, эти никчемные тетки, эти бессмысленные разговоры).

На следующее утро Марина проснулась от нескончаемого звонка в дверь. Посмотрев на часы, она с удивлением обнаружила, что еще нет восьми часов.

– Это кто ж в такую рань заявился?! – разозлилась Марина.

Кое-как накинув халат, она выскочила в коридор, отворила дверь и сняла Леркин палец с кнопки звонка.

– Ты, мать, совсем сдурела? Откуда взялась? Тебя же вчера еще не было, – удивленно хлопала глазами Марина.

– Да я ночью приехала. И сразу к тебе. Мы ж с тобой целое лето не виделись! А ты ругаешься, – говоря это, Лера просочилась в комнату. – Старуха, исключительно выглядишь. – В комнате Лера повернула Марину к свету и начала трясти и душить в объятиях. – Колись, влюбилась?

– Ты моя девочка-ромашка, – радостно ответила Марина, – у тебя одна тема: любит, не любит. Как же я рада тебя видеть. Сама-то как? Вернулась хоть с тем же кавалером, с которым уезжала, или другого нашла?

– Да с тем же, но надоел, как репей под седлом. Короче, мне сейчас некогда, убегаю. Вечером – у тебя, – не слушая возражений, сказала Лера, – все расскажу, все послушаю, – и удалилась.

Марина осталась в недоумении.

– А чего в такую рань притащилась-то? – вопрос повис в воздухе. «И когда она успела объявиться? Вчера у тети Веры же спрашивала, та сказала, что не знает, когда она вернется», – все еще размышляла Марина.

Она решила поспать еще пару часов, а потом уже приниматься за приготовление ужина. Лерка любила и умела поесть, а вечерять им придется до ночи. Новостей накопилось, как голуба в пруду в жаркую погоду.

Лера была соседкой Мариной, с самого их рождения они жили в одном подъезде. Учились, правда, в параллельных классах. Семья Леры состояла из мамы, папы и бабушки, и в их большой квартире никогда не закрывалась дверь. Там всегда толпилась куча народу, а из квартиры доносился бесконечный веселый гам и шум. Несмотря на неудобства, соседи давно с этим смирились, семья отличалась не только шумным нравом, но и доброй деятельной энергией. Любой из семьи был готов прийти ближнему

на помочь и выручить хоть рублем, хоть добрым словом, а то и делом. Бойкая Лера с детства пользовалась вниманием противоположного пола и умудрилась забеременеть сразу по окончании школы. Дружная семья помогла ей поднять ребенка и даже получить высшее образование. Лера окончила мединститут и сейчас работала в детском психоневрологическом санатории. Замуж она так и не вышла и всю жизнь находилась в активном поиске. Отделавшись от очередного воздыхателя, Лера разочарованно махала рукой и коротко объясняла: «Подлец». Это словечко она позаимствовала у героини какого-то кинофильма и с тех пор беззастенчиво использовала.

Не успела Марина забраться под одеяло, как раздался звонок городского телефона. Звонил Павел.

– Наконец-то ты приехала, а то я время от времени звоню, проверяю. Тебя здесь очень не хватает, – тусклым, усталым голосом сказал он.

– А что, мобильные уже отменили? – спросила она. – Набрать не судьба?

– Ждал, когда сама вернешься, не хотел, чтобы ты неслась домой сломя голову.

– Я день как приехала, сегодня собиралась тебе звонить. А что-то не слышу радости в голосе, – отозвалась Марина. – Меня случайно в федеральный розыск не подали? – шутливо спросила она.

– Да, Мариша, у нас тут не очень весело, вот и нерадостный, – отозвался друг. – Но разговор нетелефонный, я после работы к тебе зайду, – сказал Павел и повесил трубку.

Марина нахмурилась, такие сюрпризы она не любила, сказал бы сразу, что случилось, а то гадай теперь до вечера. Она набрала мобильный Юрия, но он был недоступен.

«Вот гады! – в сердцах сказала Марина. – Назло им не буду волноваться, ничего тут не могло случиться». Но она понимала, что поспать больше не получится, и разочарованная этим обстоятельством принялась за утренний туалет и хозяйственные дела.

Около шести вечера заявились Лера и с ходу обрушила на нее весь пыл своей экспансивной натуры. Очередной ее ухажер при ближайшем рассмотрении оказался подлецом. И, пригубив коньяк, Лера принялась с жаром рассказывать все обстоятельства отпуска и отношений с ним. Марине ничего не оставалось, как молча слушать соседку, иногда поддакивая или задавая вопрос, чтобы выказать заинтересованность ее рассказом. Они просидели уже за столом больше часа, когда раздался звонок в дверь, Марина вспомнила, что должен прийти Павел. Лера так заморочила ей голову своими рассказнями, что она совершенно забыла об утреннем разговоре. Ей пришлось долго извиняться перед Лерой, пока та, раздосадованная, не покинула ее квартиру и не оставила их с Павлом наедине. Он занял место Леры за столом и, накрою перекусив, внимательно посмотрел на Марину.

– Ей богу, я не знаю, с чего начать и как тебе рассказать про все. – Он помолчал. – Юра в больнице. – Павел предостерегающе поднял руку. – Не бледней, сейчас его жизни ничего не угрожает, его уже перевели из реанимации в палату интенсивной терапии.

– Что с ним? – Бледность продолжала расползаться по лицу Марины. – У него здоровье дай Бог каждому. Что?

– Что? Еще спрашивает. Вы же с ним одинаковые: вечно лежете, куда не просят. Он оказался на линии огня. Пуля сломала ребро, задела верхушку легкого, его прооперировали, он жив и скоро будет здоров. И не надо никуда бежать, – остановил Павел Марину, – уже поздно, тебя к нему все равно не пустят. Завтра с утра и помчишься.

– Ну да, – села Марина обратно на стул, – как я забыла, там же эта волчица возле него.

– Ее там нет. Алина погибла.

– Да что тут у вас творится?! – подскочила Марина. – Вот не думала, что с этой гадиной может что-то случиться.

– Можно сказать, попала в аварию. Разбилась на мотоцикле, – объяснил Павел.

Марина долго сидела, обхватив голову руками, наконец, она подняла голову и посмотрела на Павла.

– Паша, дорогой, я правильно понимаю, что все эти ужасы связаны с гибелью Макса?

– Правильно понимаешь, – кивнул он.

Павел заговорил коротко, останавливаясь после каждой фразы. Было видно, что он до сих пор вспоминает и переживает тот вечер:

– Компьютерный отдел еще давно «пробил соту» в районе твоей дачи. Всего несколько звонков и два телефонных номера. Один – незнакомый, потом установили, что это номер Макса, второй – Юрия. Дело вел молодой сотрудник, проверил алиби Юрки, он в командировке за границей был, и следователь упустил, что на звонки кто-то же отвечал. Когда начальник опытному следователю дал посмотреть дело, не упустили ли чего, тот зацепился за этот факт. Ткнул парня носом, тот позвонил Юрию, спросил, где оставался телефон, Юра ответил, что дома.

– Подожди, – перебила Марина, – как он мог упустить такой очевидный факт? Не выяснить, кто пользовался телефоном в отсутствие Юрия?

– Кино тебе, что ли? – вопросом ответил Павел. – А то ты не знаешь, что у каждого следователя по пятнадцать, двадцать дел в производстве. Он же не одно дело расследует, в голове иногда такая каша, свое имя забудешь, не то что мелкий факт. И не перебивай, что у тебя за мода такая? Молодой решил допросить свидетелей на месте, взял оперативника, и они отправились к Юрию домой. Я столкнулся с ребятами случайно и напросился поехать с ними...

Он сделал паузу, и снова продолжил:

– А Юрке было ясно, кто мог звонить по телефону в его отсутствие. Решил поговорить с Алиной, выяснить, что случилось, искал какие-то объяснения для себя. Мы подъехали к дому. Дверь оказалась открытой. Когда вошли в холл, Юра стоял на лестнице, Алина – внизу. На ней была кожаная куртка, видимо, только при-

ехала или собиралась уезжать. Увидев нас, она достала из кармана пистолет и крикнула, чтобы мы остановились. Оперативник не ожидал такой жесткой встречи и тоже схватился за оружие. Юра кинулся к ней, кричал, чтобы она не дурила, он будет ее защищать несмотря ни на что. Но оперативник двигался в ее сторону, и она пальнула в него, а под выстрел попал наш герой. Я увидел, что легкое задето, – пена кровавая появилась на губах. Крикнул, чтобы скорую вызывали, и кинулся к ней. Алина выскочила в дверь и мгновенно выбралась во двор к своему мотоциклу. Я – в машину и погнался за ней. Короче, кончилось все как в плохом кино. Она, видимо, не справилась с управлением. Не ушла... Когда подъехал, мотоцикл в одной стороне, она вся в крови в другой. Шлем не успела надеть, когда из дома выбегала. Я к ней подбежал, она еще живая была. Успела сказать: «Я не хотела... Юра жив?..» Выгнулась, захрипела, и все...

Павел замолчал, потом попросил:

– Принеси выпить, что ли.

Марина молча принесла из холодильника водки, взяла две рюмки, налила Павлу, себе. Они, не чокаясь, выпили. Опять помолчали.

Павел проговорил:

– Про все остальное тебе Юра расскажет подробнее. Я толком сам ничего не знаю. Алина ему рассказала обо всем, что случилось, когда Юрка ее начал спрашивать... Такие дела. Ты когда кричала, что она способна кого угодно грохнуть, лишь бы тебя подставить, я думал: просто ревность, а это чутье. Грохнула. Правда, причина была не в тебе. Ладно, пойду, устал сегодня.

Марина проводила Павла до двери и вернулась в комнату. Она механически убирала со стола, мысли ее были далеко. Думала о том, как же теперь хреново ее Юрке. Марина и после развода считала Юрия своим. Убрав посуду, она вышла на балкон и, ничего не видя, смотрела на их старый двор. В этом дворе они с Юрой выросли, да что там во дворе, они выросли в одном манеже. Он

был старше ее на пять месяцев. Мама Марины высидела в декрете месяца два. Потом загадочным образом пропало молоко, и мать со спокойной совестью вернулась в институт, даже академ не брала. Мама Юрия дружила с ней и предложила присмотреть за ребенком, все равно же дома сидит, а где один, там и два. Оказалось, что с двумя хлопот намного меньше, дети развлекали сами себя и почти не нуждались в обществе взрослых.

Потом они вместе пошли в детский сад, оттуда в школу. Их даже не дразнили женихом и невестой, настолько все привыкли, что эти двое неразлучны, и не воспринимали по отдельности. Окончив второй курс института, поженились. Иногда она думала, что это была большая ошибка. Немного любопытства, немного гормонов и детская привязанность – не самая лучшая основа для брака. Возможно, поэтому детей в семье не было, но все же одиннадцать лет жизни были счастливой порой, и вряд ли они решились бы расстаться, если бы Юра не встретил большую любовь.

После развода Марина некоторое время чувствовала себя как сиамский близнец после операции по разделению. Вначале рана немного болела, но это искупалось полной самостоятельностью, неожиданной безграничной свободой, которая оказалась очень приятной штукой. А глядя на влюбленного Юрку, она тоже начала грезить о необыкновенной любви, которая ей непременно встретится. Сейчас же она задавала сама себе риторический вопрос: «И чем это закончилось? То-то и оно. И ты бросай грезить о всяких глупостях, одни беды от этой любви».

10

Ранним утром Марина хотела сразу ехать в больницу. Но, подумав, решила, что больного надо кормить домашней едой, жены теперь у Юры нет. Она сделала крепкий бульон, нежные «индейские», как говорил Юра, котлетки и компот из сухофруктов, любимый бывшим. Поэтому она приехала в больницу ближе

к обеду. Пропустили в палату, и она, приоткрыв дверь, заглянула внутрь. У кровати Юры спиной к двери сидела ее любимая свекровь Вероника Павловна, про которую она почему-то забыла, когда решила, что ухаживать теперь за бывшим некому. Марина на цыпочках подошла к ней и притронулась к плечу. Та, вздрогнув, обернулась и расплылась в радостной улыбке, Марину она знала с пеленок и любила.

– Маринушка! Приехала, а мы уж тебя так ждем! – воскликнула она.

– Второго дня приехала. Мне Паша только вчера рассказал, и я сразу к вам, – шепотом ответила Марина, смотря на бывшего мужа. Тот лежал на спине с закрытыми глазами.

– Устал. Уснул, – однозначно пояснила свекровь.

– Ничего я не уснул, – послышался тихий голос Юрия, – просто глаза закрыл. Маринка, как я рад тебя видеть.

Пока они перебрасывались незначительными фразами, Вероника Павловна выскользнула из палаты, и они не заметили ее ухода. Минут через пять она вернулась.

– Я пойду, наверное, Юрочка, – сказала она, – вы тут без меня обойдетесь. А я договорилась с заведующим, чтобы Марину пустили в палату, официально-то она тебе никто. Вот, пропуск тебе выписали. – Вероника Павловна протянула Марине небольшой клочок бумаги.

– Хорошо, мама, тебе пора отдохнуть, Марина побудет со мной, мы давно не виделись, – отозвался Юрий.

Когда Вероника Павловна ушла, Марина заняла место свекрови у кровати. Она взяла его руку, бессильно лежащую на белой простыне, и прижалась к ней щекой, потом поднялась и притронулась губами к его лбу.

– Да у тебя температура, – испугалась она.

– Есть немного, мне капают антибиотики, – ответил он.

– Юрочка, дорогой мой, говорят, тебе получше и скоро ты поправишься. А я ругаю себя: как же так, такие ужасные события, а сердце ничего не подсказало, отыкаю себе и отыкаю, –

продолжала Марина, снова беря его руку. – Как же я рада, что ты жив.

– Марин, перестань, не бери в голову, – запротестовал Юрий.

– Такая потеря для тебя, для Егорки, – она сделала паузу и продолжила: – Ты мой первый и лучший друг, и это уже на всегда. Даже не друг, ты мой брат. Я так соболезну тебе и так завидую, что у тебя была настоящая любовь. Ты ее потерял, но ведь она была, а это главное. Я заметила у мамы в глазах надежду, что теперь, когда Алины нет, мы снова будем вместе, но в одну воду дважды не входят.

Она по привычке называла Веронику Павловну мамой. Юрий молча слушал ее монолог.

– Ты права, Алины нет, но я все равно люблю ее, мне больно, что я ее потерял, – наконец сказал он.

Он помолчал, собираясь с силами, говорить ему было еще трудно.

– Она была слишком яркой, авантюрной, амбициозной. В ней все было через край, даже красота. За это, наверное, и любил.

– И ты простил ей смерть брата? Ну, пусть даже не брата, но она же убила человека. Она в тебя стреляла, она могла тебя убить, – возмутилась Марина.

– В меня она не стреляла, она стреляла в полицейских, меня задела случайно, когда я попытался ее остановить. А брат... Я даже не знал, что он у меня есть... Был. Никогда не видел его и, прости меня, не могу по нему скорбеть. Он косвенный виновник всего. Если бы он не появился в нашем доме, все было бы, как прежде.

– Опачки, так в полицейских, значит, можно стрелять, а брат оказывается виноват, что она его убила, как чистокровная... бандаитка, – опять возмутилась Марина. – Молчу, молчу. «О мертвых ничего или хорошо», раз не могу хорошо, замолкаю, – заметив протестующий жест Юры, сказала она. Помолчали.

– Я принесла домашний обед и собираюсь тебя кормить, время уже обеденное, а тебе надо силы восстанавливать, – скомандовала Марина.

Пообедав, Юра блаженно улыбнулся.

– Какая же ты кулинарка, Маринка, у мамы тоже все очень вкусно, но твою еду я все равно люблю больше. А такой вкусный компот не варит никто.

– Ну, так я тебя кормила одиннадцать лет, было время прильнуть к моей стряпне, – отвечала Марина. – А ты поспи, после обеда обязательно нужно спать. А почему тебе больничную еду не несут, ты же больной?

– Мама договорилась, чтобы не носили зря, я как в сознание пришел, так она меня домашним кормит. В холодильнике еда всегда стоит. А ты не обидишься, если я усну? Правда, очень хочется спать.

– Спи, дорогой, я почитаю. У тебя, смотрю, тут книжечки валяются, – согласилась она.

Марина взяла в руки какой-то потрепанный томик, но читать не стала. Довольно долго она сидела с книгой в руках и смотрела на спящего Юрия. Она тонула в противоположных эмоциях, жалость боролась со злостью, сожаление с возмущением. В голове бродила туча мыслей, наконец, она вздохнула и, тряхнув головой, будто отгоняя назойливую муху, принялась за книгу.

– А как твоя книга продвигается? – услышала она. Оказывается, Юрий уже проснулся и смотрит на нее.

– Какая книга, без книги хватает всякого. Но сроки начали поджимать, а я совсем потеряла к ней интерес. Не знаю, что делать, – уныло ответила Марина. – Ты же знаешь, я не могу из-под палки работать, а вдохновения нет. Если тебе нетрудно говорить, может быть, ты мне потихоньку начнешь рассказывать, как вы расхлебывали кашу, которую я заварила. Паша не стал, говорит, сам ничего толком не знает, рассказал только, как к вам полиция наведалась и про гибель Алины. Кстати, с тебя допрос уже снимали?

– Понятное дело, не успел в сознание прийти – нарисовались, – он помолчал. – Когда сообщили, что Макс звонил на мой телефон, я понял: на звонок могла откликнуться только Алина.

Телефон я оставил дома, а в командировку взял корпоративный. Значит, она в курсе дела, конечно, об убийстве не подумал. Решил обсудить, что делать, ведь ее могут подозревать. Алина только вернулась домой, я ей про телефон: «Макс позвонил мне, на звонок ответила ты»... А она ж такая... Сразу в лоб: «Да, это я его убила. Я не хотела, так получилось, ради нашего будущего». «Ты с ума сошла? – говорю ей. – Убивать людей ради будущего?»

Юрий замолчал, переживал все заново.

– Ладно, вкратце то, что она мне рассказала, чтобы уже точку на этом деле поставить. Я только уехал, а на мой телефон – звонок. Алина ответила, думала, может быть, я звоню. А это незнакомый парень, спрашивает меня, представляется моим братом и объясняет, что я сам об этом еще не знаю. Алине любопытно стало, она пригласила его к нам посмотреть, что за брат такой. И с первого взгляда поняла: не врет. Сама знаешь, как он на меня похож... был. Он письмо матери показал, объяснил, что в компьютерах шарит, ему человека найти не проблема. Алина стол накрыла, а он, когда выпил, рассказал, что ему надо быть осторожным, за ним бандиты могут охотиться. Попросил, пока я не приеду, спрятать, потому что здесь его никто искать не будет. А он бы отсиделся и потом в Питер махнул, дело у него там. Она и не спрашивала, что за дело, почему ищут. Это тебе все знать надо, а у Алины принцип был «меньше знаешь, лучше спиши».

– Ага, я-то с криминалом дел не имела в отличие от нее, – не осталась в долгу Марина.

Юра игнорировал выпад и продолжал:

– Мне она звонить не стала, все это рассказывать по телефону посчитала бессмысленным. И придумала поселить Максима на нашей старой даче.

– Вообще-то эта дача уже третий год как моя, – опять не утерпела Марина.

– Так она знала, что ты там не живешь, – отозвался Юра. – Ты слушать собираешься или комментировать? Все это она придума-

ла: и тайное проживание, и перед соседкой объявиться, и даже моим армейским другом называться. Кучу нелепостей, чтобы всех запутать. Если вдруг что. Максу понравилась идея, и он там поселился. Алина в один из дней привезла ему продукты, приезжала на мотоцикле, со стороны леса, оставляла подальше от дома, чтобы ненароком Зоя не увидела. Других соседей там нет, сама знаешь. Они опять выпили, и этот придурок возьми да расскажи ей про автограф. Про то, что случайно увидел музеиного коллегу в кафе с одним типом, который занимается антиквариатом. Через какое-то время решил поговорить с коллегой, подсел в его машину, спросил, что за дела. А тот про письмо рассказал, предлагал в долю войти. Макс треснул парня, автограф отобрал и решил доставить письмо в Пушкинский дом. Все под влиянием минуты. Потом понял, что встриял в опасное дело, антиквару его вмешательство не понравится, его будут искать, письмо отберут и самому не поздоровится. У Алины крышу сорвало от этой информации. Она вернулась домой и позвонила одному знакомому аукционисту в Лондон. Наводящими вопросами узнала примерную цену вопроса и решила, что это ее шанс.

– И чего же ей не хватало? Для твоей Алины пятьсот тысяч евро не такие большие деньги, чтобы за них убить человека, родню к тому же, – опять перебила Марина.

Юрий поморщился от постоянных контратак Марины.

– Полмиллиона евро или даже меньше – для любого деньги немалые, – и заявил, что на сегодня, пожалуй, хватит, он устал.

Марине пришлось ретироваться. Она, конечно, ругала себя за язык, но решила, что оно к лучшему, Юре вредно много разговаривать, а завтра он все равно расскажет, куда денется. Вечером Марину взяла в оборот Лера, и ей пришлось обреченно выслушать бесчисленные перипетии ее вновь не удавшегося романа. Наконец, до Леры дошло, что ее слушают в пол-уха, и она спросила, как дела у Марины. Та ответила, что Юрий в больнице, что она весь день провела у него, и просит прощения за свое невнимание, потому что очень устала. И это была чистая правда.

На следующее утро она снова появилась в больнице. Несмотря на вечернюю размолвку, Юра встретил ее радостно. Ему уже прокапали антибиотики, убрали капельницу, и он был «свободен». Марина напоила его компотом и, усевшись на стул, приготовилась слушать продолжение рассказа.

Юрий начал ровно с того места, с которым закончил вчера:

– Я задавал ей тот же вопрос, чего ей не хватает: дом в России, дом в Испании, машины, высокооплачиваемая работа, любимая семья. Что еще нужно человеку для жизни? А она мне – о перспективах. Фактически, по ее мнению, у нашей семьи перспектив никаких. У нее десять процентов акций, не приносящих почти никакого дохода, и пашет она на отца, как наемная рабсила. Отцу чуть за шестьдесят, молодая жена в наличии, и проживет он еще лет двадцать. Алине же даже после его смерти достанется в лучшем случае еще процентов десять. А она тратит свои силы и жизнь на «дядю», который папа, конечно, но хуже дяди и просто использует ее талант и силы для собственных нужд. И ей надоело быть девочкой на побегушках. Она хочет силы тратить на благо своей семьи, а не чужой.

Она жила мечтой открыть свое дело, и деньги ей были нужны. Алина хотела продать свои акции, присмотрела перспективный бизнес, но все равно не хватало. Вначале пыталась убедить Макса продать письмо и поделить деньги, предлагала помочь в продаже через знакомого в Лондоне. Но братец отказался наотрез, даже слушать не захотел. Тогда она рассудила, что вся сумма лучше, чем половина, раз не хочет делиться, не получит ничего. Так что пришлось ей Макса убить. Она понимала, что никто не свяжет убийство с нами. Да и не связали бы, не опознали и убийцу не нашли. Мало ли кого убивают на чужих дачах. Если бы ты не вмешалась и не решила, что он похож на меня.

Юра замолчал, а Марина напряженно думала о чем-то.

– Как всегда, я у тебя виновата и бедный погибший брат. Я только одного не понимаю, Юра. Как же так, Алина была

в кухне два раза, но отпечатков пальцев ее не нашли? Там только наши с Зоей отпечатки и Макса. Я не понимаю. Она же не дух святой.

– Она в первый раз, когда привезла Максу продукты, сидела с ним за столом, они выпивали, тогда он и проболтался про письмо. Но после ее ухода он посуду вымыл, стол вытер, следов не осталось. А во второй раз она была недолго и уже предполагала криминал, на всякий случай прихватила оружие с собой. Потому не сняла лайковые перчатки, они очень тоненькие, у Макса подозрений не вызвали, а может быть, он и внимания не обратил. Она привезла продукты и, пока он выкладывал их в холодильник, сидела на диване, случайно засунула руку под подушку и наткнулась на его пистолет. Ей показалось, что из его пистолета убить будет безопаснее. Свое оружие не придется засвечивать. Когда он сел на ее место, от двери пальнула прямо в сердце и потом уже, не торопясь, обыскала все. Нашла письмо и удалилась, как ни в чем не бывало, – закончил рассказ Юра. – Она мне сказала, что письмо спрятала среди компакт-дисков. Выздоровею – найду. Вот и все.

– Погоди, – спросила Марина. – А ключ у нее откуда?

– А про ключ, честно говоря, я забыл, что у меня один оставался, валялся в ящике в прихожей. А она нашла и отдала Максу.

Они надолго замолчали.

– Получается, Макс зря прятался: музейщик его не сдал и никто за ним не гнался и не искал. И вообще до ужаса дурацкая история. Все участники ведут себя как умалишенные. Это что, большие деньги так на людей действуют? – задала Марина риторический вопрос.

– Получается, если бы он поехал сразу в Петербург, отдал письмо – и никаких смертей, – задумчиво отозвался Юрий, – перестраховался.

– Выходит, что так. Никаких смертей... – эхом повторила Марина.

Больше они эту тему не затрагивали.

11

Дальше жизнь пошла по накатанным рельсам, Юрий потихоньку выздоравливал, Марина регулярно его навещала. Три года они общались урывками, а сейчас наверстывали упущенное. У них всегда находилось о чем поговорить, и теперь они часами болтали.

В один из дней в палату Юрия властно вошел пожилой человек, за ним следовали два охранника. Человек сделал предупреждающий жест, и охрана попятилась за дверь.

Он хмуро посмотрел на Юрия.

– Ну, здравствуй, зятек, – процедил сквозь зубы. – Оклемался?

Юрий приподнялся на подушке, его лицо стало напряженным.

– Вашими молитвами, – сухо ответил он.

– Считай, повезло. Алинка не промахивалась, – зло ухмыльнулся вошедший.

– Вы прекрасно знаете, что она стреляла не в меня. Чем обязан? – задал вопрос Юрий.

– Не волнуйся, ты меня больше не интересуешь. И, кстати, у нас больше не работаешь. Я хочу знать, где мой внук?

– Мой сын не должен вас интересовать. У него все прекрасно, за ним есть кому присмотреть, пока я в больнице.

Марина во все глаза наблюдала за происходящим. На нее вошедший мужчина не обратил ни малейшего внимания, и она впервые в жизни почувствовала себя мебелью.

– Твой сын? Егор – сын Алины и мой наследник, он должен жить в моем доме.

– В вашем доме? С вашей женой и чужими няньками? Вы не понимаете, что ваша жена его ненавидит всей душой? Опасней места, чем ваш дом, для Егора не найти! Вы дочь потеряли, так хотите еще и внука потерять?

– Ты чего несешь, лишенец? Какая опасность может ему грозить в моем доме?

– Да любая: с лестницы упасть, отравиться, в бассейне утонуть. Мало ли способов маленького ребенка угробить. И наследство ему ваше не нужно, лучше нового наследника себе сделайте. Вашей жене еще рожать и рожать. А если эта не хочет, другую заведите, – дерзко заявил Юрий.

От такой наглости мужчина лишился дара речи. Он молча смотрел на Юрия, медленно баюковая, затем резко повернулся и вышел из палаты, громко хрястнув дверью.

Не успела за ним закрыться дверь, как Юрий схватил телефон и стал звонить матери:

– Мама, срочно уходите с Егоркой из квартиры, лучше к надежным соседям, хорошо бы в соседний подъезд. Ты знаешь, к кому. Вот прямо сейчас, не надо ничего спрашивать, делай, как говорю. Ты хочешь, чтобы Егора похитили? И вечером вам нужно будет уехать.

Юрий на несколько минут задумался. Снова набрал номер:

– Настя, можешь говорить? Тут дело образовалось неприятное. Ты можешь приютить мою маму и сына на пару недель? Пусть не у тебя, можно квартиру снять, но им нужно пожить вне дома, потом объясню, в чем дело.

Выслушал ответ и закончил разговор:

– Спасибо, перезвоню.

Марина следила за ним со все возрастающим удивлением и тревогой.

– Юра, это что сейчас было? – взволнованно спросила она. – Что за Хаммурапи^{*} такое? Может быть, я могу помочь?

– Ты же догадалась, это мой тестя собственной персоной, – нехотя ответил он, – вожжа под хвост попала. Но Егора может забрать, судись потом с ним. Шла бы ты, Марина, домой. Может быть, твоя помощь тоже понадобиться.

* Хаммурапи – имя царя, который правил более 3,5 тысячи лет назад в Древнем Вавилоне. Более известен по кодексу законов Хаммурапи. Имя использовано главной героиней безотносительно к личности царя, просто как экзотическое. Местоимение «такое» применено в несколько уничижительном варианте.

– Юра, маме звони, пусть к Лерке идет, это как раз другой подъезд, и они всегда помогут. А уж молчать будут, как партизаны. Я сейчас с ними созвонюсь, объясню. Я бы Егора к себе взяла, но твой тестя меня может заподозрить, а тут посторонние, не будут же они весь дом обыскивать.

Вечером Юрий позвонил, чтобы узнать, как дела.

– Не переживай, они прекрасно устроились, а ехать им сейчас не надо, за домом могут следить. Слушай, мы идем неверным путем твоего братца. Сами придумали, сами дел натворим, не дай Бог, – поделилась Марина опасениями.

– Марин, я не хочу рисковать Егором, он единственное, что у меня осталось, лучше спрятать его, – сказал Юра, и Марина не могла с ним не согласиться.

Едва она успела положить трубку, как затрезвонил домофон. Она удивилась: «Кого это черти на ночь глядя принесли?» – и сняла трубку.

В трубке послышался хриплый приказ.

– А ну открывай дверь!

Марина сразу поняла, кто явился к ней в гости.

– С какой кстати? Кто вы такой? – возмущенно спросила она.

– Открывай, – сказал другой голос. – Мне нужен Егор, и я знаю, что он здесь.

– Какой еще Егор? И почему вы ищете его у меня? – вопросом на вопрос ответила Марина.

Одновременно она набирала номер однокурсника, который служил начальником райотдела полиции:

– Игорь, извини, что звоню, ты на работе? Мне срочно нужна твоя помощь.

– Я не на работе, но помочь всегда готов. Чего у тебя приключилось? – ответили на другом конце провода.

– Ко мне амбалы ломятся от Юркиного тестя, он внука ищет и почему-то у меня, я не при делах, но запускать к себе этих бандитов опасаюсь. Пришли ребят, пусть их задержат, а утром разберемся, – попросила Марина.

– Да не вопрос, сделаем в лучшем виде. Через пять минут будут у тебя. Адрес напомни, чтобы не ошибиться.

Марина продиктовала адрес и подготовилась ждать патруль. Неожиданно в ее металлическую дверь изо всех сил забарабанили, видимо, кто-то из соседей впустил непрошеных гостей. В глазок Марина разглядела здоровенных парней, которые долбили злосчастную дверь, вызывая неимоверный грохот. Стоял уже поздний вечер, и, испугавшись недовольства соседей, Марина повернула ключ. Дверь с силой ударила в плечо, ее отнесло к противоположной стене прихожей. Она еле удержалась на ногах и ухватилась за косяк, чтобы не упасть. В квартиру ворвались два охранника и пожилой мужчина, уже знакомый ей по больнице.

– Ты что, с первого раза не понимаешь? Где Егор? Тебя спрашивают по-хорошему пока! – яростно прохрипел тесть.

– Вы совсем сдурели? Берега попутали? Это вы с первого раза не понимаете, я сказала на чистом русском языке: «Понятия не имею, где Егорка». Должен быть у бабушки, у нее и спросите, – разозлилась Марина.

– Ах ты шлюха! – рявкнул тесть. – Врет да еще хамит! – Он треснул кулаком по косяку двери над головой Марины. – Говори!

– Пошли вон отсюда. Вас в гости никто не звал. Сейчас полиция приедет, – возмущению ее не было предела.

– Осмотрите квартиру! – отдал приказ тесть своим охранникам.

Двое оттолкнули Марину и прошли вглубь квартиры. Оттуда послышалось хлопанье дверей, грохот падающих предметов, отборная ругань. Наконец амбалы вернулись.

– Никого нет, – отрапортовали они хозяину.

– Что, тварь, успела спрятать у соседей? Говори, у кого, а то сейчас весь дом перевернем, – опять прохрипел тесть.

Его лицо исказилось от злости, и он изо всей силы толкнул Марину. Она, не ожидавшая толчка, отлетела к стене, ударилась затылком и сбила тумбочку, на которой стояла большая китайская ваза. Ваза не удержалась на месте и свалилась на пол, раз-

бившись на мелкие кусочки. Марина от неожиданности ахнула и схватилась за затылок, у нее выступили слезы.

– Бандиты! – она взяла вторую вазу и с трудом подняла ее над головой, намереваясь кинуть в тестя, но один из охранников ударом дубинки расколол вазу в руках Марины. Осколки посыпались на нее, один осколок порезал руку, а другой, крупный, скользнул по голове. Кровь хлынула из раны и залила лицо. Марина спиной оперлась на стену и сползла на пол.

Когда в квартиру ворвались полицейские, они увидели засыпанную осколками фарфора прихожую и окровавленную хозяйственную, сидящую на полу. Видимо, зрелище было феерическим.

Старший патруля тут же скомандовал бандитам: «Руки!» А полицейские, угрожая автоматами, надели на них наручники. Охранники безропотно подчинились, и даже Хаммурапи угомонился. Ясное дело, с автоматчиками дискутировать – себе дороже, это же не хрупкая барышня. Все случилось в одну минуту, Марина даже не успела сообразить, что к чему, как нападавших бандитов и тестя вывели в подъезд.

И тут в коридор ворвалась Лера. Увидев окровавленную Марину на полу, она заголосила в лучших традициях русских плачальщиц:

– Ой, да что же?.. Ой, да как же?..

Марина поморщилась:

– Да прекрати ты причитать, без тебя тут весело.

Она обратилась к старшему полицейскому:

– Мне нужно проехать в отделение? Заявление написать?

– Заявление вам писать, конечно, нужно, но для начала следовало бы проехать в травмпункт, чтобы вам оказали первую помощь и зафиксировали побои и повреждения. Такое нельзя оставлять безнаказанным.

– В травму мы сейчас поедем. Я ее сопровожу – и потом сразу к вам, – затараторила Лерка, обрадованная возможностью поучаствовать. Она всегда находилась в готовности броситься к ближнему на помощь.

Полиция с задержанными удалилась, а Лера принялась фотографировать прихожую и Марину на телефон:

– Такую красоту надо для потомков и суда зафиксировать, а то сейчас тебе помочь окажут, и все. Ничего не докажешь.

Лера, медик по образованию, везде имела знакомых, и, к счастью, дежурный врач в травмпункте тоже оказался ее знакомым. Им не пришлось долго сидеть в очереди, Марине быстро обработали рану на лбу, фактически это была не рана, а добротная ссадина, которая пришла на волосистую часть головы. Врач успокоил ее, сказав, что шрама видно не будет. Кроме того, у нее оказалась огромная шишка на затылке и признаки легкого сотрясения мозга. Еще было вывихнуто плечо, в горячке «общения» она этого не почувствовала. Плечо тут же вправили, руку зафиксировали. Выдали бумагу о полученных травмах и направление в больницу, потому что врач советовал недельку полежать. «С трясением не шутят», – сказал он.

Из травмпункта Марина вышла с перебинтованной головой и рукой на перевязи. Лера не преминула запечатлеть и этот вид. Перебинтованная, она с Лерой объявилась в отделении полиции, где Марина написала заявление, а Лера дала свидетельские показания.

Поздно ночью они были дома. Лера помогла Марине убрать осколки китайских ваз, расставить по местам опрокинутую мебель и вытереть пол. После праведных трудов она потребовала организовать по сто граммов.

– Не пьянства ради, а пользы для, – как она выразилась. – У тебя, мать, чистый стресс, я тебе как медик говорю. Выпить надо, а то не уснешь, – убеждала она Марину, которая пить категорически не желала.

– У меня нынче летом – сплошной стресс, я только и делаю, что пью. Ты хочешь, чтобы я спилась? – отнекивалась Марина.

Но Лера не отставала от нее, и, сдавшись, чтобы отделаться, она выпила и попросила оставить ее одну. Неожиданно для себя уснула крепко, без сновидений.

Проснулась в обед с сильной головной болью и поняла, что стоит обратиться в больницу. Больница она не любила и побаивалась, резонно считая, что русская медицина бессмысленна и беспощадна, но посчитала, что сейчас повод внушительный.

«Марина Алексеевна, – обратилась она к себе, – с « сотрясом » лучше не шутить ». Она отправилась в больницу, и ее госпитализировали. Врач сказал, что полежать нужно дней десять, но если она не будет вставать с кровати, то, может быть, хватит и недели. Марина не спорила, она была не прочь полежать в этой больнице. Ведь здесь лежал Юрий. Ему уже разрешили вставать, и теперь он приходил к ней в палату.

Вероника Павловна с Егором отбыли в Иркутск, пока Хаммураби находился в отделении полиции. С легкой руки, точнее, языка Марины к Юриному тестю приклеилась эта кличка. А Марина сказала Юрию, что теперь, пожалуй, понимает Алину. Поневоле пойдешь на любое преступление, лишь бы избавиться от этакого самодура. Только лучше бы она своего папашу прикончила, пользы и ей, и людям было бы больше.

12

В один из дней тестя имел наглость явиться к Марине в больницу. Он предложил Марине деньги за то, что она заберет заявление.

– И не подумаю, – ответила она. – Я юрист, мое дело – следовать закону, а то, что вы творите, даже не беззаконие, а полнейшее самодурство. И вам пора понять, что у вас нет абсолютной власти, чтобы быть абсолютно безнаказанным. Мне не нужны ваши деньги, хотя вы мне их заплатите по суду и за материальный, и за моральный ущерб.

– И что за материальный ущерб ты выдумала? Что там у тебя ценного могло быть? – зло спросил тестя.

– Те вазы, которые вы изволили расколотить, были куплены в Китае, каждая стоит семь тысяч долларов. Документы у меня

имеются. Плюс моральный ущерб. Думаю, тысяч в двадцать долларов вам обойдется непрошеный визит. Это я еще не рассматривала ущерб здоровью, больнице счет оплатите и травмпункту за мое лечение. Дебоши разных господ не должно оплачивать государство, – Марина говорила совершенно спокойно и совершенно не боялась этого типа, что привело его в неконтролируемую ярость.

– Это ты мне за все заплатишь, наглая дрянь! – орал он на всю больницу. – Ты до суда не доживешь! – А дальше шла отборная матерщина с описанием того, как он с ней будет расправляться.

Марина успела включить диктофон в телефоне и записала все угрозы.

– Послушайте меня, – тихо ответила она, – я понимаю ваше горе: потеряли дочь, даже сочувствую, но вам лучше держать себя в руках. Свидетелей ваших угроз – полбольницы, записи с диктофона будут переданы куда следует, а вам за мою жизнь и здоровье теперь лучше молиться. Что бы ни случилось со мной: кирпич упадет на голову, машина наедет, в ресторане отравлюсь – в этом обвинят вас. Так что в ваших интересах, чтобы со мной все было благополучно. Вам впору меня охранять теперь.

На этом разговор закончился, Хаммурапи в ярости покинул палату, а Марину пробило на слезу. Она рыдала долго, пока подушка не намокла, пока не прибежала медсестра и не сделала ей успокаивающий укол. Марина плакала вовсе не из-за тестя и не от страха (она вообще плакала очень редко), просто накопилось до предела, и она выплакивала ужасные события этого ужасного лета.

А потом был отвратительный долгий судебный процесс. Тестя прилагал массу усилий, чтобы выйти сухим из воды. И Марина отдавала себе отчет, что, если бы она не работала в мэрии, не имела кучу друзей в органах и неподкупных свидетелей, ничего бы у нее не вышло. В конечном итоге тестя и его телохранители отделались двумя годами условно. Марина была крайне огорчена,

что реально посадить их не удалось, хотя, кроме Марины, к делу подключились недруги Хаммурапи, которых у него водилось немало. И еще она получила деньги за моральный и материальный ущерб, сумма в пересчете на американские рубли составила девятнадцать тысяч. Неплохой результат, если подумать, против кого она осмелилась выступить.

Самым забавным в этой истории Марина считала оплату материального ущерба за разбитые китайские вазы. После женитьбы они с Юрой были в турпоездке по Китаю. Выбирая сувениры, в одной лавочке наткнулись на эти фарфоровые вазы, пятьсот баксов каждая, и по глупости решили их купить. Стоит только вспомнить, как они намучились с ними, пока довезли. И потом Марина не знала, куда их пристроить, ничего китайского или восточного в их интерьере не было. Продавец, выдавая документы на вывоз, спросил, какую сумму в них проставить, и они замахнулись на семь тысяч за вазу – хотели казаться себе богачами. Студенты, что с них взять, но в то время для них и тысяча долларов была сумасшедшими деньгами.

Шутка получилась в конечном итоге прибыльная. Марина как юрист прекрасно сознавала, что переступает черту, невинный мухлеж превратился в банальное мошенничество. Все же желание наказать наглого обидчика оказалось сильнее. И дело было не в деньгах, ясное дело, что для Хаммурапи и две тысячи, и двадцать тысяч долларов не деньги. Она всё понимала, но ничего не могла с собой поделать – ее чувство справедливости требовало удовлетворения, и деньги немного примирili ее с условностью наказания.

Наступил ноябрь. Изломанные, озябшие ветки деревьев тянулись к небу, чертя на нем жесткие узоры, а оно, темное, набухшее влагой и снегом, низко нависало, делая деревья еще более мрачными и корявыми. Солнце исчезло и уже много дней не могло пробиться через эту непроницаемую преграду. Остатки опавших листьев устилали мостовые и траву, перемешиваясь со снегом и грязью.

Марина уютно устроилась у окна кафе и сочувственно поглядывала на редких прохожих, которые быстро пробегали мимо окон, чуть сгорбившись от падавшей сверху влаги: не то дождя, не то снега. Под ногами у прохожих хлюпала грязно-снежная каша, от которой не было спасения. Сидя в тепле и сухом уюте кофейного пространства, Марина с удовольствием вдыхала аромат кофе и думала, что запахи занимают так много места в ее жизни. Например, аромат кофе всегда вызывал у нее мечты о местах, в которых она никогда не бывала. Она мечтательно произнесла: «Тенерифе, Ямайка», и перед глазами вставали море, жаркое солнце, пальмы, танцующие веселые смуглые люди.

Запах цветущей вишни переносил ее в детство. В первом классе ее отправили учиться к бабушке. Дорога от дома до школы проходила по улице, обсаженной вишневыми деревьями. Весной маленькая Марина ходила по этой дороге с портфелем и огромными бантиками в косичках. Цвели вишни, жарко светило солнце, журчали пчелы. Запах цветущих вишен кружил голову и был таким густым и сладким, что от него становилось сладко во рту. Теперь Марина стала большой, и ей казалось, что так выглядит дорога в рай.

Она вздохнула, даже помотала головой, отгоняя несвоевременные воспоминания, и посмотрела в чашку – кофе закончился. Уходить из уютного тепла в холодную сырость не хотелось, и она решила заказать еще чашку. Капучино она уже выпила и во второй раз заказала кофе по-венски. Получив заказ, немного разочарованно поболтала соломинкой в бокале и, отхлебнув глоток, поняла, что это не то, что она хотела. Ей тут же вспомнилась нарядная, шумная Вена, очаровательные венские кофейни, тонкие фарфоровые чашечки с кофе и необыкновенно вкусные пирожные.

«Что-то, Марина Алексеевна, тебя сегодня одолевают воспоминания, – подумала она, – в Вене сейчас, скорее всего, тоже льет холодный дождь. В Европе сейчас везде холодно, в Азию не хочется, не в Мексику же лететь за солнцем. Впрочем, чего это я размечталась про солнце, уехать я не могу».

И Марина принялась размышлять о предстоящих хлопотах. Она успела сдать рукопись в срок, теперь над ней работал редактор, постоянно донимая правками. Издательство собирается выпустить книгу к Новому году, кроме того, переиздает ее первую книгу.

«Второе издание первой», «первое издание второй» – смешно звучит», – усмехнулась она. Потом будут конференции, презентации, встречи с читателями и прочая утомительная чепуха. Марина не лукавила, она действительно не любила встречи с читателями, а тем более журналистами, и пустопорожние разговоры ни о чем.

«Одно дело – написать текст, прожить часть жизни со своими героями, ведь в литературного героя писатель невольно вкладывает мысли, чувства, эмоции, они становятся живыми для него. Другое дело – пытаться объяснить посторонним людям, что ты хотел сказать, когда твой герой делает или говорит то-то и то-то. Да ты понятия не имеешь, что и почему делает. Где-то читала, что не писатель пишет роман, а роман пишет писателя», – размышляла Марина.

– Разрешите присесть? – услышала она и подняла голову, перед столиком остановился молодой человек и вопросительно смотрел на нее.

– Да, конечно. – Она осмотрелась, свободных мест в кафе не было. – Я уже ухожу, – ответила Марина. Расплатившись, она вызвала такси, чтобы не шлепать по снежной каше.

«А парень выглядел разочарованным, когда я так быстро сlinяла, – усмехнулась она про себя, – может быть, стоило остаться, глядишь, знакомство бы завязалось. Кажется, он был симпатичный, – продолжала размышлять она, сидя в такси. – Мне необходимы новые знакомства, романы. Я чувствую, что стою на пороге нового, любовь ждет меня, и она рядом. Главное, не пропустить». Она уже забыла свои слова после гибели Алины, что «не стоит грезить о всяких глупостях», и снова мечтала о большой любви.

Доехала до дома, не переставая думать о себе и о том, как жить дальше. События лета и осени вымотали ей все нервы и силы, сейчас ей больше всего хотелось уехать в тепло и солнце, тупо лежать на пляже и ни о чем не думать.

«Я устала думать, надо же, в конце концов, я просто устала, – неспешно разговаривала она сама с собой, – я работала как папа Карло, и я молодец: суд выиграла, книгу написала, убийство раскрыла, ну пусть не сама, но без меня ничего бы не раскрыли. Да, еще и автограф Пушкина мы с Юркой нашли. Макс держал его для сохранности в коробочке от компакт-диска. Мы и нашли его в фонотеке, среди дисков. Потом Юра передал его в Пушкинский дом, как и хотел Макс. Жалко об этом только мельком в СМИ было, кому нынче это интересно. Зато у литератороведов чуть инфаркты не приключились от счастья. А какое счастье было открыть эту коробочку и увидеть знакомый бисерный почерк поэта, вот так рядом, и представлять, как он писал быстрые строки на этом клочке бумаги...»

Раздавшийся телефонный звонок отвлек Марину от воспоминаний и подведения итогов, реальная жизнь требовала ее внимания. Звонил редактор, одно место в книге казалось ему психологически недостоверным. Смешно, но Марина как раз описала там реальное событие.

– Действительно, на бумаге реальная жизнь кажется иногда надуманной. Интересные создания, эти читатели, – посетовала она в очередной раз, – в реальные вещи не верят, а сплошная выдумка попадает в десятку. А еще считают, что все написанное писателем – это про него самого, а все герои имеют прототипов. Смешно, но попробуй их переубеди.

ЭПИЛОГ

Год, наконец, закончился, проскочил станцию Новый год и покатил дальше, отступивая каждый день. Незаметно промелькнули праздники, и новый год окончательно вступил в свои права.

«Еще немногого – и наступит весна, а там и лето не за горами. Дай нам Бог прожить этот год в мире и согласии, здравии и благополучии», – думала Марина.

Она расквиталась с издательством, выпустившим ее книги, получила гонорар, и теперь свободная, как птица, слонялась по Шереметьево, позволив себе наконец отдохнуть: море, солнце и пальмы. До самолета была уйма времени, в Москву ехать не хотелось. Она уже выпила горячего шоколада, слишком сладкого на ее вкус, перелистала все журналы на стойке и даже примерила несколько вещичек в бутике. Больше занять себя было нечем, и Марина, стоя у огромного окна аэропорта без интереса смотрела, как взлетают чужие самолеты. Мысли текли лениво, в основном это были смутные планы на будущий отдых. Вдруг за спиной она услышала легкие шаги, и приятный, чуть хрипловатый голос спросил: «Девушка, не желаете прокатиться со мной «до городу Парижу»?» Марина стремительно обернулась...

Продолжение следует.

Заповедник для эльфов

Фэнтези

ПУТЕШЕСТВИЕ НА НОВОГОДНЮЮ ЕЛКУ

Маленького эльфа звали... впрочем, эльфийский язык, состоящий из звуков, похожих на птичью трели, сложен для человеческого слуха, потому просто назовем его Алеша. Эльф имел белокурые волосы, синие глаза и совершенно был похож на обычновенного мальчика, только очень маленького роста, с ладонь. За плечами у него виднелись прозрачные крыльышки, благодаря которым он и его соратья легко перемещались по лесу и разыскивали самые красивые цветы – источники нектара. Эльфы любили пить нектар из красивых цветов, они считали себя эстетами. День-деньской крылатое эльфийское племя порхало с цветка на цветок, и повсюду в лесу раздавался их веселый смех, как будто кто-то звонил в маленькие фарфоровые колокольчики.

Однажды в лесу на поляне появились женщина и девочка. Женщина устроилась в тени березы, а девочка стала бегать по поляне и по людской привычке рвать цветы. Как ни старался Алеша спасти самые красивые цветы, зависая над ними и делая их невидимыми, девочка оказывалась проворнее. Только Алеша спрячет один цветок, как девочка уже несется к другому и, прежде чем Алеша подоспеет, срывает его.

Наконец, мама достала из корзинки пирожки, книжку и позвала девочку: «Маша, иди съешь пирожок, а я почитаю тебе сказку».

Девочка, которую Алеша про себя называл «маленькое чудо-вище», набрала букет, присела возле мамы, начала плести венок и есть между делом пирожки, а мама принялась читать ей книжку вслух.

Утомившийся Алеша, оставаясь невидимым, тоже устроился неподалеку и вместе с девочкой слушал сказку. Сказки Алеша любил, перед сном маленьким эльфам рассказывал сказки и предания старший эльф. В сказке речь шла о бедной сироте, которую злая мачеха велела отправить в лес зимой и там оставить, чтобы

она замерзла. Только все закончилось хорошо, потому что Дед Мороз не заморозил сироту, а напротив, наградил богатством. Алеша слушал сказку, но не понимал, что такое зима, снег и кто такой Дед Мороз. Он даже заглянул сверху в книжку и увидел на картинке елки, закутанные во что-то в белое, под елками девочку, а рядом с ней высокого старика с бородой и посохом. Но больше всего заинтересовали Алешу белые звезды с шестью лучами, от которых отходили еще лучи, образовывая невероятный по красоте узор. На картинке было нарисовано несколько белых звезд, и ни один узор не повторялся.

Дочитав сказку, девочка и мама надели венки из цветов на голову и, довольные, отправились домой. А Алеша полетел разыскивать дедушку, так маленькие эльфы называли старшего эльфа, ведь он знает все на свете и, может быть, знает, о чем сказка и что это за странные белые звезды он увидел на картинке. Дедушка все объяснил: про зиму, про мороз, но Алешу больше всего интересовали белые звезды, и дедушка сказал, что это просто замерзшая вода: «Летом идет дождь, а зимой дождь замерзает и падает снежинками».

«Оказывается, эти прекрасные белые звезды называются снежинками! У них и название красивое», – подумал Алеша.

С тех пор самой большой его мечтой стало увидеть снежинки, но как же это сделать, если зимой эльфы спят? Осенью, когда цветы умирают и наступают холода, эльфы выбирают укромное место для зимовки и выпивают особое зелье из растений, известных только им. Выпив зелье, они впадают в сон и просыпаются только весной, когда расцветают первые цветы. В это время еще холодно, и эльфы в обычную одежду из сухих травинок, окрашенных соком ягод и цветов, вплетают ворсинки из меха пушистых зверьков. Это делает ее теплой, но легкой, и эльфы могут летать.

Алеша задумал небывалое приключение. Когда наступила пора выпить напиток, он выпил половину и уснул вместе со всеми. Маленький эльф проспал часть положенного срока, проснулся

ся посреди зимы, надел теплую курточку и с замиранием сердца пробрался к выходу.

Осторожно выглянув наружу, он сразу почувствовал холод и увидел знакомую поляну совсем другой. Поляна была покрыта белыми сугробами, а вокруг стояли безмолвные деревья. Елки и сосны натянули на зеленые лапы снежные шапки и варежки и тихо дремали, белые березы заламывали голые ветки, простирали их к небу, словно умоляя о тепле. Но серое небо было безмолвно и равнодушно к их просьбам, лишь сверху сыпались белые крупные снежинки, которые кружились и летели вниз, к земле. Алеша замер от восторга и пытался поймать этих кружевных красавиц, пока одна из снежинок не опустилась ему на руки. Он приняллся рассматривать снежинку, но прошло несколько секунд, и он с удивлением увидел, что снежинка исчезла, оставив влажный след на руках.

«Дедушка был прав: это замерзшая вода», – подумал он, снова протянул руки и поймал еще одну снежинку, она была совсем другая, тоже прекрасная, но также быстро растаяла. Алеша долго стоял на краю дупла и ловил снежинки, пока не решил спуститься к земле. Как пригодились ему в этот момент его крыльшки, потому что белый покров предательски расступился под небольшим весом и едва не поглотил его. Эльф завис в воздухе и пытался понять, из чего же состоят сугробы. И каково было его удивление, когда он понял, что массы снега состоят из отдельных снежинок. «Это сколько же их тут! Сто тыщь миллионов! – восторженно подумал он. – Каждая – особенная и не похожа на другую!»

Он начал летать по веткам деревьев и обрушивать снежные шапки, с интересом наблюдая, как они падают в сугробы и образуют снежные фонтаны. Птицы и белки с удивлением заметили эльфа, радостно приветствовали его. Алеша с интересом выслушал все лесные новости, которые пропустил за время сна. Потом белки научили его играть в снежки, и они долго с удовольствием играли. Одна белка так ловко кинула снежок, что сбила эльфа

с ветки, и он, несомненно, упал бы в сугроб, но крыльшки опять выручили его. Это так развеселило компанию, что все покатились со смеху и играли, пока у Алеша совсем не замерзли руки.

Утомившись игрой, все устроились на пушистой сосновой ветке, и Алеша приняллся расспрашивать птичек про Деда Мороза. Только малые птахи ничего не могли рассказать ему, потому что сами его не видели, но слышали, что он живет в лесу и встречаться с ним опасно.

– Он разве злой? – спрашивал Алеша. – Я сказку слышал, что он добрый бывает.

Но птички только разводили крыльшками.

– Не злой он, не добрый, – проскрипела с соседней елки старая Ворона, – он же Мороз, его дело морозить. К чему посохом притронется, это сразу льдом сделается. Лет сто назад встречалась я с ним на реке, как он ударил по воде посохом своим, так река тотчас и замерзла. Меня заметил, посохом в мою сторону повел, еле успела улететь, а то не сидела бы сейчас с вами. Лучше с ним не встречаться, а то и до беды недалеко, – заключила она.

– А внучка его, Снегурочка, никого не обижает, в морозные дни подкармливает птиц малых зернами и семенами, – защебетали птицы.

– Снегурочка? А она красивая? – спрашивал Алеша. – Как бы я хотел встретиться с ней.

– Так ничего нет проще, – проскрипела опять Ворона, – в деревне люди елку устроили к Новому году и сделали Деда Мороза и Снегурочку из снега. Не знаю, где они их видели, только очень похоже. Если хочешь, я могу тебя туда отнести, самому тебе не добраться.

Хотел ли Алеша? Тут и спрашивать нечего. Он не заставил себя ждать, быстренько устроился на спине Вороны, и они полетели. Малые птахи увязались за ними, и образовалась птичья эскадрилья, во главе которой летела Ворона с эльфом «на борту».

Сначала они долго летели по лесу, потом вдоль дороги, а в конце пути увидели реку подо льдом и снегом, с крутого бере-

га которой катались на санках ребяташки, видны были дома, из труб валил дым. Раньше Алеша с таким не встречался, и ему все разъясняла ворона, которая была хорошо знакома с миром людей, но про Новый год ничего толком не знала. Почему-то люди договорились один день считать концом года, праздновать его ночью, наряжать елки и дарить друг другу подарки. А еще в эту ночь принято веселиться, петь песни, танцевать и желать друг другу, чтобы новый год был лучше прежнего.

— Так они задабривают новый год, — высказалась предположение Ворона.

Она пролетела мимо многих домов, которые неожиданно расступились и образовали обширное пространство, называвшееся площадью. Прямо посередине площади красовалась наряженная елка, на ветках которой висели красочные игрушки, гирлянды, бусы. А вокруг елки стояли Дед Мороз и Снегурочка, волшебный замок с башенками, множество сказочных персонажей и зверей, и все это было сделано из льда. Алеша порхал вокруг и хлопал в ладоши от восхищения: «Как все красиво! Как переливается лед под последними лучами заходящего солнца!»

Они еще вдоволь не налюбовались этими чудесами, когда солнце скрылось за крышами домов и резко потемнело. Но не успел Алеша испугаться, как елка зажглась, точнее зажглись сотни фонариков и разноцветных лампочек в гирляндах. Все они начали мигать и переливаться разными красками. Красочные огоньки отсвечивали в ледяных скульптурах, цвет и тени скользили по ним, создавая иллюзию, что фигуры движутся. Один раз эльфу даже показалось, что Дед Мороз сурово сдвинул брови и грозно повел в его сторону посохом, но не успел он испугаться, как ему улыбнулась Снегурочка, и страх сразу отступил. Долго бы он еще любовался сверкающими чудесами, даже не чувствуя холода, пока Ворона не велела забираться ей на спину: «Совсем темно стало, как бы нам в лесу не заблудиться».

На обратном пути усталый и замерзший Алеша пригнулся к спине Вороны, зарылся в ее теплые перья и очнулся, когда она

тяжело приземлилась на ветку на знакомой поляне, освещенной луной. Так закончился день, полный событий и чудесных приключений.

Он поблагодарил Ворону за путешествие, птичек за компанию, попрощался с ними и нырнул в тепло своего дома. Допил сонный напиток и, совершенно счастливый, уснул до весны. Снилась Алеше зимняя поляна, посреди которой выросла пушистая молодая елочка. Ее нарядили самыми крупными красивыми снежинками, кристаллами льда, яркими цветами и бабочками. Солнце освещало елочку, и ледяная красота переливалась и сверкала, а внизу в полумраке веток переливались зеленые огоньки светлячков. Эльфы, его друзья, взялись за руки и стали водить вокруг елки хоровод и петь веселые песни. Вопрос, откуда зимой взяться цветам, бабочкам и светлячкам, эльфа не смущал, ведь он крепко спал, улыбаясь во сне, а во сне еще и не такие чудеса случаются. Впрочем, как и в жизни, если в них верить.

СТАРЫЙ ДУБ

Закончилась долгая зима, пришла весна. Эльфы очнулись от зимнего сна, и жизнь потекла своим чередом. Алеша постепенно стал забывать зимнее приключение. Иногда ему даже казалось, что все события просто приснились. Он никому не рассказывал про путешествие на новогоднюю елку, но когда все проснулись, старший эльф погрозил Алеше пальцем. Алеша сделал вид, что ничего не понял, но не удивился: дедушка знает все обо всем на свете.

Непоседливость и любопытный нрав маленького эльфа втягивали его в новые приключения и передряги, из которых он благополучно выпутывался, иногда сам, а иногда с помощью многочисленных друзей. Родители не слишком беспокоились об Алеше, они, конечно, любили его, но друг друга они любили больше. К тому же среди эльфов не принято уделять много внимания

малышам. Воспитанием их в основном занимался старший мудрый эльф.

Эльфийское племя жило большими кланами. Каждый клан имел свое место в лесу и старался не нарушать эти условные границы. Только маленький лесной дух частенько нарушал, на-ведываясь в части леса, в которых жили другие кланы. Но, пока он был мал, это сходило ему с рук, и, встретив в очередной раз Алешу на своей территории, соседние эльфы снисходительно прощали его. Границ Алеша по малолетству не признавал, ведь его многочисленные друзья – обитатели леса – не имели представления о границах и свободно перемещались везде, вслед за ними маленький эльф считал, что лес принадлежит всем. Он постоянно открывал неизвестные для себя места в лесу, легко заводил новых друзей. Лес был огромен, но в тех местах, куда Алеша мог долететь на своих крыльышках, все знали и любили его. Он имел дружелюбный нрав, и всегда был готов прийти на помощь и повеселиться.

Так сложилось, что Алеша предпочитал дружить с обитателями леса, а среди эльфов у него друзей почти не было. Он просто любил их как своих собратьев, к тому же был самым маленьким, его не принимали всерьез те, кто был постарше. Самому Алеше в их компании было скучновато, эльф любил узнавать что-то новое или получать ответы на многочисленные вопросы, но молодые эльфы сами мало что знали и только играли и веселились.

Самым большим другом Алеши стал Старый Дуб, который рос на краю леса. Дуб всегда был к его услугам, ведь он никуда не мог подеваться со своего места. Маленький эльф частенько прилетал к нему и устраивался на самом верху, чтобы видеть окрестности как можно дальше. С опушки хорошо просматривались бескрайние поля, а с самых верхних веток можно было разглядеть большую реку, а по ее берегам – строения, но они были так далеко, что едва различимы. Алеша после зимнего путешествия уже знал, что в этих домах живут люди, и стал очень интересоваться миром людей. Он и сам не понимал, чем они его

так привлекают. Скорее всего тем, что их жизнь слишком уж отличалась от жизни, которой жили эльфы. Люди не владели никакой магией и волшебством, но у них было столько всего интересного. Для своих нужд они изобретали разные механические чудеса и пользовались ими. Люди строили дома, ездили на машинах и даже летали на самолетах. Механические штуки и приспособления помогали им многократно увеличивать свои силы и возможности.

Старый Дуб много знал о жизни людей, и Алеша жадно высматривал его о временах, когда его самого еще не было в помине. А Дуб любил рассказывать. Живущие долго любят делиться воспоминаниями, так они будто возвращаются в прежние годы, когда были моложе. И более благодарного слушателя Дубу было трудно найти, а уж такого, который понимал его язык, и подавно. Эльфы имеют такую способность: понимают язык любого живого существа, будь то человек или маленькая букашка.

В один из дней Алеша примчался к Старому Дубу уже под вечер и принялся рассказывать ему о своих приключениях. Дуб с интересом выслушал его немудреные истории. История про то, как он спасал птичье гнездо от змеи, которая хотела полакомиться еще невылупившимися птенцами, и как ему в этом помог ежик, вызвала одобрение Дуба, но история о том, как он спас красавицу бабочку от паука, заслужила отрицательную реакцию лесного великаны.

– Ты, Алеша, еще мал и не всегда понимаешь, кого стоит спасать, а кого не очень, – сказал Дуб. – Бабочка – существо, само собой, красивое, но ведь она наплодит гусениц, а они начнут питаться листьями деревьев, так что паук хоть и некрасивый, но полезный, а ты порвал его сеть, лишил обеда.

– Тогда я и змею лишил обеда, – недоуменно отозвался Алеша, – но ведь птенчиков надо спасать. Как же иначе? Птицы – мои друзья.

– Вопрос непростой, все в природе взаимосвязано, – отозвался Дуб, – люди называют это пищевой цепочкой. Любое жи-

вое существо должно кого-то съесть, чтобы жить дальше. Кроме нас, растений, и вас, эльфов. Но со змеей ты правильно поступил, пусть ловит тех, кто может убежать, а не губит беззащитные яйца. И запомни, птицы – друзья леса, а гусеницы – враги... Ничего, – утешил Алешу Дуб, увидев, что тот загрустил, – ты во всем разберешься в свое время, а пока поступай, как велит тебе доброе сердечко. А я расскажу тебе о временах, когда я тоже был маленьким.

И Старый Дуб рассказывал Алеше, что, когда был совсем юным дубком, он рос в самой гуще леса, но люди постепенно вырубали деревья, и край леса становился все ближе.

– Посмотри на это поле, – говорил Дуб, – раньше тут тоже рос лес, он тянулся до самой реки и домов людей, а потом стал постепенно сокращаться. Люди рубили деревья, а на их месте сеяли пшеницу.

Дуб рассказывал про свой страх, который испытывал, когда доносился стук топора или визг пилы и он слышал, как падало очередное дерево. Годы шли, он рос и мужал, становясь настоящим большим дубом, и обреченно ждал, что скоро и по его стволу застучат топоры. А потом вдруг увидел, что впереди больше не осталось деревьев, что он стоит на самой опушке леса, как часовой, которого поставили на посту и забыли о нем. Он ждал своей очереди, но она, к счастью, так и не наступила.

Алеша внимательно слушал рассказ Старого Дуба и поежился от страха:

– Ничего себе, какой ужас, всю жизнь стоять на одном месте и ждать, что сейчас тебя убьют, а ты даже не можешь убежать от опасности.

Ему стало так жалко старого друга, что из глаз покатились слезы и закапали на листья. Дуб понял, что маленький эльф жалеет его.

– Ну что ты, Алеша, – сказал Дуб, утешая, – мне повезло, я до сих пор жив, прожил большую жизнь и много чего знаю. Мне жалко вырубленных деревьев, но сейчас мне нравится, что я стою

в этом прекрасном месте на краю леса. Да, бывало страшно, но что бы я увидел, если бы рос в глухом лесу среди других деревьев.

На моих ветвях сидели разные птицы, рассказывали истории про дальние страны, в которые они летят на зимовку, а возвращаясь, сообщали, что нового увидели, – продолжил Дуб. – От них я узнал, что в мире есть моря и океаны, горы и невиданные животные и многое еще всего. Конечно, я жалею, что врос корнями в родную землю, не могу передвигаться и видеть все это своими глазами, но зато я могу мечтать о них. А люди, которые отдыхали в тени моей кроны, как много интересного я слышал от них. Не так давно я узнал, что люди объявили остатки этого прекрасного реликтового леса заповедником, теперь он не исчезнет. Деревья больше не рубят, а в лесу появилась охрана – люди, которые называются егерями, следя за порядком. Поэтому меня и не срубили, теперь можно не бояться. Поживем еще! – радостно заключил Старый Дуб. – Жалко только, что теперь на этих полях не растет пшеница. Было так красиво, когда она спелась, от ветра по полю гуляли желтые волны, а я представлял, что это море. Люди так и говорили: «Море пшеницы». Теперь здесь растет только бурьян и начинают прорастать семена деревьев. Даже пара моих внучков-дубков укоренилась. Лет через пятьдесят тут опять будет молодой лес, если люди не начнут здесь снова что-то выращивать.

– Ух ты! – воскликнул Алеша. – Осеню я тоже посажу кучу желудей на этом поле, они прорастут, и лет через сто вместо этого поля будет настоящая дубрава.

Маленький эльф задумался, а потом сказал Дубу:

– Я не понимаю, почему люди не считают растения живыми? Ведь они рождаются, дышат, питаются, размножаются, умирают, как любое существо. Только растения не умеют передвигаться, хотя лианы умеют ползать. И так безжалостно убивают их. Ведь дуб растет лет пятьсот, а срубить его можно за час.

Алеша горестно замолчал, задумавшись о несправедливости мира.

– Не переживай, мой мальчик, – утешал его Дуб. – Люди убивают и себе подобных, что уж про растения говорить. Но спрашивали ради отмечу, люди не только рубят, но и сажают леса. Я слышал это от самих людей. Егеря, которые охраняют наш лес, теперь сажают деревья на дальней делянке за озером.

Так они часами разговаривали обо всем на свете, пока Алешу не начинали искать родные или старший эльф, о чем ему тут же сообщали птицы, и приходилось возвращаться домой.

ДРАКОША

Дракоша увидел блеснувший впереди свет и заторопился к выходу. Он едва выполз из пещеры – и растянулся на теплых камнях у самого выхода. Некоторое время он лежал, впитывая тепло и постепенно приходя в себя. Наконец он согрелся, огляделся и с удивлением понял, что оказался в незнакомом месте. Растения, насекомые вокруг были мелкими, большого солнца не было видно, зато маленькое увеличилось в размере. Удивлялся Дракоша недолго, голод взял свое, и он принял есть траву. Она была сочной и сладкой, он раньше такой не пробовал. Согревшись и утолив голод, Дракоша пытался понять, как искать свой дом. Он слышал от мамы, что существует множество миров, между которыми имеются проходы, и догадался, что пещера вывела его в неизвестный мир.

– Ты кто? – неожиданно прозвучал голос в его голове.

Дракоша огляделся, но никого не увидел.

«Странно – никого. Это со мной невидимка разговаривает?» – подумал он и услышал чье-то хихиканье, как будто зазвенел маленький колокольчик.

– Я могу быть невидимкой, если хочу, но сейчас я прямо перед твоим носом, смотри внимательнее, – послышался тот же голос.

Дракоша скосил глаза и увидел маленькое существо, которое летало вокруг его головы и приветливо помахивало рукой.

– А ты кто? – испуганно спросил Дракоша.

– Я эльф, – представился Алеша (а это был он). – Ты не ответил, кто ты и откуда взялся?

«Что он может сделать мне плохого, он такой маленький», – подумал Дракоша и немного приободрился, да и на вид эльф был незлой.

– Меня зовут Дракоша, взялся из пещеры, я заблудился, – ответил он грустно. Из его большого глаза выкатилась крупная слеза и упала на траву. – Я так ругаю себя за то, что сунулся в эту пещеру. Папа и мама ушли вперед, а я засмотрелся на ящерку с двумя хвостами, которая юркнула в пещеру, и пошел за ней. Ящерка сразу исчезла среди камней, а я повернул раз, другой и потерял вход. Вокруг была темнота, я бродил, пока не понял, что заблудился. Потом долго брел, спотыкался об острые камни и думал, что снаружи не находят себе места от волнения мама и папа, ищут меня по всему лесу, как же мне влетит, когда меня найдут.

Дракоша опять тяжело вздохнул, стараясь сдержать подступившие слезы.

– Я давно потерял счет времени, – продолжил он, когда ему это удалось, – и не знал, сколько нахожусь в пещере. Силы покинули меня, но вдруг впереди мелькнул свет, я из последних сил устремился к выходу. И вот я здесь.

Эльф озадаченно рассматривал неведомого зверя. Был он намного крупнее лося, с округлой добродушной мордой и большими добрыми глазами. Существо имело толстую чешуйчатую шкуру, похожую на черепашью. На спине у него располагались костяные пластины в виде зубцов, переходившие в мощный хвост, на котором существо сейчас и сидело.

– Да уж, никогда не видел ничего подобного, но если ты Дракоша, значит, ты дракон? А где твои крылья? Может быть, ты умеешь плевать огнем? – заинтересованно спрашивал эльф.

– Я не умею, – растерянно отозвался Дракоша. – В нашем мире есть драконы, которые умеют летать, но огнем никто не плюется. Плеваться нехорошо, мама заругает.

— Слышал я про множество миров, но думал, что это сказки. Значит, ты из другого мира? И что же с тобой делать? Тебе же нужно обратно... — задумался эльф. — Придется побеспокоить дедушку. Он все знает, придумает, как тебя домой отправить. Сиди тут, — приказал эльф Дракоше, спрятав его на всякий случай в густых кустах, — с места не двигайся, я скоро буду.

Алеша отправился искать дедушку. Называть его дедушкой простительно только Алеше, ведь выглядел старший эльф как молодой красивый человек. У него были длинные до пояса золотистые волосы, синие глаза, пронзительный взгляд, а ростом он был раза в два выше Алеши. Эльфы — красивое племя, живут очень долго по человеческим меркам, они практически бессмертны.

Алеша нашел его в тени ракитного куста читающим древнюю книгу в кожаном переплете. Вкратце рассказал про невероятное, по его мнению, существо, на которое случайно наткнулся, и они полетели на поляну рядом с пещерой. Увидев, откуда пришел Дракоша, старший эльф в сильном волнении закружился вокруг него.

— А когда ты пробирался по пещере, ты никого не встретил? — спрашивал он. — Может быть, тебе встречались какие-то преграды?

Увидев, что Дракоша отрицательно мотает головой, старший эльф расстроился еще больше.

— Ну что ж, пришло время рассказать, тебе непременно нужно это знать, — обратился старший эльф к Алеше: — В давние-давние времена, когда я был примерно твоего возраста, на земле жили волшебные существа и волшебники. Все пространство было пронизано волшебной силой, а люди в то время испытывали большое почтение перед волшебством.

— А что такое волшебная сила и кто такие волшебные существа? — перебил старшего эльфа Алеша.

Тот недовольно поморщился, не привык, когда его перебивают, но все же разъяснил:

— Волшебные существа не похожи на людей, у них есть волшебная сила, и они умеют ее использовать. Сила противоречит

природным законам, которые мы знаем. Откуда у них берется сила, эльфы не знают, мы с ней рождаемся, и я не могу тебе этого объяснить.

– А мы волшебные существа? – снова спросил Алеша.

– Конечно. Например, даже ты, самый младший эльф, умешь становиться невидимым, что противоречит физическим законам, но сила позволяет тебе это делать. Не отвлекай меня, – и старший эльф продолжил свой рассказ: – Мы жили в гармонии друг с другом, волшебниками, людьми и природой, пока сотни лет назад люди не ополчились на волшебников и волшебных существ. Они почему-то решили, что от них исходит угроза их миру. Люди перестали различать, для добрых или дурных дел используется сила, и началась война. Люди были слабы, но коварны, они натравливали нас друг на друга, а потом уничтожали тех, кто победил. Сжигали на кострах, убивали серебряными пулями, и лучше тебе не знать, какими еще жестокими способами. В это время были уничтожены и драконы. Уцелели только мы, маленькие лесные эльфы. Люди посчитали, что мы неопасны для них. Постепенно на Земле исчезли все волшебные существа и волшебники. С их уничтожением постепенно стала иссякать и волшебная сила. И те, кто уцелел, решили переселиться в другие миры, где сила еще существует. Так Земля стала миром, в котором нет места волшеству. Оно осталось только в сказках и преданиях, в которые не верят уже даже дети.

На проходы между мирами были наложены печати – заклятия, которые могли снять совместными усилиями только сильные волшебники. То, что Дракоша свободно проник в наш мир, говорит о том, что заклятия разрушены и к нам могут пожаловать незваные гости. Впрочем, все это не имеет значения для нашего нового друга. Нужно срочно отправить Дракошу домой. Иди за мной, – позвал старший эльф Дракошу, подлетая к пещере. – А ты оставайся здесь, – обратился он к Алеше, – это может быть опасное путешествие.

– Нет уж, – возразил Алеша, – это я его нашел, он мой друг, и я должен проводить его вместе с тобой. Я могу оказаться полезным.

– Что ж, может быть, ты прав, – с сомнением в голосе сказал старший эльф, и они все вместе вошли в темную пещеру.

Старший эльф протянул руку вперед, сказал несколько неизвестных Алеше слов и провел рукой по стене пещеры. От его прикосновения остался светящийся след, который побежал далее по стене, указывая им путь и одновременно освещая его.

– Следуйте за мной, – сказал старший эльф, и маленькая компания тронулась в путь.

Дорога была трудной, они совсем выбились из сил, но должны были торопиться, потому что кровь Дракоши быстро остывала. Наконец, впереди блеснул солнечный свет, и они радостно выбрались из пещеры наружу. Дракоша улегся заряжаться солнечными лучами, а эльфы опустились на ветку высокого дерева, с облегчением позволив себе отдохнуть.

Как ни устал Алеша, любопытство взяло верх, и он завертел головой, разглядывая мир, в котором они очутились. Он значительно отличался от земного мира. Над ними висело огромное ярко-оранжевое солнце, а рядом с ним едва виднелось маленькое желтое. Стояла душная влажная жара, какой не бывает на Земле даже в самый жаркий день. Деревья вокруг пещеры были похожи на папоротники, имели толстый колючий ствол и были гигантской высоты. Как ни старался, Алеша не смог рассмотреть их верхушек, чуть не свалился с ветки, пока задирал голову. Вдруг он охнул и от страха стал невидимым, потому что на него спикировало насекомое, очень похожее на стрекозу. Стрекоза удивленно приземлилась на ветку рядом с невидимым Алешей и не могла понять, куда подевалась добыча, а он в это время смог рассмотреть ее ужасные челюсти, в которые чуть не попал.

– Ничего себе мирок! – воскликнул Алеша. – Если тут стрекозы величиной с ворону, то каковы же птицы?

Словно в ответ на его вопрос небо потемнело, и пронеслось существо размером с самолет, издавая ужасающие скрипучие звуки.

– Это и есть летающий дракон, я же тебе говорил, – отозвался согревшийся Дракоша. – Как я рад, что вы привели меня домой, я бы сам ни за что не нашел дорогу.

Не успел он это сказать, как земля заколебалась под чьими-то тяжелыми шагами. Могучее дерево, на котором примостились эльфы, задрожало всеми своими огромными перистыми ветками.

– Ура! – закричал Дракоша. – Это мама меня нашла.

Из зарослей показалось существо намного больше Дракоши. Оно было очень похоже на него, точнее Дракоша был похож на маму.

– Настоящая Годзилла, – прошептал Алеша и поежился. – Хорошо, что она нас не видит.

Про Годзиллу Алеша однажды видел кино, когда под Дубом расположился молоденький паренек и смотрел движущиеся картинки в небольшом ящичке. Ворона потом объяснила, что это называется кино, а ящичек люди называют компьютером, и в этом компьютере собраны все их знания, в том числе и разные кинофильмы. И вот эта самая Годзилла крушила высоченные дома – небоскребы, а сама была даже выше их.

– Ты снова отстал, опять засмотрелся на какую-нибудь козявку? – громоподобно, но несердито сказала мама.

Дракоша и эльфы с облегчением поняли, что, пока Дракоша путешествовал на Землю, в этом мире прошло всего несколько минут.

– Хорошо, что она не пролезет в пещеру, – тихо сказал Алеша, и старший эльф с облегчением с ним согласился.

– Чем больше мы тут находимся, тем больше времени проходит у нас. Нужно возвращаться, – сказал старший эльф, и они нырнули обратно в пещеру.

На пороге Алеша обернулся и, став видимым, помахал Дракоше на прощание. Тот в ответ заулыбался и радостно махнул хвостом, получив от мамы небольшую затрещину, чтобы не отвлекался.

Алеша и старший эльф пустились в обратный путь. Они пролетели половину, когда старший эльф остановился и сказал Алеше:

— Здесь проходила преграда, чтобы этот мир не пересекался с нашим. Ее нужно восстановить.

Старший эльф долго вполголоса говорил незнакомые Алеше слова, которые сопровождал взмахом руки. Наконец в пустоте стала образовываться светящаяся завеса. Она полностью перекрыла проход пещеры и еще некоторое время светилась в темноте. Потом завеса стала гаснуть и исчезла, как будто ее никогда не было. Старший эльф подозвал Алешу, который с любопытством наблюдал за происходящим, и предложил пройти там, где еще недавно сверкал и переливался огненный занавес. Алеша попытался сделать шаг через него. Не тут-то было, он ощущил, что наткнулся на невидимую, но непреодолимую преграду.

Старший эльф внимательно наблюдал за его попытками и, удовлетворенно хмыкнув, сказал:

— Что ж, к нам хотя бы не попадут такие бедолаги, как Дракоша, для серьезных волшебников моя преграда слабовата.

Потом они быстро двинулись к выходу и покинули пещеру. Как и сказал старший эльф, за несколько десятков минут, проведенных в мире Дракоши, в их мире прошло много часов, и обеспокоенные эльфы искали пропавших соплеменников. Пришлось объяснить, что они заблудились в пещере, не открывая тайны про мир двух солнц. Уже наступило утро нового дня. И только старший эльф и Алеша знали, что их земной мир больше не является привычным и безопасным. Но они предпочли никому не рассказывать об этом.

СТРАННЫЕ ПУТНИКИ

По обыкновению набегавшийся, то есть налетавшийся по лесу, усталый маленький эльф отдыхал на ветке Старого Дуба и с удовольствием слушал его рассказы. Послеобеденная жара начала лета здесь, на опушке, чувствовалась меньше всего, а ветер доносил из леса запахи еще молодой листвы и цветов, а с бескрайних полей запахи молодой травы. Алеша блаженствовал в прохладе

и вдыхал ароматы лета. Нигде в лесу он не чувствовал себя более уютно и комфортно.

Дуб рассказывал ему то, что слышал от птиц, отдыхавших на ветках, или то, что слышал от путников, любивших отдыхать в его густой тени, перед тем как выйти в поле под жаркое солнце. Эта пара нашла друг друга: Дуб очень любил рассказывать разные истории, а эльф больше всего на свете любил слушать. Но сегодня эльф был явно чем-то обеспокоен и рассеянно слушал друга, какие-то мысли не давали ему покоя.

Маленький эльф первый заметил странных путников, которые шли по тропинке из леса по направлению к опушке. Он не мог понять, что же насторожило его, идут себе люди и идут, возле Старого Дуба люди встречались нередко. Но вот они приблизились к Дубу и, по всей видимости, решили отдохнуть в его тени. Путников было двое: мужчина средних лет и девочка лет десяти-двенадцати. Эльф внимательно разглядев их вблизи и понял, что они очень странно одеты. Несмотря на жару, на мужчине были надеты коричневые кожаные брюки, кожаные сапоги с немного загнутыми носами и черная рубаха. Довершали наряд черный широкий плащ с пелериной и черная шляпа с большими полями. Девочка была одета не менее причудливо: на ней красовалось белое пышное платье в пол, с кружевным воротником, маленький черный плащ она сняла и держала в руках. Видимо, жара досаждала ей больше, чем ее взрослому спутнику.

Мужчина был высок, строен, узкое смуглое лицо обрамляли длинные черные волосы, и на этом лице ярко выделялись темно-синие глаза, смотревшие на все с заметной иронией. Девочка была, напротив, круглица, с очень бледной кожей, белокурыми локонами и темными, почти черными глазами. Они были совсем не похожи между собой, тем не менее, когда они начали устраиваться на отдых в тени, девочка назвала своего спутника папой. Они о чем-то тихо говорили. А Алеша, который понимал любое живое существо (такая особенность есть у всех эльфов), не мог похвастаться, что разобрал, о чем же они говорят.

Вдруг девочка сказала внятно:

– Папа, я хочу пить.

– Ты права, Иари, – отозвался отец, – нам нужно хорошенъко отдохнуть и подкрепиться, неизвестно, когда еще у нас появится такая возможность.

Девочка расстелила большую салфетку на траве, а отец сделал несколько непонятных еле уловимых движений, и на салфетке неожиданно оказались бутылка вина, бутылка воды, фрукты, хлеб и еще какая-то еда.

От изумления маленький эльф чуть не свалился с ветки. Он мог бы поклясться, что еда взялась ниоткуда, прямо из воздуха. Он бы и сам не поверил, если бы не видел это собственными глазами. Пока Алеша изумлялся, путники спокойно приступили к еде.

И вдруг девочка сказала отцу:

– За нами кто-то наблюдает.

– Это вряд ли, – не согласился отец, – людей здесь нет, если только ворона или заяц. – И он усмехнулся.

Но девочка сделала круговое движение рукой, как бы обводя пространство, и снова притянула руку к себе, а эльф неожиданно почувствовал, что его тянет вниз какая-то неведомая сила. Не успел опомниться, как уже сидел на краю салфетки и не мог снова стать невидимым, как ни пытался. Улететь он тоже не мог, чувствовал себя как бабочка, пригвожденная к картону. А на него с любопытством смотрела пара человечьих глаз.

– Папа, это кто такой маленький и хорошенъкий? – воскликнула девочка.

– А это, Иари, прошу любить и жаловать – лесной эльф собственной персоной. Вот не думал, что на Земле еще сохранились хоть какие-то волшебные существа.

– Можно, я дам ему виноград? – спросила девочка у отца. – Что он ест, ты не знаешь?

– Виноградина ему будет в самый раз, – отозвался отец. Он взял крупную ягоду, разрезал пополам и положил на салфетку перед эльфом.

– И отпусти ты его, он и так никуда не денется: эльфы до крайности любопытны.

Девочка взмахнула рукой, и эльф почувствовал, что его больше ничего не держит. Подумал-подумал и решил остаться, ведь он никогда не видел людей так близко и не разговаривал с ними. Чтобы завязать разговор, он спросил:

– А как вас зовут?

– Меня зовут Иари, – девочка привстала, чуть подобрала юбки и слегка поклонилась, а моего отца зовут Торн.

Услышав свое имя, мужчина слегка склонил голову со словами:

– А ты у нас кто будешь?

– По-эльфийски вы все равно не выговорите, а в лесу все зовут меня Алешей, можете так же называть.

Посчитав формальности выполненными, он взял половинку винограда и попробовал сочную мякоть. Ему очень понравился вкус незнакомой ягоды, и он быстро уплел ее. Эльфы, кроме некоторого, любят лакомиться ягодами, спелыми фруктами и медом. Отяжелев от вкусной еды, Алеша уже более доброжелательно посмотрел на семейку, которая захватила его в плен, и задал мучивший его вопрос:

– Разве люди умеют доставать еду из воздуха и видеть невидимых эльфов?

– Зришь в корень, малыш, – рассмеялся Торн. – Просто мы не люди.

– А кто? – от удивления Алеша даже не заметил обидного обращения.

– Мы волшебники и пришли из другого мира, – объяснила девочка, которая называлась странным именем Иари.

– Вот это да! – изумился Алеша. – А зачем?

– Зачем-зачем, в нашем мире полным полно волшебников – не протолкнешься, а людей осталось совсем мало, вот мы и решили поискать более подходящее место для жизни. Когда-то давно

я жил здесь, а теперь решил вернуться и посмотреть, что делается на моей родине. Надеюсь, теперь это более гостеприимное место, чем раньше.

– А люди вам зачем? – продолжал спрашивать эльф.

– Ишь любопытный какой, – прервала поток его вопросов Иари, – много будешь знать, быстро состаришься или вообще отправишься к предкам.

– Мы, эльфы, долго живем и не старимся, – гордо ответил Алеша.

– Живете-то вы долго, – отозвался мужчина, – да только тебя щелчком прихлопнуть можно – и все, конец твоей долгой жизни. Но ты не бойся, мы добрые, только лишних вопросов не задавай, что нужно, сами расскажем. А еще лучше, если ты нам расскажешь о мире людей. Если знаешь, конечно, хоть что-то.

– Я знаю немного, видел людей только издалека, – начал Алеша, настороженно поглядывая на них. – Но одеты вы точно не по-людски. Я и то внимание обратил, а люди на смех поднимут.

– Вот, – одобрил его Торн, – полезное начало. Как же люди у вас тут одеваются? Поможешь нам наряд выбрать?

Он сделал уже знакомый Алеше жест, и перед ними на поляне появились пара стоек с мужской одеждой. По виду они были прямо из магазина, и мужчина с девочкой начали оживленно рассматривать одежду. Наконец, Торн сделал выбор в пользу обычных синих джинсов и светлой рубашки с длинными рукавами. Он быстро переоделся, закатал рукава рубашки и сразу стал похож на обычного человека. Девочка радостно захлопала в ладости, ей понравился современный облик отца.

– А теперь меня, меня! – воскликнула она.

Отец отправил стойки обратно в магазин, а на поляне появилась другая стойка, уже с девчоночными платьями. Само собой, эта примерка заняла гораздо больше времени, но вскоре и разборчивая дочка принарядилась по вкусу.

– Ну что? – повернулся Торн к эльфу. – Как мы выглядим? Оцени, знаток. – Он опять усмехнулся.

Но эльф обратился к Дубу:

– Посмотри внимательно, ты чаще видишь людей. Все у них в порядке с одеждой?

Дуб ответил Алеше, что выглядят пришельцы подходящие, только прически надо более современные. Но сделать это можно в парикмахерской, а пока достаточно будет и отцу, и дочке забрать волосы в хвост. Люди так делают, чтобы волосы не мешали. Алеша уже собрался было переводить путникам речь Дуба, но Торн сказал, что не одни эльфы понимают язык всех живых существ, волшебники тоже в этом смысле полиглоты.

– Вопрос, самый важный для нас, – завязав хвост себе и дочке, помедлив, спросил мужчина: – Как люди относятся к волшебникам? Много веков назад нам пришлось бежать из этого мира, когда мою мать жестоко убили. – Он тяжело вздохнул и посмотрел на эльфа, ожидая ответа, как приговора.

Алеша поежился от страха, это, видимо, было во времена, когда люди воевали с волшебниками, историю ему рассказывал старший эльф. Он замотал головой:

– Я не слышал, чтобы люди продолжали войну с волшебниками. Теперь они просто не верят в них. У людей вместо волшебства технический прогресс.

– Что? Что? – переспросила Иари, внимательно слушавшая разговор эльфа с отцом.

– Технический прогресс, – повторил Алеша, – это когда люди изобретают разные механизмы, и они за них делают то, чего люди не могут. Например, люди не умеют летать, так они изобрели самолет и летают с его помощью. А вон как раз над нами самолет пролетает. – И эльф показал в небо, где на большой высоте двигался самолет, оставляя за собой белый курчавый след.

– Похоже, нас ждет много нового и непонятного, тяжело придется приспосабливаться. В нашем мире у людей никакого прогресса, сотни лет живем, а все одно и то же, – задумчиво сказал Торн.

– Папа, – позвала его Иари, – нам пора, а то мы не успеем добраться до человеческого жилья до темноты.

– Ты права, дочка, – отозвался Торн, – идем.

Они собрали нехитрые пожитки и собирались в путь, как вдруг Иари сказала:

– Давай возьмем эльфа с собой, он хорошенький, будет нам петь, мне будет не так тоскливо.

– Нет, дорогая, – отозвался отец, – эльфы не живут в неволе, он же тебе не сверчок. Не стоит сразу портить отношения с эльфами, они нам еще могут пригодиться. И он сам ничего не знает про мир людей, пользы от него мало.

– Я могу вас проводить до города, – проскрипела с соседнего дерева старая Ворона, – я все там знаю.

Это была подруга Алеши, которая доставила его зимой на новогоднюю елку. В лесу слухи быстро распространяются, и птицы донесли Вороне, что Алеша опять попал в переделку. Ворона, хоть и прожила на свете долго, с волшебниками не встречалась, но слышала о них много плохого. И сейчас, вызвавшись проводить непрошеных гостей, она преследовала цель как можно скорее и подальше спровадить их из леса.

– И дорогу покажу, и где остановиться, – продолжала ворона, – документов у вас нет, так что в гостиницу нельзя, нужно будет поискать дома с объявлением: «Сдается комната». И пешком идти не придется, скоро по дороге автобус проедет, вы в него сядете, а я на крыше устроюсь. Автобус – это повозка без лошадей. Остановится – зайдете внутрь, сядете на сидение. Только ведите себя спокойно, привыкайте, раз жить у нас собрались.

С этими словами путники тронулись вслед за Вороной, а маленький эльф, помахав им рукой, помчался искать старшего эльфа, чтобы как можно скорее рассказать о появлении волшебников. Он так спешил, что даже забыл проститься с Дубом.

ПЕРЕПОЛОХ

В лесу новости распространяются мгновенно. Пока Алеша не по своей воле общался с волшебниками, среди эльфов поднялся настоящий переполох. Сороки, известные лесные сплетницы, тут же донесли про неприятность с маленьkim эльфом, и они не знали, что делать и как выручать попавшего в беду непоседливого и не в меру любопытного малыша. Всполошились даже его родители, которые обычно не уделяли ему внимания. Тогда старший эльф послал на опушку старую Ворону, зная, что она дружна с Алешей и попытается помочь.

Как мы уже знаем, все закончилось хорошо: незнакомцы отправились в город, а Ворона вызвалась их проводить от греха подальше. Маленький эльф, не подозревая, что все переживают за него, спокойно отправился восвояси. Как же он был удивлен, когда по возвращении ему устроили настоящую головомойку. Все беспокойство и волнение вылилось теперь на него. Даже всегда невозмутимый старший эльф резко отругал его и заявил, что теперь он будет находиться под постоянным контролем, велел Алеше ни на шаг не отходить и везде следовать за ним.

Когда эльфы немного успокоились и занялись обычными делами, Алеша с дедушкой уединились в укромном уголке леса. Старший эльф велел подробно рассказать про встречу с путниками. Он внимательно слушал и задавал кучу вопросов, а когда маленький эльф закончил рассказ, надолго задумался. Заскучавший Алеша даже подергал его за край длинного одеяния.

Тогда старший эльф вспомнил о нем и сказал:

– Ну вот, прошло совсем немного времени с тех пор, как мы узнали о взломанной преграде, а к нам уже пожаловали первые гости. Не ожидал, что это так скоро случится.

– А мне показалось, что они неопасные, – проговорил Алеша. – Им стало тесно в их мире, и они переселились к нам. Что в этом плохого? Они будут жить среди людей, мы же им не нужны.

– То, что они неопасные, ты ошибаешься. Кроме того, это первые ласточки, за ними могут потянутся другие. Это нарушит равновесие в нашем мире.

– А что такое равновесие? И зачем им люди? – поинтересовался Алеша. – Я спрашивал, но они не ответили.

– Люди им нужны для получения силы. Они берут от людей немного их биологической энергии и преобразуют в волшебную силу. Если брать у людей немного энергии, это незаметно для них. Если волшебников много, как в их мире, им приходится брать у людей больше энергии, и люди начинают подозревать неладное. Тогда нарушается равновесие, как это случилось сотни лет назад у нас, и начинается война. А там уже кто кого. Только волшебники не могут совсем уничтожить людей, они же им нужны, а люди могут.

– Ничего себе! – изумился Алеша. – Так они настоящие паразиты!

– Я бы не стал делать такие выводы, – недовольно сказал старший эльф. – В мире существует круговорот энергии. Растения берут энергию у солнца, их поедают животные, которых затем убивают хищники. Люди – всеядные существа, вообще уничтожают всё и всех. А волшебники никого не убивают, просто берут часть того, что есть у людей, и не причиняют им особого вреда.

– А могут волшебники получать волшебную силу другими способами? – спросил Алеша.

– Какой же ты дотошный ребенок, все тебе нужно знать, – проворчал старший эльф.

Но в глубине души ему нравилась любознательность Алеши. Другие эльфы не слишком тянулись к знаниям, они хотели только развлекаться и веселиться. Он начал подумывать о том, что, несмотря на юный возраст, хорошо бы сделать Алешу помощником, и, может быть, в будущем – даже преемником.

– Волшебники могут получать волшебную силу в местах силы, – ответил он на вопрос маленького эльфа через некоторое время. На Земле места силы находятся в труднодоступных рай-

онах, туда сложно добираться даже волшебникам. Это требует много энергии. С помощью силы они заряжают волшебные предметы, только тогда путешествие имеет смысл. В обычной жизни проще и безопасней пользоваться людьми.

— А волшебные существа чем отличаются от волшебников? — опять задал вопрос Алеша.

— Я же тебе уже как-то объяснял, — старший эльф был недоволен невнимательностью Алеши, но продолжил: — Волшебники внешне ничем не отличаются от людей, но владеют силой, которую получают через волшебные предметы, в местах силы или от людей. Их возможности безграничны, они ограничены только самой силой. Чем ее больше, тем мощнее волшебник. А волшебные существа от людей сильно отличаются и рождаются с волшебной силой, она в них с рождения.

— Ничего себе. Значит, чем больше Торн и Иари будут жить среди людей, тем больше силы они получат. И станут такими мощными волшебниками, что никто не сможет с ними справиться, — дошло до Алеши осознание опасности, которую представляют его новые знакомые.

— Вот, даже ты, малыш, догадался. Безграничная власть — опасность и для мира людей, и для нас. Кто знает, как они этой властью распорядятся.

— И что мы можем сделать? — снова спросил Алеша. — Надо же что-то делать!

Старший эльф пожал плечами. Он решил, что пора рассказать совету и королю о появлении волшебников на Земле.

Эльфийское племя жило большими группами, связанными родственными узами, которые назывались кланами. Каждый клан имел свое место в лесу, в основном встречи случались для обсуждения общих проблем или решения споров. Старшие эльфы от каждого клана собирались на совет, главным на котором был король эльфов, и решали, что делать и как поступить.

Сейчас совет был занят подготовкой к празднику Летнего солнца, потому собирался часто. На ближайшем собрании стар-

ший эльф объявил о появлении волшебников в их мире. Эта новость удивила и напугала эльфов, они так привыкли жить в мире, где, кроме них, нет существ, владеющих волшебством, и не представляли, что теперь им делать. Они долго рассуждали на эту тему, но никто не мог сказать ничего толкового.

Королю надоели пустые разговоры, и он сказал:

– Волшебники ушли в город к людям, нам они ничем не угрожают. Бывали времена, когда мы все жили на Земле, и всем хватало места. Эльфы никому не мешают, никому не угрожают, у нас своя жизнь, у волшебников своя. Не вижу поводов для беспокойства. Я думаю, лучше обсудить подготовку к празднику. До него осталось две недели, и я бы хотел выслушать все кланы, как продвигается дело и что необходимо еще успеть сделать.

Эльфы вздохнули с облегчением, им очень не хотелось думать о неприятных вещах. Все с радостью принялись обсуждать предстоящий праздник.

А старший эльф подумал про себя, что, видимо, уже стар и волнуется о том, что только еще может случиться. И потом, какое им, лесным эльфам, дело до людей, пустьправляются сами. В конце концов, волшебники эльфам ближе, чем люди.

ПРАЗДНИК ЛЕТНЕГО СОЛНЦА

У эльфов было принято по большим праздникам собираться всем без исключения, и тогда все могли видеть короля и королеву. В другое время королевская чета жила уединенно. Эльфы – народ веселый и жизнерадостный, они горячо любят праздники. Самые большие праздники отмечались в начале апреля, когда эльфы просыпались после зимнего сна, в середине лета – День солнца, в конце сентября – Праздник урожая. Отмечали праздники ночью, с зажженными факелами, кострами, песнями, танцами, купанием в священном озере и прочими веселыми забавами.

Эльфы много времени проводят, сочиняя песни и играя на музыкальных инструментах, которые делают сами. А еще эльфы без ума от танцев. Они очень грациозны, их движения завораживающие и изящные. Если кому-то из людей случайно доводилось видеть их танцы, а больше всего эльфы любят танцевать при луне, то он впадал в транс. Впоследствии он ничего не помнил ни об эльфах, ни об их танцах, но в душе его навсегда поселялась щемящая тоска по неведомому, но необыкновенно прекрасному. Только он не знал, о чем тосковал. После этой встречи от человека толку уже не было, он становился зачарованным или поэтом. Так что встреча с эльфами была не к добру. Но эльфы не причиняли людям зла сознательно, наоборот, могли помочь найти дорогу заблудившемуся путнику или подарить понравившемуся человеку волшебную вещь, делать которые они большие мастера. Только человек не помнил, откуда у него взялась эта вещь, он просто считал, что нашел в лесу. Ведь на Земле не верили в чудеса и сказки, а в эльфов и подавно. Впрочем, находились чудаки, которые уверяли, что леший, русалки, единороги, эльфы существуют в природе, но люди над ними только посмеивались, не принимая их рассказы всерьез.

Готовились к праздникам эльфы основательно, они сочиняли песни, которые называли балладами, красивую музыку, мастерили красивые наряды. Играть музыку и петь песни, которые звучали на прошлом празднике, считалось дурным тоном. Поэтому каждый клан старался отличиться и представить для праздника свою балладу, и лучше не одну. На празднике королева выбирала самого лучшего певца и собственоручно награждала. Это было невероятно почетно, и этот эльф считался самым лучшим певцом весь следующий год.

Несмотря на то что в основном эльфы развлекались и веселились, они были искусными мастерами, и в случае необходимости могли изготовить необыкновенно красивые вещи. Мастерство эльфы использовали редко, они жили в полной гармонии с природой и пользовались ее дарами. В повседневной жизни

эльфам всего хватало, и они старались быть менее заметными, ведь люди не должны были догадываться об их существовании. Но в праздники эльфы позволяли себе многое. Еда, питье, украшения, наряды в эти дни были особенными, а уж про танцы и говорить нечего.

Наконец наступил вечер праздника. Начало смеркаться, на небе зажглись первые звезды, эльфы всех кланов собирались на берегу озера, которое считали священным. Все вокруг было украшено великолепными гирляндами цветов, фонариками, внутри которых помещались сотни светлячков. На искусно выполненных столовых приборах были разложены самые изысканные лакомства, в кувшинах налит перебродивший нектар, который заменял эльфам вино. Заиграла прекрасная музыка, и неизвестно откуда появились король и королева, которых эльфы приветствовали восторженными криками, ведь видели их только на праздниках.

Король и королева были весьма милостивы к своим подданным, они не мешали им жить как те хотят, а в ответ эльфы очень их любили и гордились ими. Королевская чета была так прекрасна, что выделялась красотой даже среди эльфов, которые были очень красивы.

Эльфы не любят говорить длинных речей, поэтому король поднял бокал сnectаром, провозгласил начало праздника, и эльфы принялись лакомиться вкусной едой и пить хмельной нектар. Когда совсем стемнело, загорелись фонари, и в волшебном свете мерцающих светлячков начались прекрасные эльфийские танцы, которые завораживают даже эльфов. Танцы чередовались с пением баллад в исполнении любимых певцов, что привело всех эльфов в совершенно праздничное настроение.

И вот в самый разгар праздника к Алеше на плечо села малая птха и сообщила, что его разыскивают недавно встретившиеся ему путники, просят сообщить, что они хотели бы принять участие в празднике. От удивления Алеша даже стал заикаться и тут же сообщил старшему эльфу о странной просьбе. Король и со-

вет, выслушав старшего эльфа, весьма благосклонно отнеслись к просьбе пришельцев, сказалось, что они уже выпили не один бокал нектара, природное любопытство взяло верх. Пришельцы точно рассчитали правильное время для появления. Явись они в начале праздника – и результат мог быть другим.

Появление волшебников было эффектным. Вначале вокруг места, где веселились эльфы, сами собой появились керамические плошки, в которых вспыхнул яркий огонь, осветивший пространство, затем деревья, стоявшие вокруг, украсились разноцветными шелковыми лентами. Часть лент вплелась в гирлянды цветов, часть изящно обвила ветви деревьев. Это придало поляне еще более красочный и праздничный вид. В конце этих преобразований появились Торн и Иари, в роскошных белоснежных нарядах, с подносами, на которых лежали невиданные фрукты и стояли кувшины с виноградным вином. Надо ли говорить, что их встретили восторженные возгласы уже достаточно хмельных эльфов.

Торн поздравил эльфов с праздником и поблагодарил за разрешение отпраздновать вместе с ними.

– День летнего солнцестояния – особый праздник! – провозгласил волшебник. – Вы – единственные волшебные существа, мы – единственные волшебники в этом мире, мы с вами одной крови, одной природы, и нам нужно держаться друг друга.

Его речь была встречена с большим энтузиазмом, основательно подогретым виноградным вином, к которому эльфы не были привычны. Веселье продолжалось всю ночь. К восходу, который обозначил начало самого продолжительного дня в году, немногие эльфы оставались на ногах и могли приветствовать светило. Но отоспавшись, эльфы привели себя в достойный вид, а с наступлением сумерек веселье вспыхнуло с новой силой.

Все это время незваные гости оставались в кругу эльфов, а Алеша с подозрением наблюдал за ними. Ничего необычного он не заметил, но даже он, доверчивый и простодушный, понимал, что появились волшебники здесь неслучайно и не праздник

тому причиной. Перекинувшись парой слов со старшим эльфом, Алеша понял, что его наставник думает точно так же. Оказалось, старший эльф был знаком с Торном еще до его переселения в другой мир, и они даже были дружны. Юный волшебник чудом уцелел в мясорубке войны. Несмотря на дружеские чувства, старший эльф помнил, что Торн не останавливался ни перед чем для достижения цели, был умен, коварен и хладнокровен.

«Он очень опасный противник, – раздумывал старший эльф. – Что же он задумал? Зачем появился среди эльфов, ну ужели решил мстить людям за смерть матери? Но при чем тут эльфы? Он же знает, что мы мирное племя, и даже в те страшные годы не воевали с людьми».

Иари не отставала от Алеши и явно демонстрировала ему свое расположение. Она рассказывала маленькому эльфу, как они с отцом устроились в мире людей и сколько всего у людей оказалось интересного.

– Ты был прав, – с неподдельным восторгом делилась Иари, – технический прогресс полон таких чудес, перед которыми любое волшебство меркнет. Я даже не могла представить, что можно разговаривать на любом расстоянии с любым человеком, можно летать быстрее птиц и ездить быстрее, чем на лошадях. А свет ночью в лампочках такой яркий, как будто сто свечей горят одновременно. А компьютер – это вообще чудо из чудес: на любой вопрос он знает ответ и кино может показать. Да, а кино! А телевизор – это тоже чудо! Люди на экране как живые ходят, разговаривают. Можно кого угодно увидеть, даже президента страны. В нашем мире ничего подобного нет. И это мы еще только начали знакомиться с чудесами, сколько еще впереди. – Иари радостно захлопала в ладоши. – Как хорошо, что папа решил сюда перебраться!

– А как люди к вам относятся? – спросил Алеша. – Они ничего не подозревают?

– Да ты что! – рассмеялась Иари. – Они так верят в свою технику, им и в голову не приходит, что в мире может быть

волшебство. Я подружилась с детьми на нашей улице, пробовала показать им несколько маленьких чудес, но они решили, что мы с папой – фокусники и работаем в цирке. Они считают меня дикаркой, потому что иногда не знаю простых вещей. Пришлось подтвердить, что я с малых лет в цирке и почти не училась в школе, вот папа и решил осесть на одном месте, чтобы я могла учиться. Так что лето закончится, я в школу пойду. А сейчас папа нанял тетеньку, которая со мной занимается, она называется «репетитор», учит меня читать и писать. Вот! – похвасталась Иари.

– А что такое школа и президент? – наконец смог вставить вопрос в ее быструю речь Алеша.

– Вот неуч! – радуясь, что может показать осведомленность, сказала Иари. – Школа – это место, где дети учатся, а президент – это вроде вашего короля, самый главный в стране.

Тут интересный для Алеши разговор прервали, потому что король сказал короткую речь и закрыл праздник. Эльфы вслед за королем выпили по прощальному бокалу, и все кланы потихоньку стали расходиться по своим территориям. Праздник закончился. Засобирались домой и Иари с Торном. Он так и не объяснил, зачем они появились среди эльфов.

– Ну что ж, цель их визита, скорее всего, разведать обстановку, – подвел итог старший эльф. – Я думаю, это не последняя встреча и мы еще увидим наших волшебников.

Алеша только кивнул в ответ, он был полностью согласен со старшим эльфом.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Лето было в разгаре. Маленький эльф стал понемногу забывать о знакомстве с волшебниками. Ведь в лесу было столько всего интересного. У птиц появились птенцы, они еще не умели летать, вечноголодные сидели в своих гнездышках, широко раскрывали желтые клювики и отчаянно пищали, ожидая подачки

от родителей. Забавляясь, маленький эльф частенько закидывал в эти ждущие клювики то мошку, то комара, ему нравилось кормить птенцов.

У его друзей белок тоже появились детеныши, они еще совсем не умели прыгать по веткам, зато с ними так приятно спать в дупле в жаркий летний полдень. Они мягкие и пушистые.

В один из дней знакомая иволга попросила его присмотреть за птенцами. Ей срочно понадобилось проведать родственников в ближайшем селе. Гнездо иволги было недалеко от озера, а место вокруг озера считалось территорией королевской семьи и их немногочисленной свиты. Не то чтобы там запрещали бывать, но это было непринято. Объяснить это иволге Алеша не решился, птицы не понимают таких вещей. Поэтому он осторожно проbralся на королевскую территорию и устроился на ветке дерева неподалеку от гнезда.

Сидеть и ничего не делать было скучно, да и не привык эльф сидеть просто так, поэтому он принялся за дело, ловил пролетающих мимо мошек и засовывал в клювы галдящих птенцов. Вначале это занятие его забавляло, но потом прожорливые птенцы утомили и рассердили Алешу.

– Да сколько же вы можете есть? – возмущенно спросил он у птенцов. – Я уже вам всех мух в лесу переловил (это он, конечно, преувеличивал), а вы все голодные. Как же вы свою бедную мать замучили, вас невозможно накормить.

Но птенцы ничего не ответили эльфу, а продолжали открывать клювики и жалобно пищать, как будто не ели с самого утра. Маленький эльф сидел на ветке и ругал себя за бесхарактерность, потому что не смог отказать птахе, а еще переживал, что влетит по первое число, если его тут застукают. Он вспомнил недавний разговор с дедушкой, который в очередной раз удивлялся способности Алеши дружить с кем угодно, кроме своих соплеменников.

– Вот объясни мне, как ты находишь общий язык с последней букашкой в лесу, даже умудрился с драконом, волшебниками

подружиться, а от эльфов бежишь как от огня. Как ты жить-то дальше собираешься?

От неприятных раздумий его отвлек чей-то противный писклявый голосок:

– Ты кто такой? Ты почему здесь сидишь? Разве не знаешь, что это королевская территория?

Алеша огляделся вокруг, но никого не увидел, голосок явно принадлежал девчонке. Наконец, приглядевшись, Алеша заметил на соседней ветке маленькую эльфийку, примерно одного с ним возраста.

– Тебя забыл спросить, – недовольно буркнул он. – Сама чего тут делаешь?

– Так ты не просто нарушитель, ты еще и грубиян! – взвизгнула девчонка. – Я-то тут живу.

Маленький эльф внимательно посмотрел на нее, это было не слишком симпатичное лохматое существо с царапиной на лице.

«Ужас какой», – подумал Алеша, а вслух произнес:

– Ты что, с ежиком подралась?

– Почему с ежиком? – озадаченно спросило существо, похожее на девчонку. – Это я с ветки упала.

– Потому что поцарапанная. А как можно упасть с ветки? У тебя что, крыльев нет? – удивился Алеша. – Как ты тут можешь жить? Здесь могут жить только члены королевской семьи.

– А я и есть из королевской семьи, – гордо ответила девчонка, пропустив мимо ушей вопрос про крылья.

– Ага, – засмеялся маленький эльф, – скажи еще, что ты королевская дочка, принцесса, – обидно сделал упор на букву «ы».

Девчонка взвилась с ветки и бросилась на обидчика с кулаками. Не ожидавший нападения Алеша получил пару крепких затрецин и чуть не свалился в колючие кусты.

«Пожалуй, теперь понятно, почему ей крылья не помогли. Видимо, еще с кем-то подралась, – пронеслось в голове у Алеши, – какая бойкая девчонка».

В этот момент вдалеке послышался голос.

— Это меня зовут, надо лететь. А ты если не побоишься, приходи завтра в это же время, еще подеремся, — многообещающе ухмыльнулась она и, погрозив кулаком, умчалась прочь.

— Я с девчонками не дерусь! — крикнул ей вслед Алеша, но, кажется, она не услышала.

Алеша просидел возле птенцов еще больше часа. Он так извелся от скуки, что готов был даже подраться с противной девчонкой, но та больше не появилась. Наконец иволга прилетела, обрадованный Алеша поспешил убраться прочь, решив, чтохватит с него это дело — возиться с птенцами и зверушками.

Он поспешил к дедушке, то есть старшему эльфу, чтобы узнатъ, есть ли дети у короля. Как ни странно, он этого не знал, раньше ему в голову не приходило интересоваться королевскими детьми. Старший эльф подозрительно посмотрел на Алешу, но ответил, что дети у короля, конечно, имеются.

«И что за странные мысли приходят в голову этому мальчишке? — проворчал он про себя. — Зачем ему королевские дети?» Но вопрос не был задан, потому что Алеша уже рядом не было.

На следующий день Алеша опять пробрался на королевскую территорию и, устроившись на той же ветке, принялъ ждать девчонку. Про себя он решил, что, скорее всего, она дочь какого-нибудь эльфа из свиты короля. Уж очень ее облик не вязался с образом королевской особы.

Алеша долго просидел в одиночестве и уже собирался было улетать, как вдруг услышал хихиканье прямо над ухом:

— Ждешь, когда я тебе тумаков надаю?

— Я не дерусь с девчонками, — повторил он вчерашние слова.

— Зато я дерусь с мальчишками, — тут же последовал ответ.

Маленький эльф поднял голову и увидел вчерашнюю девчонку, только сегодня она была аккуратно одета, причесана, даже царапину на щеке не было видно. Выглядела она очень даже симпатично, сегодня назвать ее противной он бы не решился.

— Ну, чего уставился? — довольная произведенным эффектом спросила маленькая эльфийка, она явно готовилась к встрече.

– А ты что, только драться умеешь? Может быть, мы лучше поиграем? Это гораздо веселее, – предложил Алеша.

– Сдаешься? – воинственно спросила эльфийка.

– Ну если тебе так нравится, то и сдаюсь, – миролюбиво отозвался маленький эльф. – Ты умеешь играть в салочки? Это самая простая игра.

– А как в нее играют?

– Очень просто. Если я вожу, то догоняю тебя, а ты убегаешь. Когда я тебя догоню и прикоснусь рукой, то водить будешь уже ты, а убегать я. И на землю нельзя спускаться. Кто приземлился, тот сразу проиграл. Вдвоем тоже можно играть, но чем больше участников, тем интереснее.

– Простая какая-то игра, – покритиковала девчонка, но взлетела с ветки и бросилась наутек. – Лови! – крикнула она.

Потом они долго носились друг за другом, лавируя среди веток деревьев, пока уставший Алеша не крикнул, что сдается, потому что ему так ни разу и не удалось поймать ловкую девчонку. Она не стала возражать, чем удивила маленького эльфа, который уже немного узнал ее характер.

Запыхавшиеся, они опустились на одну ветку и, пока не отышались, молча сидели рядом. Потом Алеша спросил:

– Как тебя зовут? А то мы так и не познакомились.

Девчонка церемонно взялась за краешек юбки и, сделав небольшой книксен, сказала:

– Меня зовут Рожденная в свете зари, принцесса священного озера, жемчужина королевского дома...

На эльфийском языке это звучало торжественно и величественно. Алеша от изумления даже приоткрыл рот, слушая ее, и в голове его пронеслось, что перед ним, пожалуй, настоящая принцесса.

– Короче, – остановилась принцесса, – в имени еще с десяток слов, замучишься выговаривать, но все зовут меня просто Аяя. И ты тоже можешь так называть. А тебя как зовут? – в свою очередь поинтересовалась Аяя.

- Меня зовут Алеша, – представился маленький эльф.
- Вот еще, – фыркнула Айя, – у эльфов таких имен не бывает.
- По-эльфийски меня зовут... – Алеша произнес несколько звучных эльфийских слов. – Но все в лесу зовут меня Алешей, и я привык сам себя так называть, мне нравится.
- Как хочешь: Алеша так Алеша. Ты другие игры знаешь? – спросила Айя.
- Я много игр знаю, – похвастался он.
- Тогда приходи завтра в это же время, еще поиграем. Со мной некому играть, меня только все учат разным скучным вещам, а с тобой весело, – сказала маленькая принцесса и улетела прочь. А Алеша отправился к себе, вполне довольный новым знакомством.

ЛЕТО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Эльфы не гнушались мелким воровством. Стаянуть что-нибудь у зазевавшегося путника было делом привычным и даже почетным. Особо эльфы ценили ткани, те, что они получали из льна, ковыля и прочих природных материалов, не могли идти ни в какое сравнение с тканями, которые были у людей. Эльфам нравились яркие легкие шарфы и платки и пытались утащить именно их. Этой добычи хватало для одежды королю с королевой и многим эльфам, она считалась праздничной. Разноцветные шелковые ленты, которыми волшебники украсили поляну, привлекли эльфам по вкусу. Их сняли с веток и цветочных гирлянд и разделили между кланами. Теперь всем надолго хватит шелка на красивые наряды, которые можно носить не только по праздникам.

Когда на очередную встречу Айя явилась в алом шелковом платье, Алеша ничуть не удивился, он и сам был одет в красивый белый наряд с голубыми и зелеными полосами. Они сидели на ветке, издали их можно было принять за двух экзотических бабочек, случайно залетевших в обычный лиственный лес. А долго

сидели эти двое неспроста, Айя уговаривала Алешу прийти к ней в гости.

– У нас красивый дворец, ты такого никогда не видел, – говорила Айя.

– Я никакого не видел. Похвастаться захотелось? – спросил маленький эльф.

– Да нет, просто очень люблю наш дом, а к нам в гости никто не ходит, – загрустила она.

– А что будет, если его люди найдут?

– Да ничего они не найдут, дворец – в гуще кустов шиповника, никогда люди туда не проберутся. А если что, охрана им внушит повернуть в другую сторону. На него стоит посмотреть, изящный такой, из дерева и коры сделан, и внутри очень уютно.

Алеше было очень любопытно, но он ни за что не соглашался.

– Я дедушке и так одни хлопоты доставляю, не хватало еще, чтобы меня в королевском жилье застукали, – приводил аргументы маленький эльф.

– Боишься, так и скажи, – презрительно сощурилась Айя.

– При чем тут «боишься»? – не соглашался Алеша. – Если бы речь шла только обо мне, а то я могу доставить неприятности всему нашему клану. И еще никто не доказал мне, что ты принцесса, тебя не было возле короля и королевы на празднике, я бы запомнил.

– Меня и не было, – грустно согласилась Айя, – я болела. – Она помолчала и добавила: – И еще я была наказана. В пруду долго ловила головастиков и простыла.

– Фу, – сказал Алеша, – терпеть не могу головастиков, они такие холодные и скользкие, я люблю хорошеных зверьков, мягких и пушистых, вроде белок. Мы с ними дружим, они озорные и очень любят играть. Скоро подрастут бельчата и начнут скакать по веткам, взрослые будут свободнее от забот. Вот тогда повеселимся!

– А чего это мы все сидим? Сидеть я и дома могу, когда меня мучают скучными уроками. Давай уже играть, – потребовала Айя.

– Везет тебе, я тоже бы хотел учиться умному и полезному, – вздохнул Алеша, – но дедушка только обещает заняться моим образованием. Лучше ты предложи что-нибудь интересное.

– Я придумала, – захлопала в ладоши Айя, – давай сражаться на шпагах.

Она слетела с ветки и понеслась по лесу, и Алеше ничего не оставалось, как броситься за ней вдогонку. Она остановилась возле акации и принялась отрывать от ветки длинную колючку. Алеша обрадованно помог ей. Длинными колючками акации он привык обороняться от шмелей.

Шмели эльфов недолюбливали, потому что те разоряли их кладовые с медом. Но шмели, проживающие на территории Алешиного клана, знали, что он к ним за медом не лазит, потому не трогали. Зато когда он выбирался за пределы территории, где не все шмели были знакомы, то рисковал нарваться на атаку. А жало у шмеля нешуточное, он может запросто убить любого эльфа. Поэтому Алеша вооружался шипом акации и умело отражал нападение. Отломав шип, он с воинственным кличем бросился на Айю, но та ловко парировала удар.

– Подожди, если мы будем играть в рыцарей, то нужно сделать латы и шлем. Мы сделаем их из листьев тополя, у него прочные листья, будет в самый раз.

– А кто такие рыцари? – тут же заинтересовался Алеша.

– Ничего ты не знаешь! Рыцари – это люди, которые скакали на конях, устраивали турниры и воевали за короля и прекрасную даму, – объяснила Айя. – Но нам кони не нужны, мы сами умеем летать.

Она оторвала от ветки тополя два листа, один отдала Алеше, который закрепил его на своей одежде спереди. Айя перевернула лист на другую сторону, которая была покрыта беловатым пушком, и тоже закрепила на себе.

– Я буду Серебряным рыцарем, а тебя провозглашаю Зеленым рыцарем, – торжественно объявила она. – А без шлемов обойдемся.

– И сделала выпад в сторону Алеши, который он ловко отбил.

— Ух ты! Да ты умеешь фехтовать, — удивилась она.

Они принялись сражаться длинными колючками акации, гоняясь друг за другом, ловко уклонялись от нападения, а листья тополя действительно хорошо выдерживали удар и защищали маленьких эльфов от уковов.

Вдруг Алеша перестал фехтовать и сказал маленькой эльфийке:

— Мы неправильно сражаемся, ведь ты прекрасная дама и не можешь быть рыцарем. Сражаться нужно двум рыцарям в твою честь.

— Вот еще, — возразила она, — прекрасной дамой я буду, когда вырасту, как моя старшая сестрица. Вот уж кто спит и видит себя распекрасной королевой. Только и бредит прекрасными принцами, которые непременно на ней женятся. А где их взять, прекрасных принцев, пока ни один не нашелся, — презрительно фыркнула Айя. — А здорово мы повеселились, дома на шпагах не так весело сражаться. Но пора заканчивать, а то хватятся и мне опять влетит. Ты завтра придешь? — спросила она, улетая.

— Куда ж я денусь? — вслед ей бросил Алеша и полетел к себе, решив навестить Старый Дуб, возле которого не бывал со дня праздника.

Уже подлетая к Дубу, Алеша увидел под ним волшебника. Он осторожно прокрался и устроился на ветке, стараясь быть незамеченным. Приглядевшись, маленький эльф заметил рядом с Торном старшего эльфа. Видимо, встретились они недавно, потому что угощение, принесенное Торном, было еще не тронуто. Торн рассказывал старшему эльфу про житье среди людей, и Алеша обратился в слух.

Волшебник сделал имя Торн своей фамилией, как принято у людей, и стал Тимофеем Торном, но через некоторое время все снова стали обращаться к нему просто Торн. Имя Тимофей так и не пристало к волшебнику, хотя это было его родное имя, его так звали в детстве и юности. Зато Иари очень нравилось имя Маша, и она называла себя только так, даже отец перестал называть ее Иари.

В разговоре со старшим эльфом Торн называл того Владом, что было очень странно для Алеши, но он понял, что так сокращенно и звучно дедушку звали в молодости.

– Понимаешь, Влад, добыть деньги оказалось очень просто, я пару раз сыграл в казино в рулетку и выиграл очень много. Ты не знаешь, это такая азартная игра на деньги. А недавно нашел интересную работу, я теперь консультант солидной фирмы, участвую в переговорах. Мое дело узнавать, честную игру ведут партнеры или нет. Как понимаешь, с моей способностью читать мысли это ничего не стоит. Работа приятная и приносит огромные деньги. Теперь мы снимаем удобный и просторный дом. Погоди с полгода, и мы сможем купить собственный. Хотя я не уверен, что он нам нужен.

– А как Маша? Привыкла к новому миру? – поинтересовался старший эльф.

– Она в восторге от него. Так быстро все схватывает, просто на лету. Во всех технических штуках разбирается. Осеню отдаю ее в школу, пусть поучится, а то у нее за плечами только несколько классов школы чародейства и волшебства, это здесь бесполезно. Плохо, что совсем ребенок разочаровался в волшебстве, говорит, что это мракобесие и средневековые. Жаль, у нее очень серьезный потенциал, мощная волшебница может выйти...

– Все замечательно, Влад, но люди есть люди, – помолчав с минуту, печально сказал волшебник. – Недавно я узнал, что они изобрели такое оружие, которое может сотни, тысячи раз уничтожить всю Землю. Называется «атомная бомба». Представляешь? Самые мощные волшебники и все волшебники мира этого бы не смогли сделать, а люди могут. Какую силу они получили. И как я могу оставить свою дочь в таком страшном месте? Впрочем, откуда вам, эфимерным созданиям, знать про бомбы.

– Я не слышал о таком оружии, – отозвался старший эльф, – но про бомбы мы знаем. Несколько десятков лет назад здесь шла страшная война. Вон, посмотри, – он кивнул на Старый Дуб, – у него в стволе с прошедшей войны куча осколков застряла. И наши эльфы тоже гибли во время войны.

– Эта бомба в миллионы раз сильнее, чем те, которыми они воевали раньше. Сначала очень боялись ее, а теперь привыкли и считают, что она помогает поддерживать мир, но войны все

равно идут по всей Земле. Я предлагал Маше вернуться, но она об этом и слышать не хочет. Я бы поискал более безопасное место, но кто знает, что там может случиться через сотни лет.

Торн замолчал и, налив в бокал вина, принял медленно цедить его, погруженный в раздумья. А маленький эльф пожалел, что спрятался на ветке. С одной стороны, было любопытно слушать разговоры старших, а с другой – трудно сидеть неподвижно. Улететь он не решался из опасения, что слишком ярко одет и его легко заметить, а сделаться невидимым не мог, ведь малейшее применение волшебной силы сидящие внизу мгновенно засекут. Он был в ловушке, жалея, что прокралился в нее сам, и не знал, как поступить.

Торн словно подслушал его мысли и спросил старшего эльфа:

– А где мой не в меру любопытный дружок? Случайно, не сидит ли он где-нибудь на верхушке и не наблюдает за нами?

– Надеюсь, что нет, – отозвался старший эльф. – У него появилась подружка из другого клана, уже несколько недель он только ею и занят. Я этому рад, а то у него одни белки в друзьях, не желает мальчишка с эльфами дружить.

– Не рановато ему романы заводить? – засмеялся Торн.

– Ну что ты – ему же всего семь лет. Лет через десять, может быть, и романы начнет заводить.

– Себя-то вспомни! Сколько тебе было, когда влюбился?

– Да, всего по пятнадцать нам было, и на всю жизнь. Сотни лет мы с ней прожили в любви и согласии. Жаль, дети у нас не появились до того, как она погибла.

– Меня уже не было здесь, расскажи, что случилось, – попросил Торн.

– У эльфов дети рождаются очень редко, один-два ребенка. Видимо, это плата за нашу долгую жизнь. Жена пережидала жару в тени скалы у ручья, когда скала рухнула и погребла ее под собой. С ней вместе погибло шестнадцать эльфов.

– Влад, неужели ты не сумел найти себе половину за столько лет?

– Когда пара распадается, эльфы редко заводят вторые половины, это скорее исключение. У нас не получается любить второй раз. А без любви эльфы не женятся.

– Ну что ж, очень жаль, вы были отличной парой.

– А мне-то как жаль, – вздохнул старший эльф, недолго печально помолчав, продолжил: – После поражения волшебных сил и их ухода в другие миры лесные эльфы отгородились от мира людей. Мы просто делали то, что можем: вызывали дожди, когда была засуха или пожар, разгоняли тучи, когда становилось слишком сыро, или отгоняли градовые тучи. Ведь мы – лесные духи, и наше дело – заботиться о лесе.

Мы пытались, конечно, спасти лес от вырубки, но эффекта не было. Эльфы способны внушить человеку любую мысль, он воспринимает ее как собственную. Лесорубы, поверившие в то, что лес живой и его нельзя рубить, уходили, а на их место приходили другие, и так продолжалось, пока люди сами не перестали рубить лес и сделали заповедник.

– А что, если люди это сделали под влиянием эльфов? Может быть, они поддаются влиянию, только это происходит не сразу, а постепенно? – подал голос Торн.

– Мне никогда это не приходило в голову. А вдруг ты прав? Что, если бы все эльфы начали внушать людям мысли о мире на Земле, что природа родной дом, а все вокруг – живое, его надо беречь и сохранять? Может быть, постепенно мы смогли переделать взгляды людей, и до бомбы дело не дошло? – старший эльф снова вздохнул.

– Это вряд ли, – прервал его Торн. – Я думаю, на них можно влиять, но не в вопросах мира и войны. Жажда крови у людей в крови, прости за невольный каламбур. Они не могут мирно жить, и никакие эльфы их не перевоспитают.

– Кто знает. Плохо только, что эльфы стали жить праздно, одним днем. Нынче летом шелкопряд объявился, а эльфам дела нет, еле успели вредителей уничтожить, пока егеря не увидели и не начали ядами лес травить. А всего-то нужно было привлечь жужелиц и птиц, они с шелкопрядом хорошоправляются.

– Кто знает, что могло быть или не быть, не переживай, – попытался утешить его Торн. – Ты слишком много на себя берешь. Волшебники и другие волшебные существа вообще сбежали, что могли сделать одни эльфы. Мы проиграли войну с людьми, а те-

перь они готовы уничтожить и себя самих, и Землю. Может быть, это им отмщение, и мы не обо всех силах во Вселенной знаем. Тебе спасибо за разговор, Влад, – сказал Торн, – а то мне и поговорить не с кем. Но мне пора, скоро автобус. Если опоздаю, не смогу добраться до города. Как-нибудь еще свидимся.

– Почему не сможешь? – удивился старший эльф. – Ты разве не можешь переместиться в город?

– Могу конечно, но мне нужно беречь волшебную силу, она мне для работы нужна. Оказалось, что люди поголовно не верят в волшебство, а мы не можем использовать их энергию и преобразовывать ее в волшебную силу. Не проходит этот фокус с теми, кто не верит.

– Во-от оно что, – протянул старший эльф. – Я это подозревал. И как же вы обошлись?

– На празднике мы два дня находились возле вашего священного озера, а у него еще осталось немнога силы, мы ее поднакопили, сконцентрировали и еще зарядили несколько предметов. Вот теперь пытаемся расходовать экономно. Да и зачем ее расходовать, если я могу воспользоваться достижениями людей.

И, помахав старшему эльфу, Торн быстро направился в сторону автобусной остановки, а тот еще долго сидел под Старым Дубом. Он был печален, разговор с Торном растревожил бытую рану, а новые опасности тревожили его.

Алеша устал сидеть неподвижно, спрятавшись под листиком, и еле дождался, пока он, наконец, улетит.

– Хорошо, что меня не заметили! – радовался он, расправив затекшие ноги и крылышки и резвясь вокруг своего друга. – Покажи осколки, ты никогда не говорил, что тебя ранили.

Дуб взмахнул гибкой молодой веткой и несколько раз прикоснулся к своему стволу. На коре слегка виднелись затянувшись чужеродные вкрапления.

– Это было давно. Осколки уже погрузились внутрь ствола, и их почти не видно, – отозвался Дуб. – Они правы: сколько себя помню, люди всегда воюют. Не поймешь этих людей – то строят, то разрушают.

ЛЮБОПЫТНАЯ ПРИНЦЕССА

Алеша быстро забыл про разговор Торна со старшим эльфом. Неведомая опасность не очень его тревожила, зачем думать про гибель всего мира, когда мир вокруг тебя так прекрасен и привычен. Лето в разгаре, кругом друзья, а еще новая замечательная подружка, которая, возможно, даже принцесса. Алеша так до конца и не верил, что Айя – дочка короля. Она больше об этом не заговаривала, но это совсем не мешало им играть в разные веселые игры. Они встречались почти каждый день, и так сильно привязались друг к другу, что Алеша не представлял, как он жил без Айи раньше.

В этот день Айя прилетела позже обычного. Алеша уже извился в ожидании. Появилась неожиданно, плюхнулась на ветку рядом, всхлипнула и смахнула слезу. Ее глаза зло блеснули.

– Ненавижу свою сестрицу! Двести лет в обед, а жениха все нет! А откуда ему взяться, если она всех изводит и презирает.

– Достается тебе от нее? – сочувственно спросил Алеша.

– От нее всем достается, – отозвалась грустно Айя. – Нашего отца слишком давно выбрали королем, а сестра слишком долго принцесса. Простой эльф ей не пара, подавай принца или короля. Да только все соседи про ее характер вредный знают. Уж такая заноза. Отец обещает на праздник Осени пригласить эльфов из дальних лесов, может быть, кто ей подойдет. Как было бы хорошо ее отправить замуж подальше.

– А ей правда двести лет? – заинтересовался маленький эльф.

– Ты совсем глупый, эльфы не люди, паспортов не имеют, – смерила его взглядом Айя. – Ты сейчас еще спросишь, что такое паспорт. Это у людей такой документ, а в нем все написано, как зовут, где живет, сколько лет, – снисходительно пояснила принцесса. – Двести – это приблизительно, конечно. Кто их считает, эти годы. Еще пока до взрослого растешь, интересно, а потом – какая разница, живи себе да живи. Но папа с мамой разговаривали, я слышала, ей примерно лет двести. Беспокоятся за нее, но

весь насиливо замуж не выдашь, а она никого не любит, кроме себя. И мне остается только мечтать избавиться от этой злости, а еще говорят: у эльфов характеры ангельские.

– А тебе сколько лет? – спросил Алеша. – Я весной на свет появился, мне этой весной семь лет исполнилось.

– А мне семь будет осенью, значит, ты на полгода старше, но это значения не имеет. Я зато умнее, – сказала Аяя и показала язык.

– Это у вас семейное – быть занозами. Ты не умнее, просто тебя учат разным штукам, а меня пока нет, зато у меня много друзей. Вот, например, волшебники, что были на празднике, тоже мои друзья.

– Да, мне злока рассказывала, что такого роскошного праздника не припомнит. Дразнила. А откуда они свалились на нашу голову? Мне говорили, на Земле не осталось волшебников, – заинтересовалась Аяя.

– Они пришли из другого мира, – сказал Алеша и прикусил язык, поняв, что проболтался.

– Какого другого? А ты почем знаешь? – тут же вцепилась в него Аяя. – Говори, я же все равно из тебя правду вытрясу.

– Не могу, – замотал головой Алеша, – это не моя тайна.

– Тайна? – глаза Аии загорелись от любопытства. – Ничего на свете я не люблю больше, чем разные тайны, говори быстро!

– Если ты такая умная, то знаешь, что во Вселенной существует множество миров и между ними есть проходы, по которым можно путешествовать из одного мира в другой, но они перекрыты заклятиями.

– Но они же как-то к нам проникли?

– Они же волшебники, значит, знают как.

– Я тоже хочу путешествовать между мирами, – заявила Аяя. – Надо моего учителя расспросить, уж он-то должен знать.

– Ты что?! Это очень опасно! Нужно точно знать, куда идешь. На каждый мир, на каждый проход свое заклятие. Не знаешь нужного заклятия – никуда не попадешь, просто сгинешь между

мирами. А если повезет и найдешь случайно какой-нибудь мир, назад ни за что не вернешься.

– Та-ак... – зловеще протянула Айя. – Откуда ты это все знаешь? Сознавайся, путешествовал? И знаешь, где портал?

– Айя, ты можешь меня на части порвать, но тебе лучше этого не знать. Я случайно спас одного заблудившегося между мирами. Не сам, конечно, это дедушка его спас, но я ему помогал и почти ничего не знаю.

И Алеше пришлось рассказать Аье про путешествие в мир двух солнц и спасение Дракоши.

– Хорошо, ты меня убедил, что нужно знать, куда хочешь попасть, но вы же не знали, из какого мира этот Дракоша взялся.

– Дедушка объяснил. Если ты путешествуешь с существом из другого мира и он не знает своего адреса, то есть специальное заклятие, оно выведет куда нужно, – неохотно объяснил Алеша. – А я не хочу больше разговаривать на эту тему.

– Тогда встретимся завтра, что-то играть мне сегодня расхотелось, – отозвалась Айя и умчалась, даже не попрощавшись.

Ее задумчивый вид не на шутку встревожил Алешу. Он уже успел узнать характер этой девчонки и понимал, что теперь она ни за что не оставит мысль о путешествии в неведомые миры. Он недолго раздумывал, говорить дедушке или нет, но потом решил зря не волновать его. Айя все равно не знает, где портал, не сможет туда сунуться и затеряться.

Прошло несколько дней, Айя не появлялась в условленном месте, и Алеша не находил себе места от тревоги. Он вспомнил, что она хотела выспросить о путешествии по мирам своего учителя.

«А если он рассказал ей то, что знает, а знает, скорее всего, немало? – взволнованно думал маленький эльф. – Хотя не самоубийца же он».

Повидать Аию у него не было возможности, не мог же маленький эльф явиться к королю и спрашивать про его дочку, тем более что до сих пор никто не знал об их дружбе.

Наконец, ему в голову пришла спасительная мысль. Он решительно отправился к пещере и попросил птиц и белок, живущих там, наблюдать, если кто появится рядом, немедленно передать ему весть об этом. Получив заверения, что «мышь не проскочит, комар не пролетит», Алеша немного успокоился.

Дня через три Айя неожиданно появилась на их месте снова как ни в чем не бывало. Почему ее не было так долго, не объясняла, про порталы не заговаривала, а Алеша и не думал спрашивать, чтобы не давать повода для разговоров на опасную тему.

Он решил вернуться к разговору про дворец:

– Послушай, Айя, я все думаю и не могу понять, как же вы зимуете в деревянном дворце? Холодно же и он такой непрочный.

– Ты совсем дурачок? – иронично спросила Айя. – Конечно, мы там не зимуем: это летний дворец. А зимуем мы в другом дворце, он в тайном гроте, вход – со дна озера. Но сам грот располагается уже не в озере, там сухо и совершенно безопасно. А чтобы не нырять, есть ход и с поверхности. Ход тайный, даже тебе я его не покажу. Да я его сама и не найду, пожалуй.

– Хорошо быть королевским семейством: два дворца у них, – проворчал Алеша.

– А ты не завидуй. И какой же ты нудный, все тебе надо знать. Надо будет отцу рассказать про моего не в меру любопытного дружка, – задумчиво сказала Айя. – Отец ищет любознательных мальчиков, их обучают, и они потом становятся придворными, помогают ему в управлении. Разве ты не хочешь учиться? – спросила она.

– Учиться я хочу, а придворным быть – ну уж нет, спасибо за доверие, – отозвался маленький эльф.

– Как хочешь, – пожала плечами Айя и надолго замолчала.

В этот день она была рассеянна, не захотела играть и исчезла раньше времени. Но на следующий день она появилась, наоборот, очень веселой и дерзкой. Они даже немного подрались, потому что ей непременно хотелось показать приемы борьбы, которым научилась недавно. Обучение королевской дочки было весьма разносторонним.

Алеша уже думать забыл о задании, которое дал птахам и белкам, и совсем было успокоился по поводу Айи. Зато они не забыли. В сырой прохладный день, когда Айя и Алеша укрылись от дождя под густой еловой веткой, прилетевшая сорока начала трещать, что у пещеры появились старший эльф и какой-то путник. Айя сразу насторожилась.

– Ты зачем следишь за своим дедушкой? – подозрительно спросила она.

– Ничего я не слежу, просто нужно с ним поговорить, а он все время занят. Вот и попросил птиц сообщить, когда он будет свободен.

– Не умеешь врать – не ври, – отрезала Айя.

– Да не слежу я за дедом, – возмущенно ответил Алеша и был совершенно искренен. Он же просил за пещерой следить, а не за старшим эльфом.

А у пещеры действительно объявились Торн и старший эльф. В последнее время эта парочка стала встречаться все чаще, и было ясно, что они что-то задумали.

Айя же, услышав про пещеру, недолго думая, понеслась туда. Бывать около пещеры ей доводилось, дорогу она знала хорошо, поэтому не собираясь спрашивать у Алеши. Тому ничего не оставалось, как отправиться за ней следом. Довольно быстро добравшись до нужного места, они увидели на поляне возле пещеры старшего эльфа и Торна и стали осторожно наблюдать за ними. Ничего подозрительного эльф и волшебник не делали, просто сидели и разговаривали. Услышать, о чем они говорят, маленькие эльфы не могли: поляна была большой, следить им приходилось из укрытия за ветками, подобраться ближе не было возможности. Нетерпеливая Айя вся извелаась, наблюдая за взрослыми, и уже собираясь было улететь, не дождавшись ничего интересного, как вдруг те поднялись со своего места и направились в пещеру. Обрадованная Айя так стремительно метнулась вдогонку, что Алеша не успел ее остановить, и пришлось последовать за ней.

Он только успел дернуть ее за руку и шепотом сказать:

– Нельзя туда. Это опасно!

Айя резко выдернула руку и скрылась в пещере. Разве опасность могла остановить безрассудную дочь короля? Скорее, это только подогрело ее решимость следовать за старшим эльфом и Торном.

В ПЕЩЕРЕ

Маленькие эльфы влетели в пещеру и замерли прямо у входа. Перед ними был непроглядный мрак, и они сразу потеряли из виду старшего эльфа и Торна. Алеша потянул Айю за руку, они осторожно переместились к стене пещеры. Торчать на самом виду было глупо, их из темноты было видно очень хорошо, и если бы взрослые оглянулись, непременно бы заметили их. Через некоторое время глаза привыкли к темноте, и они увидели неподалеку высокую фигуру Торна. Они со старшим эльфом тоже стояли у стены пещеры и тихо совещались, видимо, уточняли заклинание.

Наконец Торн взмахнул рукой и начал произносить неведомые слова. Когда он закончил, по стене пещеры зазмеилась уже знакомая Алеше огненная полоса. Айя тихонько ойкнула от изумления, маленький эльф быстро зажал ей рот, привлекать к себе внимание в самом начале пути было неразумно. К счастью, взрослые тоненького писка не слышали.

Все вместе они тронулись вдоль полосы, только взрослые не знали, что путешествуют не одни, а маленькие эльфы старались держаться на разумном отдалении. Огненная полоса хорошо освещала путь, и вначале малышам лететь было нетрудно, если не считать, что в пещере было холодно и сырь. Хорошо еще, что день выдался дождливым и к обычной летней одежде у них имелись накидки от дождя, в которые они кутались во время полета.

Прошло довольно много времени, но взрослые двигались вперед как ни в чем не бывало и не собирались устраивать при-

вал. Огненная полоса через некоторое время гасла за ними, найти выход самостоятельно маленькие эльфы не смогли бы. На Алешу накатило отчаяние, он видел, что губы у Айи посинели от холода и она взмахивает крылышками из последних сил, да и сам изрядно устал и замерз. Как он и предполагал, путешествие выдалось нелегким, принцесса держалась только на вредности характера и нежелании сдаваться. Впрочем, особого выбора у них не было, оставалось только следовать за взрослыми.

Вдруг старший эльф и Торн остановились, разыскав камень, присели передохнуть и выпить горячего. То, что жидкость горячая, было видно по поднимающемуся пару, а по аромату, донесшемуся до маленьких эльфов, они догадались, что это кофе. Да, эльфы тоже иногда пьют кофе, если удастся его раздобыть, а для Торна, живущего в мире людей, это не было проблемой.

«Здорово они подготовились, даже кофе запаслись», – с легкой завистью подумал Алеша.

И тут замерзшая Айя неожиданно чихнула. Негромкий звук произвел должное впечатление, Торн и старший эльф вздрогнули, подскочили на месте. От неожиданности Торн пролил на себя горячий кофе и выругался.

– Кто здесь? – крикнул он, и его без того громкий голос, отразившись от стен, многократно усилился.

Алеша понял, что теперь самое время, чтобы сдаться, по крайней мере, горячий кофе им обеспечен, а дальше будет видно. Он взял Айю за руку и потянул к месту, где сидели взрослые. Она же так устала и замерзла, что не стала сопротивляться. От удивления Торн снова сел на камень.

– Нет, Влад, ты посмотри на этого мальца! Ему мало, что сам за нами увязался, так он еще и девчонку прихватил! – сказал Торн, всплеснув руками.

– Это кто еще кого прихватил, – буркнула Айя.

Тут настал черед удивляться старшему эльфу.

– Ваше Высочество, – он легко и изящно поклонился, приветствуя Айю. – Как вы здесь оказались?

– Алеша не виноват, просто мы случайно увидели, что вы заходите в пещеру, и я полетела за вами, а он за мной, и вот мы здесь, – Айя предусмотрительно промолчала, что она в курсе про путешествия в другие миры и прочие интересные вещи.

– Совершенно случайно, – саркастически хмыкнул Торн.

– Так во-от кто твоя подружка… – протянул задумчиво старший эльф. – Мне бы раньше поинтересовалась.

Зная о неуправляемом характере Айи, он не представлял, как теперь выпутываться из этой скользкой ситуации.

– Если эта подружка по любопытству похожа на него, – подал голос Торн, кивнув головой в сторону Алесхи, – то это просто катастрофа. Влад, похоже, наше путешествие закончилось, толком не начавшись.

– А куда вы путешествуете? – сразу встрепенулась Айя. – И почему «не начавшись»? Мы могли бы путешествовать вместе.

– Конечно, Ваше Высочество. Только здесь время идет иначе, чем на Земле. Мы не знаем, сколько времени прошло на поверхности. Возможно, вас уже ищут по всему лесу. Вы же не хотите, чтобы меня обвинили в похищении особы королевской крови? – сказал старший эльф.

– Так уж и в похищении! Возьмите нас с собой, а я потом скажу, что вы меня спасли, и папа объявит вам благодарность. – Видя, что старший эльф молчит, Айя прибегла к наглому шантажу: – А если не возьмете, то могу и наоборот сказать.

– Какая милая девочка, настоящая принцесса, – пробормотал себе под нос Торн.

Старший эльф долго молчал, разглядывая маленьких друзей, и напряженно думал. Ясно, что Айя знает про другие миры, путешествия между мирами. Она принцесса и знает многое, недаром у нее лучшие учителя, да и Алеша наверняка ей многое рассказал. Брать детей с собой нельзя, они сами не знают, куда попадут, что их там ждет, как и когда смогут вернуться. Оставить здесь тоже нельзя, одни они выхода не найдут и заблудятся. Значит, нужно их проводить обратно.

«Зря я поддался на уговоры. Зачем мне нужны другие миры? Он-то, понятное дело, авантюрист, – проносились мысли в голове старшего эльфа. – А сейчас сидит и помалкивает как ни в чем не бывало. Ясное дело, не ему же отдуваться перед королем за его драгоценную дочь. Сегодня по-любому нужно возвращаться, а потом что-нибудь придумаем».

– Ваше Высочество, сегодня путешествие невозможно, вы замерзли, устали. Нужно хорошенъко подготовиться, – обратился старший эльф к Айе, – а еще обязательно придумать повод, чтобы оправдать ваше отсутствие при дворе. Но это уже вы сами, вы лучше знаете придворную жизнь. А сейчас мы отправляемся обратно.

– Нашли дурочку! – решительно заявила Айя. – Отделаешься от нас, а потом одни отправитесь в путешествие?

– Ну что вы, Ваше Высочество, как вы могли такое подумать про двух благороднейших существ? – с легкой усмешкой, в которой сквозила язвительность, произнес Торн. – И я даже могу предложить вариант для оправдания вашего исчезновения. Например, я могу пригласить вас в гости. Вместе со старшим эльфом и вашим юным другом... – На словах, которые намекали на Алешу, голос Торна стал медово-зловещим.

Но Айя этого не заметила, она захлопала в ладоши от восторга и воскликнула:

– Как вы здорово придумали! Они не смогут меня у вас найти, а мы в это время будем путешествовать. Но к вам в гости мне тоже очень хочется. Я еще никогда не была в мире людей, только много читала.

– Замечательно, выбирайте, чего же вам хочется больше, путешествовать в темной сырой пещере или побывать в городе в настоящем жилище людей. Вам осталось только уговорить старшего батюшку отпустить вас ко мне. А я могу лично прибыть за вами, если на то будет его добрая воля, – Торн изъяснялся витиевато, видимо, думая, что дочери короля привычнее слышать именно такую речь.

Так они и решили и отправились в обратный путь. Чтобы двигаться быстрее, Торн посадил эльфов себе на плечи, а маленькой принцессе галантно предложил закутаться в его шейный платок, что она сделала с большим удовольствием. Обратно к выходу из пещеры они добрались гораздо быстрее, и отдохнувшая, согревшаяся Айя была в восторге от пережитого, а еще больше от предвкушения ожидающих ее новых приключений. Она распрощалась со взрослыми очень дружелюбно, пообещав держать все происшедшее в тайне, а Алешу попросила сопроводить ее до места, где они привыкли встречаться. Время, проведенное в пещере, соответствовало тому, что прошло на Земле, поэтому ее еще никто не успел хватиться, и она, радостная, отправилась во дворец.

Проводив Айю, Алеша остался на месте и совсем не спешил к себе домой, представляя, какой нагоняй получит. И все из-за этой противной девчонки, втравившей его в неприятности.

«Интересно, Торн действительно решил пригласить ее в гости? – думал Алеша. – Хорошо быть принцессой, меня бы он ни за что не пригласил. Может быть, надеется, что она забудет про пещеру, если побывает в городе? Вот наивный, плохо он знает эту девчонку. Она и город посетит, и в пещеру их потащит. Теперь от них не отстанет».

Погоревав немного об участии находиться между двух огней: королевским отприском и взрослыми, Алеша отправился возвращаясь. Когда он появился дома, Торна уже не было, а старший эльф, как ни странно, не стал укорять и наказывать Алешу. Это удивило маленького эльфа, но и напрашиваться на разговор он не решился, справедливо полагая, что все необходимое дедушка скажет сам. Так закончился этот во всех смыслах хлопотный день, полный впечатлений.

В ГОРОДЕ

Не прошло и двух дней, как события завертелись с большой скоростью. Вначале король и слышать не хотел о путешествии

Айи в гости к волшебнику, а фактически в мир людей. Но девчонка проявила такую активность, так замучила короля, что вскоре он уже готов был отправить ее не только в гости, но хоть на Северный полюс, лишь бы отвязаться. Чего-чего, а Айя научилась за свои неполные семь лет добиваться от отца желаемого.

Король попросил старшего эльфа прибыть во дворец. Именно попросил, он был очень демократичный правитель, никогда не навязывал подданным свою волю и ничего не приказывал. Он был умным королем и знал, что ослушаться приказа властителя можно, но не выполнить его просьбу не представляется возможным. И умело пользовался этим. Они долго обсуждали жгучее желание Айи и пришли к выводу, что ничего страшного не случится, если Айя побывает в мире людей и своими глазами увидит, как они живут. В конце концов, не все же можно изучать по книгам. Король через старшего эльфа пригласил Торна во дворец, и, посовещавшись, они решили, что сопровождать принцессу будут сам Торн, старший эльф и его маленький родственник, то есть Алеша. Торн просил, чтобы придворные не сопровождали принцессу, и король согласился, что двух эльфов в качестве свиты будет достаточно. Нельзя сказать, что король уж очень доверял волшебнику, но, подумав, пришел к выводу, что использовать принцессу во вред эльфам у него нет необходимости. А в случае чего старший эльф и один сумеет ее защитить.

Путешествие в город назначили на завтра, а Торну король предложил провести ночь в его владениях, около озера. Тот с радостью согласился, это была оказия пополнить запас волшебной силы.

В путь они отправились ранним утром, чтобы успеть на первый автобус. Волшебник, как всегда, не хотел зря тратить силу. Сначала они должны были отправиться в город, сразу пойти к пещере они не могли: королю тут же донесли бы об изменении маршрута.

Эльфам пришлось сделаться невидимыми, они путешествовали никем не замеченными. Все удивляло маленьких эльфов,

ведь они никогда не выбирались из своего леса, если не считать зимнего путешествия Алеши: и самодвижущаяся повозка, именуемая автобусом, и огромные дома людей, и сами люди.

Прибыв в дом Торна, они встретили его дочку, которая теперь звалась Машей. Алешу она уже знала и была ему очень рада, старшего эльфа видела на празднике, а незнакомая Айя понравилась ей сразу, девчонки немедленно подружились. Принцесса носилась по всему дому, который и на самом деле был большим, а эльфам казался огромным. Маша показывала ей всякие технические чудеса, которые ее до сих пор восхищали. Старший эльф уединился с Торном в его кабинете. Алеша же почувствовал себя лишним и загрустил, пристроившись в уголке мягкого дивана на веранде. Через большие окна был виден красивый сад, полный деревьев, кустарников необычной формы и цветов, которые росли на клумбах. Он уже знал, что эти красиво посаженные вместе цветы называются клумбами. Он рассматривал сад, пока Маша не вспомнила, что она хозяйка и должна проявлять гостеприимство ко всем гостям. Она и Айя присоединились к маленькому эльфу, Маша принесла угощение, которое проголодавшиеся и полные впечатлений эльфы с удовольствием попробовали. Виноград Алеша уже знал, но сейчас на подносе лежали еще и другие необыкновенно вкусные фрукты. Больше всего маленьким эльфам понравились сладкие сочные персики. Наевшись и напившись кофе, они снова начали летать по дому, уже втроем, и наконец, устроились в гостионой возле телевизора. Маша включила передачу, в которой показывали коралловый риф и его обитателей. Красочный подводный мир предстал перед эльфами во всем великолепии, Айя даже периодически начинала хлопать в ладоши от восторга, когда видела особо красивую рыбешку.

– А в нашем озере почему-то все рыбки серебристые, а таких ярких и цветных вовсе нет, – сказала она.

– Эти рыбы тропические, они живут в теплых морях, далеко отсюда, где никогда не бывает зимы, – пояснила Маша.

– Вот бы и нам там жить, в местах, где никогда не бывает зимы. Я не люблю спать по полгода, так и не заметишь, как вся жизнь пройдет в спячке, – вздохнула Айя.

– Я бы тоже хотела, – согласилась с ней Маша, – но отец пока хочет жить здесь, это место – его родина, может быть, позже. А я на свою родину ни за что возвращаться не хочу. Там сплошное Средневековье, до сих пор ездят на лошадях. Свечи, печки. Ужас. Там даже телевизоров нет, телефонов, про компьютер и говорить нечего.

– Быстро ты освоилась среди людей, – сказал молчавший до сих пор Алеша.

– Да, – подхватила Айя, – везет тебе, ты от людей не отличаешься, а мы для них не существуем, а если люди про нас узнают, будут считать новым видом бабочек. Нам нет места в их мире, – грустно заключила она.

Незаметно подкрался вечер, Торн со старшим эльфом вышли из кабинета и присоединились к Маше и маленьким эльфам.

– Ну что, как вам нравится в мире людей? – спросил их Торн.

– Очень нравится, только что толку, мы здесь жить не можем, – грустно отозвалась Айя.

– А путешествовать по мирам вы еще не передумали? Маша, ты к нам присоединишься?

– Очень мне интересно таскаться по сырой мрачной пещере, – отозвалась Маша. – Мне и здесь неплохо. И что вы надеетесь найти? Наткнетесь на каких-нибудь монстров или мощных волшебников, которые вас превратят... – Она сделала паузу. – В лягушек! – И рассмеялась.

– Ты забыла, мы и сами волшебники, – отозвался Торн.

– Ты что? Путешествовать – это так интересно! – вступил в разговор Алеша. – Самое интересное – когда тебя ждет неведомое.

– Конечно, – скептически усмехнулась Маша, – а вы про время забыли? Вдруг попадете в мир, в котором время идет медленно. Пока вы там день будете находиться, здесь может и десять лет пройти или вообще сто.

– Это вряд ли, но все может быть, поэтому тебе лучше отпра-виться с нами, – сказал Торн. – Если такое случится, нам лучше быть вместе.

– А я сомневаюсь, что мы можем найти что-то более чудес-ное! – воскликнула Маша.

– Посмотрите на нее! – сердился Торн. – Она здесь еще и двух месяцев не провела, а уже отправлена миром потребления. Ты разве не понимаешь, что люди уничтожают Землю ради наживы и собственного удобства? Этот мир обречен, человек потерял гар-монию с природой еще сотни лет назад, и год от года ситуация становится только хуже.

– Да-да, вспомни еще, как вы трусливо бежали отсюда, уже тогда не в силах ничего изменить. Если этот мир болен, то я хочу болеть вместе с ним! – яростно воскликнула Маша.

– А как же я? – сказала Аяя. Погруженная в свои мысли, она не очень вслушивалась в суть спора. – Какой поднимется пе-реполох, если я не вернусь! – До нее стала доходить опасность предприятия, в которое она так легкомысленно ввязалась.

– Это значит, что ты никуда не пойдешь, а останешься со мной в этом доме, – отрезала Маша. – А они пусть себе отправ-ляются куда хотят.

– Маша права, – подал голос старший эльф, – мы не можем рисковать вами, Ваше Высочество.

– «Ваше Высочество»? – удивилась Маша. – Ты что, принцесса?

– К сожалению, и ничего не вижу в этом чудесного. Я самая младшая в королевском семействе, у меня злющая сестрица и куча скучных учителей. Того нельзя, этого нельзя. Пока я не встрети-ла Алешу, моя жизнь была ужасно неинтересной, – пояснила ей Аяя. – И он прав, – продолжила она, – что может быть интересней неведомого, которое ждет тебя впереди? Здесь, в городе, я уже мно-го нового увидела, этот мир удобный и красивый, но там, в пеще-ре, – трудности и опасности! – голос Айи зазвенел, как только она вспомнила об опасностях, глаза ее загорелись от предвкушения.

«Какая смелая девчонка! – радостно подумал Алеша. – По-везло мне найти такую подружку».

– Но, Ваше Высочество... – растерянно сказал старший эльф. – Мы вовсе не хотим подвергать вас опасностям.

– Так и защищайте меня от них, это ваша обязанность, – немножко высокомерно сказала Аяя.

– Что ж, вопрос решен, – потирая руки, сказал Торн. – Завтра рано утром мы отправляемся. И ты, Маша, с нами, возражения не принимаются. А сейчас всем спать.

– Ну уж если принцесса полезет в пещеру, куда же мне деваться? – проворчала Маша себе под нос.

Солнце еще не взошло, когда путешественники собирались в дорогу. Сегодня Торн решил переместить всех прямо до пещеры, чтобы сократить время на дорогу и чтобы эльфы случайно не наткнулись на них.

И вот все пятеро в мгновение ока оказались около входа в пещеру и вошли внутрь. Чтобы двигаться быстрее, старший эльф устроился на плече Торна, а Аяя и Алеша – на плече у Маши. Торн и старший эльф произнесли заклинание, которое старший эльф случайно нашел в старинной любимой книге, и по стене пещеры заискрилась огненная полоса.

Путешественники тронулись вдоль нее, невольно задаваясь вопросом: «Куда же она выведет?» Путешествие по пещере продолжалось около двух часов по земным меркам. Привала делать не пришлось, потому что эльфы не устали, им было удобно ехать на плечах волшебников, а не лететь вслед за ними. А когда Маша уже начала уставать, впереди блеснул солнечный свет, и все поняли, что огненная полоса вывела их в новый мир. Торн и Маша бросились к выходу, умирая от любопытства и стремясь поскорее увидеть его.

НОВЫЙ МИР

Вся компания остановилась на выходе из пещеры. Привыкнув к яркому свету, они стали с интересом оглядываться, но, как ни странно, ничего необычного не увидели. Небо было синим,

солнце светило ярко, по небу плыли редкие облачка, а ветер был приятным и теплым. Все это слишком напоминало Землю, но луг перед пещерой был покрыт неведомыми цветами, а неподалеку виднелся лес, в котором росли вовсе не березы. Направо, вдалеке, куда хватало взгляда, простиралось синее-синее море.

– Ох! – выдохнула Маша. – Это же море, я его только по телевизору видела, а здесь оно совсем рядом.

Маленькие эльфы замерли от восторга, разглядывая бескрайнюю синь. Море было спокойным, на желтовато-серый песок накатывали небольшие волны, принося с собой клочья белой пены, и снова убегали в море. За спиной путешественников красовались невысокие, но живописные горы, покрытые густым цветущим кустарником, а вниз от пещеры к лугу тянулась совсем узкая, но приметная тропинка. По ней они спустились и устроились отдохнуть в тени невысокого дерева. Маша сказала, что дерево напоминает магнолию, которую она тоже видела по телевизору: листья широкие, овальные и плотные, а все дерево покрыто белыми цветами величиной с блюдце. Лепестки у цветов мясистые и тоже плотные, казалось, были покрыты воском. Айя с восторгом устроилась в цветке и начала качаться, как в гамаке, уверенная, что цветок выдержит ее вес. Кругом цвели все растения от деревьев до самой маленькой травинки, стоял аромат невероятной густоты и сладости, и от него даже немного кружилась голова. Маленькие эльфы не утерпели и попробовали нектар этих чудесных белых цветов, за что тут же получили нагоняй от старшего эльфа, ведь неведомое растение могло быть ядовитым, но, к счастью, все обошлось.

– Это какой-то эльфийский рай! – воскликнула Маша. – Скажи, Айя? Я таким его себе представляю.

– Чувствуешь, Маша? – сказал Торн. – Сила здесь кругом, даже в воздухе разлита.

– Еще бы, – отозвалась она и, слегка взмахнув руками, воспарила, к восторгу маленьких эльфов. Они принялись радостно кружиться вокруг нее.

– Так ты тоже умеешь летать? – восторгалась Аяя.

– Умею, только на это уходит слишком много силы, а здесь она везде.

И они втроем принялись летать вокруг взрослых в веселом танце.

– Ничего не скажешь, мы наткнулись на превосходное место! – воскликнул Торн и радостно потер ладони.

– Надо его обследовать получше, наверняка здесь есть многое, что не увидишь с первого взгляда, – отозвался старший эльф. – Кто-то же протоптал эту тропинку.

– Этот кто-то весьма небольших размеров и вряд ли может представлять для нас угрозу, а ты, Влад, известный скептик, – раздосадовался Торн.

Он был очень воодушевлен, радовался как ребенок, и ему совсем не хотелось думать об опасностях, которые могут подстерегать в незнакомом мире. И вдруг...

Все всегда случается неожиданно: перед ними из ниоткуда возникла небольшая стайка воинственно настроенных эльфов. Они закружились вокруг путников в бешеном танце, мелькая у них перед глазами и потрясая копьями. От изумления Торн вскочил со своего места и попытался остановить этот хоровод, но не тут-то было. Он снова сел и придал лицу как можно больше дружелюбия. Неожиданно круговорть прекратилась. Эльфы замерли на месте, как будто кто-то выключил моторчик у этой маленькой карусели, а Маша сказала отцу:

– Не умеешь ты с эльфами обращаться.

Конечно, это она подействовала на эльфов, остальные с изумлением разглядывали замерших эльфов, которые были красиво одеты, но вооружены острыми копьями. Это было странно, ведь эльфы – мирный народ и никогда ни с кем не воевали, а уж тем более не нападали на соплеменников.

Маша выделила из стайки эльфов одного, и он отмер. Эльф взмахнул крылышками и попытался улететь, но не тут-то было, неведомая сила удерживала его. Он с ужасом смотрел на чужа-

ков, особенно на двух огромных, по его представлению, существ, видимо, никогда не видел людей.

– Ты кто такой? Почему вы напали на нас? – строго спросила Маша. От ее громкого голоса эльф закатил глаза и чуть было не лишился чувств.

– Постой, Маша, – остановил ее старший эльф, – он сейчас умрет от страха, ты же для него великанша.

– Вы же почему-то не умираете, – возразила Маша, – и Але-ша не умер, когда нас увидел, нормально себя вел и даже обедал с нами.

– Потому что мы с детства знаем про людей и часто с ними встречаемся в лесу, мы привыкли, а они нет.

Старший эльф заговорил с пойманым эльфом на эльфийском языке, стараясь его успокоить и узнать хоть что-то о новом месте, в которое они попали. Услышав знакомую речь, эльф немного успокоился и рассказал, что они давно охраняют вход в пещеру по распоряжению их короля. Они уже подали сигнал, и скоро здесь будет целый отряд воинов. Пока старший эльф разговаривал с незнакомым эльфом, Торн взял в руки его копье и принялся внимательно рассматривать.

– Посмотри, – обратился он к старшему эльфу, – наконечник этого копья сделан из обсидиана, эти эльфы понимают толк в оружии: наконечник острый как бритва. Таким копьем легко убить кого угодно от зверя до человека, а еще это оружие против любой нечисти.

Когда он произнес короткую речь, эльф опять затрясся в ужасе. Голос Торна был для него еще громче и страшнее, чем у Маши.

– А что вы знаете о пещере? – поинтересовался старший эльф.

– Мы знаем, что из пещеры могут появиться существа из других миров. Наш мир безопасен, но другие могут представлять для нас угрозу. Поэтому мы изучаем разные военные науки, чтобы не быть беззащитными. Но мы даже не представляли, что эти существа могут быть такими огромными.

– Это мы-то огромные? – возмутилась Маша. – Ты еще огромных не видел!

– А у вас тут ничего большого не встречается совсем? – спросил любопытный Алеша. Ему очень хотелось поговорить с незнакомым эльфом из другого мира, но эльф как-то чересчур внимательно смотрел на него и ничего не отвечал.

– Эй, тебя спрашивают! – возмутилась Айя. – До сих пор она помалкивала и с интересом слушала разговоры с плененным эльфом. Тот и на нее уставился с неподдельным страхом и опять ничего не ответил.

– Какого-то ты странного эльфа отморозила, – сказала она Маше. – Может быть, другие будут поумнее? Понятно, что вас он боится из-за размеров, но от маленьких эльфов чего он столбенеет?

Пока они без особого успеха разговаривали с местным эльфом, в воздухе перед ними материализовалась целая стая. На первый взгляд эльфов было штук двести, и это была не толпа, а хорошо организованные ряды воинов, одетых в костюмы наподобие кольчуг, а в руках у них посверкивали уже знакомые путешественникам копья. Воинство выглядело весьма внушительно, а во главе находились король и королева. Они выделялись яркой одеждой и небольшими коронами на голове.

– Ничего себе! – воскликнула Маша. – Мне с такой оравой не справиться.

– Да не нужно с нами справляться, Маша, – послышался приятный голос, чем-то похожий на голос старшего эльфа. – Я и Айя рады приветствовать вас в нашем мире.

– Ваше Величество... – от изумления голос Маши сел почти до шепота. – Откуда вы знаете мое имя?

Остальные путешественники с изумлением смотрели на короля и королеву и не верили своим глазам.

– Что это? – Торн даже потер глаза кулаками. – Разрази меня гром, но ведь это наши повзрослевшие друзья!

– Так не бывает, – прошептала Маша.

– Ну почему же? – также тихо ответил ей Торн. – Портал – вообще очень странная штука, никогда не знаешь, какой сюрприз от него можно ждать.

Айя и Алеша тоже во все глаза смотрели на королевскую чету и с трудом верили, что это они сами и есть, только взрослые.

Алеша повернулся к старшему эльфу и прошептал:

– Дедушка, что происходит?

– Пожалуй, я не могу это объяснить, – нерешительно проговорил тот, – не знаю. Возможно, это одна из версий будущего.

– Вы правы, дедушка, мы с вами вряд ли сможем объяснить это уникальное явление. Но я рад, что оно позволило нам встретиться со своим прошлым, а вам со своим будущим. А вас я особенно рад видеть, к сожалению, здесь вас уже нет с нами, и мне вас очень не хватает, – король проговорил эту речь с горячностью и, подлетев к старшему эльфу, обнял его.

– И тебя, конечно, – король посмотрел в сторону Алеши, – очень забавно встретить самого себя ребенком, – улыбаясь, проговорил он.

Король замолчал, и в воздухе на несколько секунд повисло молчание. Удивление взяло верх, путешественники пытались осмыслить неожиданное явление и свыкнуться с ним.

– А ты что молчишь, дорогая? Или не рада нашим гостям? – король прервал молчание, которое становилось тягостным, и обратился с вопросом к королеве.

– Смотрю на себя и удивляюсь, как из такого чучела я умудрилась вырасти красавицей. И как ты только влюбился в меня тогда? – отозвалась королева.

– А ты язва – еще хуже моей сестрички, никакое я не чучело, – взвилась Айя. – Сама ты чучело! – И показала королеве язык.

– Конечно сама, – рассмеялась королева, – ведь ты – это я. Я себя критикую, я уже и забыла, какой была в детстве.

– Да уж, две Айи вместе – это, пожалуй, чересчур, – пробормотал Торн.

– Ну что же мы все разговариваем? – сказал король. – Приглашаю дорогих гостей в наш город, не будете же вы вечно сидеть под этим деревом.

И они отправились в путь. Впереди летели король с королевой, за ними следом эльфы-путешественники, вышагивали Маша с Торном, а замыкали процессию эльфы-воины, которым король коротко объяснил, что опасности нет, а прибывшие – личные гости королевского дома.

В ГОСТЯХ У КОРОЛЯ

Путешествие продолжалось не слишком долго, но пришлось немного подняться в горы. Город эльфов был живописно расположжен среди горных уступов, террас и кустарников. Разглядеть сразу его было сложно, но чем внимательнее путешественники всматривались в окружающий их горный ландшафт, тем больше они замечали изящных небольших строений. Впрочем, небольшими они казались только Маше и Торну, для эльфов это были настоящие дома, пригодные для жизни. Аяя и Алеша крутили головами во все стороны и показывали друг другу на понравившиеся строения, периодически взвизгивали от восторга. Материалы для строительства использовались разные, с первого взгляда бросались в глаза цветная галька, керамика, разноцветное и разное по плотности стекло и, конечно, дерево. Каждый домик был неповторим и, по всей видимости, отражал вкусы хозяев. Дороги и дорожки тоже были вымощены и дополняли облик сказочного городка, а уж про цветы и говорить нечего, они были везде.

Наконец, они прибыли в королевскую резиденцию. Надо ли говорить, что дворец был великолепен снаружи и, видимо, еще более великолепен изнутри.

Маша с обидой в голосе воскликнула:

– Какие же мы огромные! Мы не сможем попасть внутрь! И что, нам теперь в окна только рассматривать дворец? Я внутрь хочу! – Даже топнула от досады ногой.

– Кто же тебе мешает попасть внутрь? – улыбнулся король. – Разве вы не волшебники? Вы можете превратиться в кого хотите, хоть в маленьких людей.

– Да она уже почти забыла, что волшебница, так ее мир людей захватил и его технические чудеса, – ответил ему Торн.

Не успели эльфы моргнуть глазом, как волшебники уменьшились и превратились в существ, очень похожих на эльфов, только без крыльышек.

– Ура! – завопила Айя. – Ты теперь такая же, как и я! И мы можем дружить по-настоящему, а то я устала от твоей огромности, не представляешь, как раздражает.

– Что ж, проблема решена. Прошу вас, – величественным жестом пригласил их король внутрь дворца.

Изнутри дворец был оформлен искусно, но не роскошно. Это было обычное, как сказали бы люди, жилище, с удобной в основном деревянной мебелью, лишенное пышности и помпезности, присущей дворцовому интерьерам.

– А где ваши слуги? – спросила Маша, не увидев внутри людей.

– У нас нет слуг, – отозвалась королева, – во дворце нам помогают добровольно. Заниматься уборкой и готовить обед – все-таки не королевское дело, это понимают даже эльфы. Впрочем, мы не люди, нам с обедом проще, – рассмеялась она, – но для гостей сейчас все будет, а пока присаживайтесь кому где удобно. – Она обвела рукой вокруг и показала на удобные низкие сиденья, похожие на кресла.

Усталые гости с радостью расположились на них, и нетерпеливый Алеша сразу же начал приставать к королю с вопросами:

– А зачем вы построили город? Здесь тепло всегда? Тогда зачем жить в домах?

– Помню, что я очень любопытный. Постараюсь ответить, думаю, что это интересно всем, – доброжелательно ответил король. – Здесь всегда тепло, зимовать нам не приходится, но здесь тоже бывают дожди, сильные ветры, жара, в домах удоб-

нее укрываться от непогоды и спать на кровати тоже гораздо удобнее, чем в цветке или даже гамаке. Хотя некоторые так и делают. Никто не заставляет эльфов строить дома, но нам здесь не от кого прятаться, как на Земле. Почему бы каждому эльфу не выразить свое представление о красоте и собственоручно не построить дом, а потом украсить его по своему вкусу? Здесь много песка и глины, мы делаем керамику и стекло. Разных сортов: смальту, хрусталь и обычное стекло, все это разных цветов и подходит для предметов от посуды до крыш и окон, даже стен. Вот, кстати, можете полюбоваться на посуду. – Он показал на эльфов, которые начали вносить в зал блюда и расставлять на столе.

Все с энтузиазмом потянулись к круглому столу и начали рассаживаться. В основном на блюдах были фрукты и ягоды, но для волшебников специально выловили рыбу, которую зажарили на открытом огне, и целое блюдо морских обитателей, похожих на раков.

– Вот это здорово, король понимает толк в угощении, не то что земные эльфы, – радостно сказал Торн, придвигая к себе блюдо с рыбой.

Маша тоже не заставила себя ждать.

– Да уж, фруктами меня сейчас не накормишь, я готова слона съесть. А откуда вы знаете, что эту рыбу можно есть, вы же толькоnectаром да фруктами питаетесь? – вдруг подозрительно спросила она.

– Не беспокойся, Маша, когда мы пришли сюда, Аяя притащила с собой котенка, и мы кормили его этой рыбой. Хорошо, что он был один, а то они могли бы расплодиться и охотиться на птиц. Теперь его давно нет с нами. И в этом мире мы не нашли пока хищников. Есть небольшие зверьки, чуть больше белок, есть много птиц и немного насекомых. Насекомые здесь безобидные, похожи на наших золотоглазок и бабочек. Они опыляют растения. Но растений, требующих опыления, очень мало, а здешние бабочки не плодят гусениц. Здесь даже пчел нет, поэтому нет меда.

– А откуда вы знаете, что здесь водится? – опять спросил штатный почемучка.

– Ты лучше ешь, успеешь еще со своими вопросами, – одернул его старший эльф.

– Я с удовольствием отвечу, это же я такой любопытный, – добродушно сказал король. – Мы уже давно обследуем наш мир и составляем подробную карту. Я потом покажу ее тебе. Экспедиции отправляются в разные стороны от города и всё наносят на карту. Мы основали еще три небольших городка, там тоже поселились эльфы, кому понравилось жить в той местности. Например, есть город на берегу большой реки, и на окраине степей, и на морском побережье, далеко отсюда. Теперь местность обследуется и оттуда. Интересно же знать все о мире, в котором живешь.

– Любопытный король – это что-то новенькое в моих знаниях о монархах, – вставил комментарий Торн.

– Ты прав, Торн, – согласился король, – я любопытен, но любопытство делает жизнь такой интересной.

– Постойте! – вдруг воскликнула Маша. – Какой котенок может быть у Айи? Для нее самый маленький котенок – это целый тигр.

– Этого еще не случилось с тобой, Маша, и ты не помнишь, – отозвалась королева. – Мы с тобой нашли в лесу маленького брошенного котенка, ты уменьшила его для меня, потому что не могла взять с собой.

– А мне любопытно, как ты справился с Айей? – сказал Торн. – Она так скромно ведет себя, это непривычно.

– Просто Айя – настоящая королева и знает, как себя вести, – ответил король и с нежностью посмотрел на нее.

– Наши эльфы в этом мире проявляют большую тягу к искусству, и королевский дом это поощряет, – продолжил король. – Они пишут стихи и пьесы, сочиняют музыку, поют, ставят спектакли, занимаются ремеслами. Кому что нравится, кто что умеет. И передают знания и навыки другим, кто желает научиться. Так мы стараемся не превратиться в насекомых, ведущих бессмыс-

ленную жизнь. Здесь наша функция как духов леса не слишком востребована. Град отвести, пожар потушить, но такие происшествия случаются крайне редко. Поэтому мы занимаемся всем, что интересно. Красивая посуда, ткани, украшения, предметы для дома – все изготавливают эльфы. В левом крыле дворца имеется большое помещение, куда каждый приносит сделанную вещь, которой хочет поделиться, и может взять любую понравившуюся. Своеобразный обменный пункт.

– О, так у вас тут настоящий коммунизм! – воскликнул Торн. – И что, не бывает конфликтов?

– Из-за чего нам конфликтовать, всем всего достаточно, – ответил король. – А если нечаянно и возникают, для этого имеется король. Но такие случаи на моей памяти редки. И всё делается добровольно, нравится – эльф делает, не нравится – не делает.

– А вдруг никто не захочет ничего делать? Например, охранять вход в пещеру? Или строить дом? Или ехать в экспедицию? Что тогда? – начал задавать вопросы Торн.

– Так не бывает, – твердо сказал король. – Эльфы дорожат мнением соплеменников, и каждому хочется выделиться чем-то хорошим, чтобы его уважали и хвалили, а еще лучше восторгались.

– Понятно, моральное стимулирование. Материальное, как я понимаю, отсутствует? Какой-то остров Утопия, – фыркнул Торн. – Маркса на вас нет. А если одним восторгаются, а другим нет? Что тогда? Зависть, обиды, вражда?

– Скрывать не буду, это бывает, эльфы тоже живые существа и ничто человеческое нам не чуждо. Но мы заговорились, гости дорогие, надеюсь, вы утолили голод и отдохнули. А впереди вас ждет сюрприз, который подготовили наши эльфы. Прошу пройти в соседний зал. Вас ожидает небольшое приветственное поздравление.

С этими словами король поднялся с места и направился к двустворчатой двери, которая распахнулась перед ними, гости оказались на небольшом возвышении, служившем сценой. Перед

ними, как в театре, сидели многочисленные эльфы, а в первых рядах путешественники с удивлением увидели знакомые лица. Со многими из этих эльфов они виделись вчера или на днях и не понимали, почему они смотрят на них с таким удивлением и даже восторгом.

— Это для вас вы виделись недавно, а для них прошли десятки лет. Они так давно вас не видели, очень соскучились, и вы можете пообщаться, — объяснил король.

После этих слов путешественников обступили десятки эльфов. Им жали руки, их обнимали и даже трясли, как будто проверяя на прочность и не веря, что они реальные, а не какой-нибудь мираж, который вдруг исчезнет. Особенно все старались поздороваться и поговорить со старшим эльфом, соплеменники любили и уважали его, но в их мире его уже не было, и все стремились как можно больше пообщаться с ним. В большом зале стоял шум и гам, так продолжалось до тех пор, пока король не поднял руку и не сказал, что сейчас нужно дать возможность выступить артистам и не заставлять их ждать и волноваться напрасно.

Импровизированный концерт был подготовлен в основном молодыми эльфами. Хотя и был составлен на скорую руку, отличался талантливыми номерами. Надо ли говорить, как эльфы любят праздники, а неожиданное появление соплеменников — отличный повод повеселиться и показать таланты. Эльфы пели, танцевали, читали стихи, а в конце даже показали гимнастические и военизированные упражнения. Особенно поражала музыка, которую сочиняли эльфы, казалось, сама земля рассказывает о своей жизни, то жалуется и плачет, то радуется и смеется, органично вплетаясь в общую тему шепот волн и шелест песка, шум дождя и гром небесный... Музыкальные инструменты страстно и надрывно пели, то вдруг раздавался пронзительный вскрик или выделялся один, который стонал в изнеможении, а потом все звуки вновь сливались в одно целое. И завороженные слушатели забывали о времени, уносясь в неведомые дали и бесконечный полет фантазии...

Торна же более всего поразила военная подготовка эльфов. Они так ловко управлялись с копьями и мечами, сделанными из обсидиана, что, представив, как сотни маленьких невидимых существ нападают на врагов, поражая их этими острейшими орудиями, почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Молодцы! – сказал он королю. – Вы такие молодцы! Откуда у вас столько обсидиана?

– Видимо, раньше здесь были активные вулканы, теперь эти горы очень старые, и обсидиан – вулканическое стекло – остался с тех времен, он залегает почти на поверхности. Когда старший эльф увидел эти запасы, он решил, что мы должны научиться постоять за себя. Ведь нам пришлось покинуть наш мир, потому что мы этого совсем не умели, – шепотом ответил король.

Когда выступления эльфов закончились, путешественников снова обступили знакомые эльфы. А день все длился и длился, хотя по их расчетам уже давно должна была наступить ночь, они очень устали.

Король заметил это и сказал:

– Нашим гостям пора отдохнуть. Вы забыли, что на Земле дни короче. У вас еще будет время, чтобы пообщаться, не всё сразу.

НАЗАД В БУДУЩЕЕ

Прошло несколько длинных и невероятно интересных дней. Путешественники радостно знакомились с неведомым миром, находя в нем всё больше приятного. Маленькие эльфы и Маша проводили время на берегу, и их ни за что было не вытащить из моря. Здешние обитатели учили их плавать, быстрее всех это получилось у Айи. Не прошло и двух дней, она уже плавала как рыба. С трудом, но Алеша и Маша тоже обучились плаванию. А еще они полюбили сидеть на берегу и смотреть на заход солнца, когда, подойдя к кромке воды, оно неожиданно ныряло в море. В это время небо и море окрашивались в красно-багров-

вые тона, как будто солнце, заканчивая свой день, поджигало и небо, и море, сжигая за собой мосты, словно не предполагало вернуться утром. Тихое днем, море начинало волноваться в этот момент и легким шелестом накатывало на берег, подползая к ногам малышни и стараясь лизнуть их, как игривый котенок. Ему это обычно не удавалось, потому что эльфы и Маша успевали отдернуть ноги. Неудача сердила море, и, отползая, оно шипело, словно рассерженный кот, снова и снова повторяя свои попытки.

Взрослые, хотя и отдавали дань морю, находили много приятного в беседах с новыми и старыми знакомыми. Их очень интересовало, как тут все устроено. Старший эльф хотел узнать, как они оказались здесь, что заставило часть эльфов покинуть родину и искать новое место для жизни. И однажды, когда в вечерний час к компании присоединились король и королева, он попросил короля рассказать, о тех временах, когда все случилось. Король задумался.

– Дедушка, это такая долгая история, что я даже не знаю, с чего начать.

– А ты начни с самого начала, – посоветовал Торн.

– Я и сам иногда думаю, с чего все началось? Скорее всего, со свадьбы твоей сестры, – задумчиво проговорил король, обращаясь к маленькой Аье.

– Кто бы сомневался! – фыркнула она. – Ее все же кто-то решился взять замуж?

– Тебе удалось притащить меня во дворец, я начал учиться вместе с тобой у придворных учителей, показывал большое рвение к наукам в отличие от тебя. Во дворце меня приняли и полюбили как родного, кроме, естественно, твоей злыдни сестры. Ее бесило, что я влюблен в тебя, и она постоянно доводила короля, стараясь втолковать, что я не пара принцессе. Но король не видел ничего дурного в нашей дружбе и считал, что древний и весьма уважаемый клан, к которому я принадлежу, ничем не хуже королевского. Нам исполнилось по пятнадцать лет. Я учился и уже

служил у короля, выполняя его незначительные поручения. Айя тоже полюбила меня, но король решил, что нужно подождать еще год, когда нам исполнится шестнадцать. Он собрался за этот год во чтобы то ни стало выдать замуж старшую принцессу. Не дело, когда младшая опережает, это может расколоть семью.

– Так он же собирался из дальних лесов приглашать ей женихов на праздники, – сказала Айя. – Что, и дальним она не по вкусу пришлась?

– Помолчи уже, – прервала ее королева. – По вкусу она приходилась многим, только ей было трудно угодить. Отпугивала всех высокомерием.

– Да, – согласился король, – всех распугала. Но однажды на праздник Лета занесло к нам принца, который оказался еще более самовлюбленным, чем она. Переплюнул нашу принцессу во вредности характера, и угораздило ее в него влюбиться. Король, долго не думая, согласие на женитьбу дал, ударили по рукам, и увезли ее далеко, но как оказалось, ненадолго.

– Что, ее муж выгнал? – удивилась Айя. – Такого среди эльфов не водилось.

– Нет, не муж, их обоих выгнали из королевства, потому что принц был самым младшим сыном и корона ему не светила. Начал принц интриги плести и нарывался на высылку вместе с женой.

– Не иначе, его сестра подзуживала, страсть, как ей хотелось быть королевой, – опять перебила короля Айя.

– Айя, может быть, ты вместо короля все расскажешь? – возмутилась королева. – Какой же несносной я была, оказывается.

– Вместе с принцем и принцессой прибыли некоторые его соплеменники, – как ни в чем не бывало продолжал король, – около пятидесяти эльфов. Началось у нас в лесу двоевластие, принц завел собственный двор, а его эльфы вели себя вызывающе и даже начали обижать наших эльфов. У них было оружие – тонкие металлические пики, и однажды принц явился на совет со своими прихвостнями, потребовал назначить выборы короля. На основании того, что король уже стар, неправля-

ется с королевскими обязанностями, племени нужен молодой король, то есть он сам.

– Вот гад! – возмущенно воскликнул Алеша.

– Именно, но часть совета поддержала его, и начался в племени раскол. Часть кланов была за старого короля, а часть требовала преемника. Видимо, на них уже до совета оказали влияние. Видя такое положение, король принял решение собрать расширенный совет и провести выборы. Наш король был демократ, его самого сотни лет назад выбрали на совете, и другого способа он не представлял. Хотя был наслышан, что в других эльфийских племенах королевская власть передается по наследству. Только все случилось иначе. За несколько дней до совета король умер.

– Папа умер? – воскликнула Айя и залилась слезами.

– Ну что ты, девочка, не плачь, это случится не скоро, – обняла ее за худенькие плечи королева. – Ты еще лет десять будешь с ним, мы ведь рассказываем про ваше будущее. Это все случится не сейчас.

Но Айя уткнулась лицом в ее плечо и рыдала так, что король был вынужден прервать рассказ, и все принялись утешать принцессу. Когда, наконец, она успокоилась, он продолжил:

– Однажды в полдень в лесу раздался легкий звон, как будто лопнула струна, и все бросились к тому месту, эльфам ли не знать, что означает этот печальный звон. Когда вокруг тела короля собралась толпа, все было уже кончено. Тело окутала легкая дымка, и с нежным хрустальным звоном из-за этого полога начали разлетаться, как будто с одуванчика, легкие белые, слегка переливающиеся на солнце частички. Толпа эльфов стояла в скорбном молчании, а когда частицы перестали разлетаться, дымка рассеялась, на земле уже никого не было.

Король замолчал, погруженный в воспоминания, а потом заговорил, его лицо было невыразимо печально:

– Многие предполагали, что король умер не сам, но доказательств не было, тела эльфов исчезают, да и не бывало в нашем

племени таких страшных преступлений. Никогда эльфы не убивали друг друга, и поверить в это было трудно.

После положенного траура принца избрали королем, и начались у нас совсем другая жизнь. Новый король завел новые порядки. Начал он с перестройки дворца, и на этих работах должны были трудиться все эльфы. Тех, кто отказывался, а эльфы привыкли к вольной жизни и не собирались ее менять, подручные короля заставляли силой. И что могли противопоставить эльфы, которые никогда не сталкивались с насилием?

Особенно тяжело пришлось Аье и мне. Мы с ней поженились после отъезда сестры и жили во дворце одной семьей. После смерти короля из дворца мы убрались сразу, но новый король не забыл, что я был придворным, и требовал исполнения обязанностей. Ведь меня учили много лет королевские учителя, и, по его мнению, я должен был отрабатывать долг. Король был еще не самой большой напастью. Сделавшись королевой, сестра злыдня стала злыдней королевой. Именно она стала требовать от эльфов уплату королевской дани. Каждый эльф должен был делать для королевского дома красивые вещи, предметы роскоши. Эльфы, которые не умели делать ничего красивого, могли утащить что-то необычное и красивое у людей. Она окружила себя пышным двором, в котором были самые искусные танцоры и певцы, ей полагалось сочинять хвалебные баллады, петь прославляющие ее красоту песни. Аию она ненавидела и старалась отравить ей жизнь. И даже то, что ее не было в королевском дворце, не останавливало новоиспеченную королеву.

Начались гонения и на старшего эльфа, новый король боялся и не доверял старому мудрому эльфу, возглавлявшему один из самых многочисленных кланов. Да и старший эльф не скрывал своего отношения к королю, частенько спорил с ним на советах, пока король их вообще не упразднил. И все больше крепло у старшего эльфа убеждение, что нужно уходить из этого леса, потому что чем дальше, тем будет хуже. Однажды, читая свою любимую книгу, старший эльф заметил на полях странную надпись, которая

была очень похожа на заклинание, – адрес неведомого мира. Откуда взялась эта надпись, старший эльф не знал, но помнил, что когда-то они с Торном собирались отправиться в путешествие по неведомым мирам, но что-то им помешало. Старший эльф поделился своей находкой с Алешей, и тот с энтузиазмом откликнулся на эту информацию.

Все, как всегда, случается внезапно. Однажды Айя, не выдержав откровенных издевательств сестры, треснула ее по голове зеркалом, которое разбилось, один из осколков даже поранил королеву. Что после покушения на жизнь королевы можно было ожидать от королевского дома? Заточение или смертный приговор, никак не меньше.

– Вот, опять я во всем виновата, – вздохнула Айя, – но как долго я могла бы терпеть от нее унижения? Все равно это бы плохо закончилось, а она специально меня провоцировала, чтобы казнить, я в этом уверена. Я ей как кость в горле.

– Пришлось нам с Айей срочно бежать. Почти весь наш клан согласился уйти в неведомое, лишь бы быть подальше от новых порядков. Так случился наш исход. Мы ушли в портал и вышли в этом благословенном месте. Повезло, могли пропасть, но адрес оказался верным. Откуда он у старшего эльфа взялся, мы не знаем, может быть, Торн раздобыл в каких-то старинных книгах, – закончил свой рассказ король.

– Я тоже не помню про адрес нового мира, – отозвался Торн. – Видимо, он появился у нас позже.

– А когда мы вернемся, все будет именно так, как вы рассказали? – спросил Алеша.

– Не факт, – ответил старший эльф, – это один из вариантов будущего.

– А мы можем погибнуть? И что случится здесь? Все исчезнут? – продолжал спрашивать Алеша.

– Нет, – не очень уверенно ответил Торн, – здесь никто не исчезнет, это будущее уже случилось. А что будет с вами и нами, еще не определено, у нас есть свобода выбора.

«Лучше бы ее не было, этой свободы выбора, меня вполне устраивает это будущее», – пробормотал про себя Алеша.

К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ЛЮБОПЫТСТВО

Торна больше всего интересовало, насколько этот мир огромен или мал и что находится в землях, которые эльфы еще не обследовали. Его интересовало, остров ли это, материк, есть ли еще другая суша в этом мире, кто там может жить? Он внимательно рассматривал карту, которую уже составили эльфы, и его сжигало любопытство: что же находится там, за границами уже известного эльфам мира?

У него возник план, и он поделился с королем.

– Послушайте, Ваше Величество, – начал он, до этого момента ему удавалось обходить этот титул и в то же время не называть короля Алешей.

– Торн, ты что? Забыл, как меня зовут? – перебил его удивленный король.

– Я прекрасно помню, как вас зовут, но одновременно с вами здесь находится еще один Алеша. Чтобы избежать путаницы, я хотел бы обращаться к вам именно так, – пояснил Торн.

Король пожал плечами:

– Ну как хочешь.

– Так вот, – продолжил Торн, – здесь очень много силы, она повсюду, поэтому я могу здесь свободно перемещаться в пространстве. Не использовать ли нам эту способность и не ускорить процесс знакомства с новым миром? А то вы на своих крыльышках нескоро его обследуете.

– Какая хорошая идея! – обрадовался король. – А как ты собираешься это сделать? Разве ты умеешь перемещаться в незнакомое место?

– Ты можешь внушить мне образ этого места, и я туда перемещусь. Мы могли бы с тобой отправиться в самый дальний ваш

город, взять парочку эльфов, которые умеют составлять карты, а уже оттуда отправиться дальше и, перемещаясь на небольшие расстояния, рисовать карту местности и узнавать все об этом мире.

– Что ж, план хорош. Завтра с утра и отправимся, – принял решение король.

Наутро король объявил королеве, что хотел бы навестить город на большой реке и вместо сопровождения с ним отправится Торн.

– Ты больше ничего не хочешь мне сказать? – подозрительно спросила королева, справедливо полагая, что эти двое наверняка что-то задумали.

– Нет, дорогая, не беспокойся, я просто покажу Торну наши дальние рубежи, а тебе лучше оставаться в столице с другими гостями.

– Конечно, мы же гостеприимные хозяева, – вежливо сказала королева, но от ее взгляда король почувствовал себя неуютно, ведь с того времени, как эльфы появились здесь, они все делали вместе и были неразлучны.

Переместились они мгновенно, и не успел король осознать это, как они уже стояли на берегу живописной и полноводной реки.

– Никогда не мог привыкнуть к этой твоей способности. Вот бы мне так.

– Каждому свое, ты тоже умеешь многое, что мне недоступно. Хотел бы я управлять атмосферными явлениями, но, увы, – отозвался Торн.

Пока они обменивались комплиментами, их заметили горожане и радостно приветствовали короля. Он не так уж часто жаловал их посещениями. Местность вдоль реки была скорее степной, только перемежалась небольшими рощицами. В одной из таких рощиц эльфы и устроили городок. Берег, на котором они находились, был крутой, а противоположный – пологий, и бескрайняя степь простиралась до самого горизонта. Дома в городке строились в основном из глины, самого доступного материала,

который добывали на берегу реки. Глина обжигалась, и получалось нечто средне между керамической плиткой и кирпичом. Добавлялись еще и разнообразные красители, поэтому она получалась разноцветной. Выглядело это чрезвычайно нарядно, и Торн не уставал восхищаться умением эльфов создавать вокруг себя красоту.

Получив в свое распоряжение двух эльфов, которые умели рисовать карты, путешественники переместились на другой берег реки, который эльфы еще не успели обследовать. Оставил одного из картографов наносить на карту реку вниз по течению, Торн и король переместились дальше за казавшуюся бескрайней степь. Степь закончилась великолепной дубравой. Там росли многолетние мощные дубы, а на поляне перед дубравой, пощипывая сочную траву, паслись несколько белоснежных коней.

– Ух ты! – воскликнул Торн. – Оказывается, тут водятся нормальные животные. Давай подлетим поближе, я так люблю лошадей, а на Земле их теперь редко увидишь.

Когда же они очутились в непосредственной близости, то замерли в изумлении.

– Ничего себе! Я такое только в детстве видел, – прошептал Торн.

А король недоуменно смотрел на светлое животное, которое отделилось от стада и неспешно приближалось к ним. Это был бы великолепный конь, если бы во лбу у него не находился белоснежный рог. Белоснежный красавец встряхнул гривой, строго и немного насмешливо посмотрел на незванных гостей.

– Единорог... – тихо, почти про себя сказал изумленный король.

– Точно так, – услышал его шепот Единорог. – Вы не так безнадежны. А вот мы чем обязаны столь внезапному посещению?

– Мы обследовали земли, в которых раньше не бывали, – еще находясь в ступоре, отозвался король.

– Интересно, это вы от людей исследовательского пыла набрались? Или Земля – такое место неспокойное? Всё им на месте

не сидится, всё они что-то исследуют, бродят, завоевывают, – недобritoельно сказал Единорог.

– А вы знаете, откуда мы пришли? – спросил король.

– Неужели вы думаете, что без спросу вломились в Волшебную страну, а ее обитатели даже не знают, кто вы? Конечно же, мы все о вас знаем и позволили вам жить здесь. В конце концов, вы волшебные существа и тоже имеете на это право. Но кто же вам позволит бродить там, где вам заблагорассудится?

– Мы... мы не знали, что это Волшебная страна, – заикаясь, ответил король, мы думали, что нашли новый мир, и пытались выяснить, что он из себя представляет. Вот и всё.

– Выяснили? – насмешливо спросил Единорог. – А теперь отправляйтесь восвояси и не вздумайте больше переходить реку. Считайте, что это граница вашей страны. На западе пусть границей служит основанный вами город, не разрушать же теперь его. Раз вы проявили такой непоседливый нрав, отныне ваши земли будет ограждать невидимая защита, через которую вы не сможете проникнуть. И поверьте, это будет защита для вас, не все обитатели Волшебной страны так миролюбивы, как мы.

– Это значит, мы будем жить под домашним арестом? – спросил король.

– Помилуйте, какой арест? Вы абсолютно свободны. Вас тут никто не держит, вы всегда можете уйти обратно. Но здесь существуют особые правила: живущие в Волшебной стране должны быть защищены друг от друга. На этом прощайтесь, надеюсь, мы больше не увидимся, – величественно проговорил Единорог и плавно удалился, даже не шевеля ногами.

За все время разговора короля с Единорогом Торн не проронил ни слова, и как только Единорог отошел, быстро переместил их на берег реки.

– Вот это да! – воскликнул Торн, как только они оказались в дозволенном месте. – Ни за что не поверил, если бы не видел их собственными глазами! – в голосе его звучал восторг, смешанный с благоговением.

– Нет! – воскликнул король, в ярости топнув ногой. – Нет, ты посмотри, какое высокомерие! Какая величественная наглость! Мы для него всего лишь мелкие мошки, мешающие травку щипать!

– И напрасно ты сердишься, – примирительно сказал Торн, – кто мы и кто он. Это же Единорог! Он снизошел до разговора с нами – это честь. Эх, молодежь, ничего вы не знаете, не понимаете.

– Уж честь так честь, век не забуду, – уже более спокойно сказал король и продолжил после минутного молчания: – Надо вернуть нашего исследователя, его работа потеряла всякий смысл.

Король отправил за ним другого эльфа, который тоже видел Единорога и был не менее них изумлен. Пока Торн с королем отдыхали, подкрепляя силы, прибыли картографы, и король собрал городское собрание. Он объяснил горожанам требования, которые им выдвинули, сообщил о запрете пересекать реку. К его удивлению, горожане восприняли это известие спокойно, никто особо в неизведанные земли не рвался, им хватало места и на этом берегу. Да, собственно, зачем эльфам степь?

Перед возвращением король сказал Торну:

– Я отправился сюда предводителем эльфийского племени, королем, а возвращаюсь нищим, которому богатые родственники позволили пожить в чуланчике их большого дома.

Он помолчал и печально продолжил:

– Да еще и нос из чуланчика не велели показывать. Нам позволили остаться здесь, и это унизительно.

– Не преувеличивай, – отозвался Торн. – Чуланчик прекрасен и просторен. Не вижу никакого унижения. И при чем тут чуланчик? Нахватался у людей. Ты хоть знаешь, что это такое?

– Это место для всякого хлама в доме, – пробурчал король.

– Мальчишка, – с досадой сказал Торн, – вас, скорее, поместили в заповедник. А что делать хозяевам, если дом населен привидениями и чудовищами? Они заботятся о вас.

– Ты даже не представляешь, насколько давно меня так никто не называл, – король улыбнулся и обнял Торна.

– Зато теперь знаешь, куда вы попали. И потом, что бы вы стали делать, если бы вам не позволили тут жить? Ведь, учитывая ваш беспокойный нрав, такое вполне возможно.

– Согласен, – немного подумав, сказал король, – еще как могли. Но мы не слишком продвинулись в понимании этого мира, – продолжил он, – мы не знаем, как он велик, кто здесь обитает, какое место мы занимаем среди волшебных существ.

– «Во многом знании есть многие печали», – процитировал Торн. – Я надеюсь, вы никогда этого не узнаете, к вашему счастью. Может быть, пора отправляться в столицу?

Они мгновенно переместились обратно. Король и тут собрал всех эльфов и объявил новые сведения об их чудесном мире. Он передал соплеменникам все, что сказал ему Единорог, умолчав только о том, какие негативные эмоции он испытал при этом. Так эльфы узнали, что являются гостями Волшебной страны и ее жители уже давно притглядывают за ними, не возражая против их появления здесь. Место, где они живут, теперь официально является территорией эльфов. Попытки выйти за ее границы опасны для них самих, и исследовать этот мир никто больше не будет.

В отличие от короля эльфы восприняли это известие с облегчением, наконец, они знают, куда попали и где сейчас живут.

– Я думаю, вы молодцы, ясность всегда лучше неизвестности, – выразила общее мнение королева.

Больше всех обрадовался этому известию старший эльф, в детстве он слышал о существовании Волшебной страны, и вот, оказалось, это правда.

– Довелось мне побывать в Волшебной стране на старости лет, – радостно сказал он королю, – не каждому такая удача выпадает. Зачем вы меня с собой не взяли? Как бы я хотел встретиться с Единорогом.

– И нас, и нас! – тут же встремили малыши. – Почему же нас не взяли?

– Я бы хотела на Единороге покататься! – воскликнула Аяя.

– Вы соображаете, на ком кататься собирались, Ваше Высочество? Единорог – это могущество, которое противостоит силам тьмы и поддерживает равновесие во Вселенной, – прервал их старший эльф. – А вы хоть знаете, что такая встреча – к большой удаче? Он ведь может любое желание исполнить, – обратился он к Торну и королю.

– Знаешь, дедушка, нам было не до желаний, – ответил король. – Да кто думал, что мы кого-то встретим. Мы же просто отправились в техническую командировку, карту рисовать.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пошла вторая неделя пребывания путешественников в Волшебной стране, и старший эльф объявил, что как ни прекрасно в гостях, но нужно возвращаться домой. Тем более что они не представляли, сколько времени прошло на Земле и что ждет их по возвращении. Алеша, Аяя и Маша с Торном не торопились возвращаться, но хочешь не хочешь, а подошел день прощания.

Чтобы избежать излишнего драматизма, Торн прямо из королевского дворца переместил путешественников сразу в пещеру. Они и опомниться не успели, как перед ними зазмеилась путеводная огненная полоса. Как ни противилась детвора, пришлось отправиться домой. Волшебники приняли свой обычный облик, посадили эльфов на плечи и через пару часов вышли из пещеры на такую родную и знакомую поляну. Уже стемнело, и Торн, набравшийся силы, мгновенно переместил всех в городской дом. Путешественники чувствовали себя такими усталыми, что не стали ужинать, а упали на кровати, едва раздевшись, и заснули крепким сном.

Когда они проснулись, на календаре снова была дата похода в пещеру, и они не помнили про путешествие в Волшебную страну. Как ни в чем не бывало они начали собираться в путешествие, и только Аяя сказала:

– Какой сон мне замечательный снился, как будто мы все вместе были на море, и я научилась плавать.

– Мне тоже снилось что-то ужасно интересное, только я забыл, но очень хорошее, – мечтательно поддержал ее Алеша.

– Это мы вчера телевизора насмотрелись, – откликнулась Маша. – Я тоже всю ночь то плавала, то рыбок красивых ловила.

Тут их воспоминания о снах были прерваны Торном, который уже был готов к перемещению. И они мгновенно очутились возле пещеры.

– Ваше Высочество, – услышала Айя голос одного из придворных, – почему вы так быстро вернулись? Вам не понравилось в городе?

– Наоборот, очень понравилось, – отозвалась Айя, с недовольством разглядывая не к месту объявившегося эльфа. – Я решила вернуться и попросить Его Величество отпустить меня на неделю. В мире людей так много интересного, мне очень хочется задержаться там подольше, и я не хочу, чтобы он напрасно волновался, – добавила хитрая девчонка.

Пришлось компании отправиться во дворец, встретиться с королем, который был удивлен появлением Айи, а больше всего ее желанием не волновать его. Айя не помнила, что отец должен умереть в ближайшем будущем, но ее привязанность к отцу возросла многократно, а тревога за него усилилась. Видимо, от удивления король снова отпустил ее в город, и они вернулись обратно в дом Торна.

Решение не лезть в пещеру пришло ко всем одновременно.

– Раз мы наткнулись на придворного – это препятствие, явное предупреждение, – сказал старший эльф. – Нам не следует туда идти.

Он и раньше не был сторонником путешествий по неведомым мирам и поддался только на уговоры Торна. Но в этот раз Торн, как ни странно, тоже не рвался в портал и согласился с ним. И даже Айя решила, что находиться в городе гораздо интереснее, чем бродить по холодной мрачной пещере.

Стояло жаркое лето, и эльфы с удовольствием резвились в прекрасном саду Торна, купались в бассейне, смотрели телевизор, кино и много мультфильмов. Частенько они, сделавшись невидимыми, отправлялись с Машей на прогулку по городу, забредали в парки развлечений и безбилетно пользовались вместе с ней разнообразными аттракционами, которые и самой Маше были в диковинку. Один раз они с Торном и Машей даже посетили театр. Все удивляло маленьких эльфов, а больше всего автомобили, которых было полно на дорогах, и они передвигались с шумом и ревом, выпуская клубы дыма, как огнедышащие драконы. Драконов маленькие эльфы, конечно, в жизни не видели, но представляли именно такими: ревущими, огнедышащими и очень быстрыми. Впрочем, на драконов больше походили самолеты. Они летали на большой высоте, оставляя за собой след в виде тонкой облачной полосы, а когда взлетали, издавали страшный шум, от которого любой дракон наверняка упал бы в обморок.

Но все хорошее когда-нибудь кончается, закончилась городская вылазка маленьких эльфов, и они вернулись в лес. Жизнь пошла своим чередом, а Алеша по настоянию Айи, которая не хотела с ним расставаться, и старшего эльфа, который считал, что от учебы большая польза, начал учиться в королевском дворце вместе с Айей.

А Торн и Маша остались в городе. Однажды вечером Маша, разбиная свои вещи, наткнулась на небольшой округлый камешек, пестрый, с непонятными узорами и прожилками, гладкий на ощупь, как будто специально отполированный. Откуда он взялся, она не помнила, решила, что, наверное, выменяла его у какого-нибудь мальчишки. Камешек был явно морского происхождения, и смутная тоска, ностальгия по неведомому охватила Машу. Она так давно мечтала увидеть море и побежала в комнату к отцу.

– Пап, я хочу на море, – заявила она, – ты мне давно обещал.

– Раз обещал, значит, поедем на море, – согласился Торн.

Сказано – сделано, и Маша с Торном навсегда переедут в белый город на берегу моря, а Маша с удивлением поймет, что умеет

плавать. Откуда у нее, не видевшей моря, эта способность, она никогда не узнает. Только иногда, катая в руке любимый камешек, ставший ее амулетом, Машу будут посещать смутные видения о неведомом прекрасном мире. Для нее общение с эльфами не пройдет даром. Она полюбит всякую живность и будет вносить посильный вклад в ее сохранение. Повзрослев, Маша станет известным биологом, объездит всю Землю, будет снимать фильмы, напишет кучу книг, и ее (без применения волшебства) станут называть доброй волшебницей. А однажды, объединив усилия, они с отцом купят большой кусок земли и устроят на ней просторный сафари-парк, в котором будут сохранять исчезающие виды животных, где найдут убежище звери и животные, нуждающиеся в помощи.

Эльфы останутся в своем лесу, и их будущее сложится именно так, как уже известно. Но хочется верить, что однажды, уже в Волшебной стране, король скажет королеве:

– Мы поступили так же, как и наши предшественники, ушли, оставив родные края, но жить в Волшебной стране много ума не надо, а вот бороться со злом и побеждать могут не все. Может быть, вернемся?

У его верной спутницы глаза загорятся от предвкушения трудностей и опасностей тем светом, за который он полюбил ее, и, оставив королевство в управление доверенным эльфам, королевская чета отправится на Землю. И кто знает, может быть, однажды пути-дороги друзей пересекутся, и они сделают всё, чтобы люди на Земле начали верить в волшебство, а чудеса происходить все чаще и чаще. Ведь чудеса случаются в нашей жизни, особенно если их делать своими руками.

*Маленькая повесть
о маленькой девочке*

ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА (ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ)

Девочка беззаботно жила-была в своем детстве, которое пришлось на самое счастливое время во всем двадцатом веке. В середине шестидесятых годов в стране были залечены раны войны, восстановлены разрушенные города, строились новые, «наши космические корабли бороздили просторы Вселенной», а от капиталистов народ защищала Советская армия, у которой для этого имелась атомная бомба. Страшные годы войн, репрессий, разрухи и голода миновали, а время застоя еще не началось. Это было очень бодрое время, время энтузиастов и романтиков, и все верили, что впереди – самое светлое будущее и победа коммунизма во всем мире.

В то милое и наивное время двери подъездов никогда не закрывались, даже квартиры запирали, только когда уходили по делам, а ключ прятали под коврик. Взрослые не водили детей в школу и на прогулки, дети гуляли без присмотра и были предоставлены сами себе. Они весь день свободно бегали по подвалам, чердакам, новостройкам и знали множество самых интересных игр. Когда ребенка нужно было позвать домой, мама или бабушка выходила на балкон и кричала на весь двор: «Маша, домой!», «Сашка, ужинать!».

И Девочка, конечно, тоже жила насыщенной жизнью, полной невинных детских приключений и проказ. Но однажды детство закончилось, а воспоминания о нем еще долго жили в памяти, пока не вылились на бумагу.

ПОТЕРЯШКА

Однажды в теплый летний вечер мама затеяла уборку и сказала: «Ну-ка, гаврики, нечего толкаться у меня под ногами, отправляйтесь на улицу».

«Гаврики» – мамино любимое словечко, и папа с Девочкой радостно отправились на прогулку. Стоял тот вечерний час, когда

солнце раздумывает, отправиться ему уже на покой или немного побывать на небе, понежиться самому и понежить людей. Косые солнечные лучи приятно ласкали, утомленный ветер дул лишь слегка, показывая, что он существует на белом свете, едва шевеля листву, волосы и женские юбки.

Они решили пойти на водную станцию, в просторечии имеемой просто «Водная». Это было любимое место отдыха горожан, там имелись пляж, прокат лодок, волейбольные и баскетбольные площадки и много еще разного и интересного. Гуляли возле реки, а вокруг были лужайки, росли деревья, кустарники и полевые цветы.

Все окружающее приводило Девочку в восторг, потому что на Водной она бывала редко. Чаще она гуляла на улице возле дома под присмотром старших детей из их двора. А сейчас она бегала по лугу, собирая цветы, названия которых еще не знала. Хотя нет, она знала слово «ромашка» и говорила его чисто, не картавила. Она вообще хорошо говорила многие слова, потому что взрослые с ней никогда не сюсюкали. Цветы она собирала в кулечек и, подбегая к отцу, хвалилась: «Посмотри, какие ромашки».

Отец благосклонно рассматривал цветы и даже нюхал их, чем приводил Девочку в восторг. На него этот чудесный вечер подействовал положительно. Обычно отец шел огромными шагами, закинув руки за спину, и напряженно думал о чем-то своем, а Девочка бежала вприпрыжку, потому что ее крепкие ножки не спасали за ним. В этот вечер отец ходил медленно, рассказывал веселые истории, и они много смеялись.

Солнце постепенно опускалось на теплую перину из облаков, слегка подсвечивая их розовато-сиреневым цветом, и светило совсем уже лениво. Начали попискивать комары, проголодавшиеся за день. Засобирались домой, потому что у нее и у отца была с комарами неразделенная любовь: комары их любили, а они комаров нет. У Девочки от комаров получались огромные отеки, которые потом долго не проходили. И вот среди этого писка ей послышался писк погромче. Сначала она не обратила внимания, но писк не

прекращался, он становился то громче, то совсем затихал. «Что-то пищит», – сказала Девочка отцу.

Он прислушался и тоже услышал тихий отчаянный писк. Отец сразу понял, что это птенец вывалился из гнезда, и они начали его искать. Писк шел от земли, громкость постоянно менялась, понять, откуда он идет, было трудно. Она встала на коленки и ползала по земле. Наконец, уже в серых сумерках они наткнулись на ямку, в которой сидел желтый птенец. Ямка была неглубокая, но в рост птенца, и выбраться без посторонней помощи он не мог. Отец достал утенка (а это оказался утенок) и поместил в свою кепку. Кепку с птенцом он отдал Девочке, посадил ее себе на плечи, и они быстро пошли домой, потому что уже совсем стемнело. Девочка ехала на плечах отца, прижимала к себе кепку, в которой сидело спасенное ими существо, и гордости ее не было предела.

Птенец, видимо, почувствовал, что попал в надежные руки, и затих. А может быть, согрелся в тепле отцовской кепки и понял, что спасен. Глаза его то подергивались мутной пленочкой, и он почти засыпал, то приоткрывались, и он пытался разглядеть, куда попал. Девочка держала кепку в руках и боялась дышать на это крошечное существо, только иногда проводила пальчиком по нежному легкому пуху. И почему-то это нисколько не смущало птенца, будто его всю жизнь носили в кепках и тихонько гладили.

Домой они пришли затемно. Мама уже закончила уборку и волновалась, ожидая их. «Я не знаю, куда мне бежать, где вас искать. Разве так можно? Что с вами случилось?» – встревоженно расспрашивала она их.

Показали птенца, и, увидев его, мама все поняла и растаяла от умиления. Птенца накормили крутым мелко нарезанным яйцом, их с папой – ужином, и все легли спать. А кепку Девочка пристроила рядом с подушкой, ночью несколько раз просыпалась, но увидев, что птенец тоже спит, засыпала совершенно счастливая.

Утром птенца отдали соседской бабе Маше, у которой водилась разная живность. Она подложила птенца утке, и та приня-

ла потерянку. Так птенец нашел свою вторую семью. А Девочка сначала горько плакала, но мама объявила, что в их семье птенец жить не сможет: «Он же погибнет у нас, птенцу тоже нужна мама».

Так утенок остался жить в их дворе, а когда подрос, выяснилось, что он умеет летать, и пришлось подрезать ему крылья. Он оказался дикой уткой, а птенцы дикой утки – серые. Только почему он был такой желтенький, непонятно. Может быть, Девочке так запомнилось, а какого он был цвета на самом деле, кто ж теперь знает.

ТЕАТРАЛКА

Девочка родилась первого декабря. Ей исполнилось четыре года, и мама сделала необычный подарок: повела Девочку в кукольный театр.

Кукольный театр находился на первом этаже красивого здания рядом с краеведческим музеем. Возле двери в музей стояли две старинные пушки, а рядом с пушками лежали настоящие ядра. Говорили, что все это привезено из старой городской крепости. Пушки были любимы всей городской детворой, и Девочка часто бывала в этом месте, она с родителями жила неподалеку. Отец всегда сажал ее на пушку, и она гордо посматривала на всех с высоты, но в театре никогда не бывала.

Стоял первый день зимы, но было так морозно, как будто зима в самом разгаре. Хотя еще пару дней назад шел дождь и кругом стояли лужи, в которых противно хлюпали ноги прохожих. Как всегда неожиданно, ударили морозы, сразу насыпало сугробы, и зима вступила в свои права.

Девочка так замерзла, что даже не посмотрела на любимые пушки, они с мамой быстро юркнули в дверь рядом с музеем. Вместе с ними в холл кукольного театра ворвались клубы морозного воздуха и закрутились по полу, постепенно рассеиваясь в углах. Когда морозный воздух растаял, Девочка ахнула от

восторга, ей показалось, что они попали в сказочный дворец: двери с массивными золотыми ручками, малиновые бархатные портьеры, подвязанные золотыми витыми шнурами, огромные зеркала от пола до потолка. Она еще не знала такого слова «холл», но здесь его все произносили, поэтому оно ей очень понравилось. Слово было короткое, звучное, таинственное и подходило этому помещению.

— Пойдем раздеваться, нам с тобой нужно в гардероб, — сказала мама.

— А что такое гардероб? — спросила Девочка. Это слово она тоже слышала впервые.

— Это такое место, где люди сдают одежду на хранение, а им выдают номерки. Когда спектакль закончится, по этим номеркам вернут нашу одежду, — терпеливо объяснила мама. — Ты у меня совсем не смышленая, нужно чаще с тобой в люди выходить.

Они разделись, вышли в холл, туда, где были роскошные зеркала, и остановились, чтобы посмотреть, как они выглядят. «Какие же мы с тобой маленькие», — удивились Девочка, но мама ничего не ответила, только засмеялась.

Отражение в зеркале им понравилось. Девочка была наряжена в платье цвета морской волны, а на большом кармане красовался красный тюльпан. На маме был красный костюм, который очень шел к ее каштановым волосам и немного бледному лицу, оживляя его. Вдоволь налюбовавшись отражением, они прошли в зрительный зал. Тут тоже все было очень красиво: яркие люстры, красные бархатные кресла, а небольшая сцена с черным занавесом выглядела немного таинственно. В креслах сидели нарядные дети и их родители и с радостным любопытством ждали представления.

Мама с Девочкой тоже заняли свои места. Свет в зале погас, светло было только на сцене. И началось волшебство: занавес раскрылся, на сцену выскочил маленький хорошенчик оленёнок, со смешными рожками и коричневой шкуркой в пятнышках. Он говорил чудным голоском, тоненьkim и ненастоящим. Девочка

смотрела и удивлялась, почему эта игрушка двигается. Понимала, что это игрушка, у нее дома имелись игрушечные звери, но они ничего не говорили и не двигались. Это ее очень забавляло, а тут еще на сцену выскочили другие звери, и они тоже разговаривали тоненькими голосами, а иногда начинали петь веселые песенки. Девочка поняла: эти звери были друзья олененка.

И вдруг из темноты на освещенную сцену выполз страшный зеленый крокодил, он схватил оленёнка огромными зубами и потащил в темноту. Оленёнок испуганно кричал и звал на помощь... Короче, спектакль на этом приостановился, потому что Девочка стала громко кричать и плакать на весь зал. Она ужасно испугалась за оленёнка, стало его жалко и страшно, что сейчас крокодил съест его на глазах всего зала. Девочка почему-то сразу забыла, что оленёнок всего лишь игрушка. Другие дети тоже стали плакать, и Девочку с мамой попросили покинуть зал. Они долго стояли в красивом зеркальном холле, а мама уговаривала ее: «Ну, чего же ты испугалась? Ты же у меня храбрая. Давай вернемся в зал, ты увидишь, все будет хорошо, это же сказка. Оленёнка спасут, а крокодил получит по заслугам. Разве ты не хочешь этого увидеть?»

Но вернуться в темный зал, где живет страшный крокодил, было выше ее сил. Пришлось идти домой. Такой была первая встреча Девочки с искусством, со всех сторон потрясающая, что не помешало ей в будущем стать большой театралкой.

«СЕКРЕТИКИ»

Одним из увлечений детворы было делать «секретики». Дело это непростое: находилось укромное место, выкапывалась в земле ямка и наполнялась самыми красивыми ребячьими вещичками. Все шло в дело, главное, что хозяин считал эти предметы красивыми: фантики, пуговицы, цветные стеклышки, необычные камешки, отдельные бусины и даже ракушки, которые были большой редкостью, поэтому ценились особо. Потом в ямке нужно было красиво расположить эти предметы и сверху прикрыть

осколком стекла, чтобы земля не попадала на них. Стекло засыпалось землей и тщательно маскировалось от «врагов». Считалось, что это занятие для девчонок, мальчишки над их увлечением презрительно насмехались: «Девчачьи секреты».

Но сами втайне тоже сооружали «секретики», и не находилось там никаких цветочков, бусинок. Это были настоящие мужские тайники. Обычно туда помещалась пряжка от солдатского ремня или солдатские пуговицы, монетки братских стран. Само собой, там могли встретиться солдатики, крошечные модели танков или машинок.

Вся детская жизнь сосредотачивалась вокруг них. «Секретики» можно было с затаенной гордостью показывать подружкам и радоваться, видя, что получилось хорошо и тебе завидуют. В ответ принято было делиться своим «секретиком». Вокруг них разыгрывались настоящие детские драмы, случались предательства, когда подружка выдавала секрет недругам. Или «враги» выслеживали и разоряли его, забирая самое ценное. А иногда «секретики» служили проявлением первых романтических чувств, когда мальчик или девочка показывали друг другу свои тайники и клялись никому не выдавать. Все чувства проявлялись в этом незатейливом увлечении: симпатия, верность, первая робкая влюбленность, зависть, предательство, так незаметно для себя маленькие люди проходили школу жизни.

Однажды в жаркий солнечный день Девочка и ее подружка нашли птенца. Видимо, он выпал из гнезда и провел на земле много времени, потому что выглядел неважно. Перышки топорщились, глаз был подернут мутной пленкой, а голова свешивалась набок, может быть, даже его и кошка потрепала, но не съела. Его пытались напоить водичкой, устроили мягкую постель в тени, но все старания результата не дали, и к концу дня птенец умер. Горевали по птенцу страшно и решили устроить ему настоящие похороны.

В то время людей хоронили торжественно. Гроб выносили из подъезда, толпа родственников, соседей и друзей бросала

на землю цветы, и в последний путь по родной улице человека сопровождала печальная музыка. Дети частенько становились свидетелями похорон и знали, как нужно хоронить торжественно. Птенца решили поместить в «секретик». Была выкопана просторная ямка, вокруг расположили красивые цветы, разноцветные стеклышики, пожертвовали красивые фантики. Подружка Девочки даже сбежала домой и принесла несколько красивых бусин и губную гармошку. После того как красоту прикрыли стеклом и подружка сыграла на губной гармошке заунывную мелодию, «секретик» засыпал землей. На следующее утро жизнь покатилась своим чередом и про птенца постепенно забыли.

Примерно через месяц после похорон птенца во дворе появилась новая девочка. Родители привезли ее к бабушке, и Девочка с подружкой приняли ее в свою компанию. Новенькая была веселая, не плакала, когда сбивала коленки, дралась с мальчишками и ловко лазила по заборам. Заборы окружали частные домики, находившиеся неподалеку, а возле домиков имелись огороды, которые, несмотря на заборы, дети не считали зазорным обносить.

Их приятельство скоро переросло в крепкую дружбу, при которой принято раскрывать «секретики». Тут-то Девочка и ее подружка вспомнили свой самый тайный и самый главный «секретик», в нем был спрятан птенец. И они решили показать его новой подружке. В один из дней они сделали загадочные лица и повели ее в удаленный угол двора, где росли густые кусты сирени. Немного посовещавшись, сверяясь с приметами, «секретик» все же нашли. Разгребая землю, они почувствовали неприятный запах и даже зажали носы, но не поняли, в чем дело, и продолжали раскапывать дальше. Каков же был их ужас, когда вместо «секретика» с милым птенцом, цветами и прочей красотой, они наткнулись на непонятную бурью массу, в которой угадывались перья, грязные фантики и куча отвратительных насекомых. Быстро забросав ямку землей, подружки со всех ног убежали от ужасного места. Запыхавшиеся, они сидели на качелях и боялись

задать вопрос, что же случилось с птенцом. Может быть, потому что знали на него ответ.

ДЕТСКИЙ САД

В детском саду Девочка бывать любила. Было там весело, много детей, весь день во что-то играли, рисовали, танцевали, учили стихи, ходили гулять на свежий воздух во двор детского сада. А еще нравилось, что в детском саду у нее есть дружок: мальчик по имени Сережа. Их кровати стояли рядом, и во время тихого часа они шепотом рассказывали друг другу разные немудреные тайны или сказки-страшилки. Кроме мальчика Сережи, в детском саду нравилась горошница, то есть каша из гороха. Другие дети эту кашу не любили, но дома у Девочки такую не варили, была она вкуса незнакомого, поэтому она ела с удовольствием.

Только бывала Девочка в детском саду редко. Походит-попадает несколько дней в детский сад, а потом заболевает, и болеет долго, иногда и целый месяц может пролечить. Заболела она однажды воспалением легких, приехала скорая помощь, врач решил, что нужно везти ее в больницу, а папа не хотел отдавать. Доктор стал настаивать.

– Вы жизнь ребенка опасности подвергаете, – пугал он.

– Это вы жизнь ребенка опасности подвергаете. Не хотите ее с матерью в больницу положить, а за ней ухаживать нужно, она так ослабела, что сама даже пить не может, – отвечал отец.

– Мы матерей кладем только с детьми до трех лет, а ваш ребенок уже большой, – объяснял врач.

– Тогда сами вылечим, – ответил папа.

Но врач оказался настырный, и они с санитаром хотели Девочку забрать силой. Тогда отец взял в руки ружье, на которое у него было разрешение, потому что он ходил на охоту, и доктору пришлось уехать. А Девочка была очень благодарна папе за то, что не отдал в страшную больницу. Ее стала лечить мамина младшая сестра Галя, которую запросто звали Галкой. Она была

медсестрой, приходила к ним домой утром и вечером ставить уколы большим шприцем. Это было больно, и Девочка стала по-баиваться тетку, не понимая, что она спасает ей жизнь. Лечили долго, и, наконец, она выздоровела.

Только врач скорой не успокоился и заявил на папу в милицию. Разрешение у папы отобрали, а ружье конфисковали, но он не расстроился и сказал, что все равно на охоту уже не ходит и ружье ему без надобности.

Вернулась Девочка в детский сад, а дети ее не помнят. Пришлось воспитательнице заново знакомить ее с детьми. Привела воспитательница ее в группу и говорит: «Эту девочку зовут Таня, она у нас была в группе, просто долго болела, и вы ее забыли».

Больше всего обидно было, что дружок Сережа тоже про нее забыл и дружил теперь с другой девочкой.

– Мама, почему так: я его помню, а он меня нет? – спрашивала огорчённая Девочка у мамы.

– У него было много событий за то время, что ты болела, много новых впечатлений, а ты лежала дома и вспоминала прошлое, у тебя, кроме лечения, ничего не было. И с мальчиками так бывает, привыкай, они гораздо забывчивей девочек, – поясняла мама суровую правду.

В конце концов, все наладилось, дети ее вспомнили, и дружила она со многими, только с Сережей больше дружить не захотела.

А потом Девочка заболела ангиной, и бабушка сказала: «Хватит ребенка мучить этим садом, я буду с ней сидеть».

У БАБУШКИ

Из-за болезней Девочка перестала ходить в детский сад. Мама по утрам приводила ее к бабушке, а забирала домой только вечером. Было у бабушки скучно, она занималась хозяйством, на внучку времени попросту не хватало, потому что в основном обитала во дворе.

Младший мамин брат Валерка был старше Девочки на девять лет, учился в техникуме и даже получал стипендию двадцать рублей, что казалось Девочке суммой астрономической. Валерка и сам так считал, очень собой гордился и, приходя домой, совсем не был расположен заниматься с малявкой. У него своих дел было полно. Называла она его Валеркой, хотя приходился ей родным дядей, но был самым младшим в семье, и все называли его Валеркой, а она вслед за всеми повторяла. Какой он дядя, пацан пацаном. Зато во дворе она им гордилась и чуть что заявляла: «Вот скажу Валерке!». И это всегда решало любое дело в ее пользу. Но она сама была девочкой боевой, хотя мало нуждалась в такой поддержке, лишней ее не считала.

Быть боевой ее научила мама. В то время они жили в семейном общежитии, а рядом с ними обитала девочка на год младше, ужасно драчливая, и обижала всех детей независимо от возраста. Доставалось и Девочке, иногда она жаловалась маме, но мама за нее не заступалась. А как заступишься, не драться же с ребенком, мать драчуньи на жалобы внимания не обращала. И однажды мама сказала: «Я не всегда буду рядом, учись сама за себя постоять. Тебя ударят – не плачь, а бей в ответ».

После этого драчунья получила от Девочки хорошего тумака и, заревев, побежала жаловаться своей маме. Встретив сурный отпор, драчунья стала вести себя более мирно. А Девочка с тех пор начала драться, но только за правое дело. Первая в драку не лезла, но за себя или младших детей могла постоять. Недостаток силы она возмещала решимостью драться до победного конца, а противник это всегда чувствует.

Неожиданно у Девочки появилась сестра Ирина – дочка маминого старшего брата. Родилась двадцать третьего февраля, в солнечный зимний день. Вся семья сидела за круглым бабушкиным столом и радостно отмечала ее рождение. Отмечали долго, все были счастливы рождению нового члена семьи, поэтому Девочка тоже радовалась. Сначала Ирина была маленькая и находилась дома с мамой, а когда немного подросла, ее мама

продолжила учебу в институте, а Ирину тоже стали приносить к бабушке.

Девочка перестала быть единственным ребенком в семье, она стала старшей, а на все просьбы или желания ей отвечали: «Ты уже большая».

Это было непривычно и обидно, но, поразмыслив, она понимала, что взрослые правы, конечно: она больше Ирины. Иринка была красивым и спокойным ребенком, вся родня ее любила, все с удовольствием возились с ней. Девочка Иринку тоже любила, потому что с ней было гораздо веселей, чем со взрослыми родственниками, и они вместе играли в немудреные детские игры. Когда сестра начала понемногу ходить, учила ее вставать на ножки, подниматься, если падала. В один день Девочка долго тренировала сестренку. Ирина вставала на ноги и проходила несколько шагов, Девочка усаживала ее на пол, а та вставала и снова упорно шла. Так они развлекались весь день. А когда за ними пришли родители, с восторгом закричала: «Смотрите: Иринка научилась сама вставать на ножки!» – и посадила сестру на пол.

Тут, не выдержав, малышка заплакала горько и жалобно, она просто устала за день подниматься. За издевательство над ребенком Девочке влетело и от своей мамы, и от Ирининой мамы, зато вставать на ноги самостоятельно младшенькая научилась.

У Девочки были белокурые длинные до плеч волосы, мама любила заплетать ей косички, которые получались тонененькими и смешными, но в косички вплетались яркие капроновые банты, и выглядело это нарядно. А у Ирины волосы были черные, густые, ее мама делала ей красивую стрижку, но ей нравились тоненевые косички сестры. И она частенько кричала: «Хочу косы, как у Тани!», делая ударение на букве «ы». Все смеялись неправильному слову, да и заплетать Ирине было нечего. Тогда мама Девочки повязывала Ирине один красивый бант на макушку, и это немногого примиряло ее с отсутствием кос.

А еще они вместе любили сидеть под круглым бабушкиным столом. Сверху стол был покрыт скатертью, а его ножки скре-

пляли перекладины. В доме бабушки всегда было многолюдно, она всех привечала. Дверь ее квартиры не закрывалась, все шли к ней: и родственники, и соседи. Кто за рублем, кто за теплым словом, а кто и за горячим пирожком с капустой, которые бабушка постоянно пекла и всех приходящих угождала.

Стол – это тайное убежище Девочки с Ириной, там можно было скрыться от взрослых. Они забирались под скатерть, садились на перекладины, и Девочка рассказывала сестре сказки или читала смешные детские стихи по книжкам, которые привозила мама и которые она уже умела читать. Они осторожно выглядывали из-под скатерти с длинными кистями и наблюдали за миром взрослых. Оттуда этот мир казался непонятным и суетным, а в их убежище было тихо, уютно и очень спокойно.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Девочка проснулась очень рано, как будто ее толкнули или позвали. Это было необычно, маме с трудом удавалось добудится дочку по утрам, и это стоило ей больших трудов и потраченных нервов. За окном едва серело блеклое октябрьское небо. Желтые листья уже облетели, деревья стояли совсем голые, со скрюченными от холода ветками, они были измучены промозглой сыростью и как избавления ждали снега.

В комнате бродил серый сумрак, предметы едва различались, словно бы Девочка смотрела на окружающее через реденькую серую марлю. Сразу поняла, что в комнате никого нет. Она почувствовала пустоту пространства всем существом. Вглядевшись, действительно увидела широкую родительскую кровать пустой и незаправленной. Ей стало страшно, если мама и пapa ушли на работу, то почему оставили ее дома одну, а не отвели, как обычно, к бабушке. И потом, мама бы никогда не ушла из дома, не заправив постель, уж что-что, а это она знала твердо.

Пересилив страх, она соскочила со своей кроватки и босиком побежала к большому шкафу, в котором хранилась одежда.

Она распахнула дверцу, так и есть: родительской одежды на вешалках не было. Девочка бросилась обратно в кровать, в доме было прохладно, и даже за такую короткую пробежку у нее замерзли ноги.

«Нельзя замерзать, – подумала Девочка и плотнее закуталась в одеяло, – если заболею, мама сразу догадается, что я бегала босиком».

Так она сидела, завернувшись в одеяло, и ждала, когда на кухне начнут готовить завтрак соседи, прислушивалась к тишине, чтобы не пропустить звуки из кухни. Тогда она побежит к людям и расскажет, что таинственным образом у нее пропали мама и папа. Придет милиционер, и, конечно, все закончится хорошо, ведь в советской стране люди пропасть не могут, их обязательно найдут.

Вдруг до ее настороженного слуха донесся звук шагов, громкий шепот и тихий смех. Дверь их комнаты отворилась, и в комнату вошли мама и папа с большими пакетами в руках. Они старались двигаться тихо, но были радостно возбуждены, и потому, как они ни старались, получалось громко. Вместе с ними в комнату ворвался холод и запах осени. Они остановились на пороге, не зажигая света, боялись разбудить ребенка и всматривались в темноту. Им, вошедшем из освещенного коридора, ничего не было видно, но Девочка их сразу увидела и завопила от радости, что родители нашлись сами.

После прыжков на шею обоим, воплей и расспросов наконец выяснилось, что мама и папа ходили в магазин. В то время они жили в малосемейном общежитии на пятом этаже, а на первом этаже располагались булочная и бакалея. Продавщицей была мамина знакомая и по секрету сообщила, что завезли рис и прямо с утра будут продавать. В то время не было больших проблем с продуктами, но рис – импортная культура, своего в стране еще не выращивали. Рис был самой дорогой крупой, раза в два дороже гречки, но все равно доставать его было сложно. Давали в одни руки по три килограмма, поэтому мама с папой пошли

вместе. Они осторожно оделись, стараясь не разбудить Девочку, и спустились, чтобы занять очередь еще задолго до открытия магазина. На улице было холодно, и мама с папой поочередно возвращались домой, чтобы погреться и присмотреть за ребенком. Видимо, в один из таких приходов-уходов Девочка и проснулась и теперь совершенно не разделяла радости родителей, которые принесли домой добычу: целых шесть килограммов риса. Рис она не любила, как, впрочем, не любила и другие каши.

«Странные эти взрослые, – думала Девочка. – Купили какую-то ерунду и радуются, да еще ночь не спали из-за этого риса. Как же они на работу пойдут?» Этот вопрос она задала вслух, но родители радостно рассмеялись и сказали, что Девочка все перепутала, потому что сегодня – воскресенье и никто не работает. Они весь день будут дома, и можно спать сколько захочется.

Вот это была самая настоящая радость, а не какой-то скучный и никому, кроме взрослых, не нужный рис. Родители напились чаю, согрелись и после ночного похода решили поспать еще. Все дружно уснули.

Девочка проснулась раньше и тихо лежала в кроватке, стараясь не разбудить маму и папу. Наконец ей это надоело, и она, не вставая с кровати, перегнулась и заглянула под нее. Там стоял старенький чемодан, полный игрушек, она приоткрыла его и на ощупь вытащила куклу. Подняв ее на кровать, она рассмотрела добычу. Это была любимая кукла, пластмассовая, без волос, с нарисованными глазами, таких еще называли пупсами. Она невыгодно отличалась от других: красавиц, с открывающимися глазами, говорящих и имеющих пышные кудри и наряды. Зато эту куклу можно было выносить на улицу, одевать в любую одежду, бросать на пол и даже на асфальт. Короче, кукла была неубиваемая. Девочка посмотрела на нее и уже привычно расстроилась, кукла была безнадежно испорчена. На ее целлулоидном нарисованном милом лице вместо бровей виднелись уродливые оплавленные дырки.

Дело было так. Валерке на день рождения подарили прибор для выжигания. Сначала его кипучая натура нашла прибору

полезное применение. Валерка вырезал из дерева разделочные доски для кухни и выжигал на них красивый рисунок. Обеспечив бабушку, он начал одаривать досками всех родственниц и даже соседок, а потом это ему надоело, и он решил приукрасить любимую куклу Девочки. С загадочным видом он взял у нее куклу и заявил, что сейчас сделает ей макияж. Девочка, не подозревая ничего плохого, заинтересованно наблюдала за его действиями. Но как только тонкий раскаленный электрод прикоснулся к целлулоиду, на месте бровей у куклы образовались черные полосы. Целлулоид, само собой, расплавился.

Она смотрела с ужасом на то, что получилось, а Валерка, поняв, что натворил, отдал ей куклу и заявил:

– Я не хотел! Кто же знал, что оно расплавится? Бабушке только не говори, а я тебя читать научу.

Девочке, собравшейся было завопить, перспектива научиться читать показалась заманчивой. У нее имелись кубики, на которых были нарисованы буквы с картинками, и она даже знала несколько букв, которые ей показывала мама. Валерий начал с того, что взял кубик с буквой «а» и спросил:

– Какая это буква?

Девочка сказала, что это буква «а». Тогда он показал ей букву «м» и сказал, как она называется. Она ее сразу запомнила. Тогда Валерий взял и поставил обе буквы вместе.

– Что получилось? – спросил он.

Девочка в ответ пожала плечами.

– Ну посмотри, ты же не дурочка, получается «ма».

Она опять пожала плечами:

– Ну и что?

Тогда Валерий взял лист бумаги и написал: «Ма».

– Читай, – сказал он.

Девочка повторила: «Ма». Тогда Валерка приписал еще раз «ма».

– Читай, – снова потребовал он.

Девочка сказала:

– Ма-ма.

И до нее сразу дошло, что получилось слово «мама». Она захлопала в ладоши:

– Ура! Я читаю!

– Ты еще не читаешь, – сказал Валерий. – Надо сначала буквы выучить.

Он написал на листе букву «п» и сказал:

– Это буква «п».

После этого он написал рядом букву «а» и снова предложил прочитать, и она уже уверенно сказала: «Па». Потом был дописан второй слог, и Девочка прочитала: «Па-па». Так были выучены два слова.

Валерка предложил ей не рассказывать маме. Надо сначала выучить все буквы, научиться читать другие слова и тогда сделать маме сюрприз. «Представляешь, как она удивится, когда ты прочитаешь ей сама из книжки!» Девочке так понравилась эта идея, что она с энтузиазмом стала учить буквы. Каждый день Валерий называл две, три буквы и показывал, как из них можно составить слова. Принцип чтения она поняла сразу.

И вот наступил день, когда Девочка шла с мамой по улице и неожиданно спросила:

– А что такое переучет?

Мама машинально ответила:

– Это когда в магазине пересчитывают товары, чтобы не было недостачи.

А потом остановилась и спросила:

– А ты откуда знаешь про переучет?

Девочка ответила:

– На двери магазина объявление написано.

– Ты сама прочитала? Когда же ты научилась читать? – удивленно и радостно спросила мама.

– Это меня Валерка научил, – гордо сказала Девочка.

С тех пор она читала книжки сама, не приходилось никого упрашививать. А книжек у нее было много, мама привозила

из командировок. В то время наша страна считалась самой читающей в мире, книжки были в дефиците. Хотя самого понятия «дефицит» тогда еще не было.

Пока Девочка вспоминала, как была испорчена ее любимица и как она научилась читать, проснулись родители. Они одновременно позавтракали и пообедали и все вместе отправились гулять в парк Металлургов.

У СТОМАТОЛОГА

Девочка росла, и у нее начали выпадать молочные зубы. Мама объяснила, что, когда все молочные зубы поменяются и вырастут настоящие, она станет взрослой. Не слишком это ей понравилось: взрослой становиться не хотелось. Ей и так постоянно кивали на сестру Иринку, говорили: «Она же маленькая, а ты уже большая». Это означало, что нужно во всем сестре уступать, отдавать свои игрушки, а разные вкусности в первую очередь доставались сестренке. Девочка жадной не была и охотно делилась, но считала такое положение вещей несправедливым. Когда ей было что-то нужно от Валерки, ей, наоборот, говорили: «Тебе еще рано, ты маленькая».

Зубы начали выпадали постепенно, по одному. Сначала зуб шатался немного, потом все сильнее и сильнее, так, что жевать становилось неудобно, а потом неожиданно выпадал при откусывании хлеба или чего-то твердого. Это было почти не больно, но очень неприятно. Но вот один из зубов оказался упрямым и никак не хотел выпадать. Он болтался практически «на ниточке», но упрямо держался за свое место. Пожилая соседка напугала маму, что пока зуб не выпадет, новый не сможет нормально расти и получится кривым.

Мама решила, что ребенка нужно обязательно отвести к стоматологу. Бабушка была против и говорила, что зубу деваться некуда, все равно выпадет, и пыталась решить проблему своими средствами. Бабушка привязывала нитку к ручке двери, другой

конец к упрямому зубу, внучка становилась за закрытой дверью, а бабушка неожиданно эту дверь должна была открывать. По ее замыслу, зуб должен покинуть свое место легко и непринужденно, но Девочка каким-то шестым чувством угадывала, когда бабушка дернет, и побегала к двери. Само собой, зуб оставался на месте. Так из этой затеи ничего и не вышло.

И вот в один зимний день мама пришла к бабушке в обед, взяла Девочку за руку, и они отправились к стоматологу. Стоматология была недалеко от бабушкиного дома, и они быстро дошли пешком. Сначала в стоматологии Девочке даже понравилось: на стенах – красивые картины из разных сказок, кругом полно детей с родителями, ходят тетеньки в белых халатах. Похоже на детский сад. Мама оформила нужные бумаги, дали талончик, и они сели на жесткие стулья возле закрытой двери. Мама сказала, что это их кабинет, нужно ждать своей очереди, потому что впереди них есть еще дети со своими мамами. Сначала было интересно, но чем больше Девочка находилась в этом заведении, тем становилось страшнее. За закрытыми дверями кабинетов что-то неприятно журжало, а дети, которые выходили из кабинетов, кричали и плакали, а некоторых мамы даже выносили на руках.

Мама пыталась Девочку успокоить и говорила:

– Доктор только посмотрит зуб и ничего делать не будет, просто даст совет, что делать дальше.

Но мама тоже волновалась, и Девочка это чувствовала.

Тогда мама сказала:

– Ты же совсем большая и, конечно, храбрее всех этих маленьких детей.

Короче, когда подошла их очередь, она уже не помнила себя от страха, но из последних сил сдерживалась, чтобы не завопить во весь голос. Ей мешала гордость, ведь все во дворе считали ее смелой.

В кабинете сидел дяденька в белом халате, стояло кресло, а возле него – столик с непонятными штуками и какие-то приборы. В другой раз ей было бы ужасно интересно все это вниматель-

но рассмотреть, а потом в подробностях рассказывать во дворе, но сейчас ей было не до любопытства. Доктор усадил Девочку в кресло и не очень внимательно выслушал сбивчивый мамин рассказ. Подходить к креслу доктор мame не разрешил. Он взял со стола какую-штуковину и предложил Девочке открыть рот, но та ухватилась за ручки кресла и решительно замотала головой. Тогда доктор сделал вид, что положил штуковину на место и сказал, что должен же посмотреть, зачем они пришли. Девочка подумала: «Доктор прав, посмотреть-то ему нужно», но не успела открыть рот, как доктор наклонился над ней и вытащил ее болтающийся зуб. Она заорала от неожиданности, а он, смеясь, показал ее зуб и, положив в маленький прозрачный пакетик, отдал маме.

– Вот ваше богатство, – весело с облегчением сказал доктор. – Теперь у тебя новый зуб будет на этом месте, настоящий, ты его береги, потеряешь – больше не вырастет.

Они вышли из кабинета, и Девочка гордо посмотрела на сидящих перед дверью детей, в отличие от других она не плакала. Из рта у нее шла кровь, и было немного больно, но она терпела. Доктор дал им несколько салфеток, и мама периодически меняла их, пока они одевались и ехали домой. В то время они еще жили далеко от бабушкиного дома, нужно было ехать на трамвае. Мама привезла ее домой и оставила одну, самой ей нужно было вернуться на работу. Почему мама не отвела ребенка обратно к бабушке, было непонятно, наверное, чтобы не ездить за ней дважды в день.

Мама включила радио, Девочка забралась с ногами на кровать и так просидела до самой темноты. Зимой рано темнеет. Она сидела в темноте, боясь спустить ноги с кровати, подойти к выключателю и включить свет. Дома в этот день было холодно, видимо, ветер дул в их сторону, и очень хотелось есть. Девочка была равнодушна к еде, но сейчас впервые почувствовала настоящий голод. По радио передавали какую-то непонятную взрослую ерунду, никаких детских передач в это время не было. Она сидела, обхватив колени руками, в темноте, замерзшая, голодная, с ранкой, которая неприятно ныла, и тихо плакала от жалости к себе.

Неожиданно дверь распахнулась, зажегся свет. Она встрепенулась. «Мама!» – радостно воскликнула Девочка.

Но это пришла соседка тетя Люда, жившая напротив. В то время их семья жила в общежитии, в коридоре было девять комнат и, соответственно, жило девять семей.

– Ну что, героиня? – весело воскликнула тетя Люда. – Чего в темноте сидишь? – Она упорно не замечала размазанных по щекам слез и красного от слез носа. – Проголодалась, наверное?

Девочка неуверенно кивнула.

– Пойдем ужинать. – Она обняла Девочку за худенькие плечи и повела на общую кухню, где все соседи готовили еду и у каждой хозяйки был свой стол.

На кухне невообразимо вкусно пахло жареной на сливочном масле картошкой. Тетя Люда работала в магазине, их семья считалась богатой, и жарить картошку на сливочном масле могла себе позволить только она. Другие хозяйки жарили картошку на маргарине. Тетя Люда положила ей целую тарелку золотистой картофельной соломки, и Девочка без уговоров уплела все. А тетя Люда стояла возле окна, скрестив руки на груди, и говорила какой-то соседке: «Вот ведь как оголодал ребенок: простую картошку ест», – и смотрела удивленно и жалостливо.

Потом пришла мама, а вскоре и папа, они пошли к себе в комнату ужинать, но Девочка уже наелась и только пила вместе с ними чай со вкусным печеньем, которое принес папа. И с гордостью рассказывала папе про поход в стоматологию. Сейчас, когда зуб уже не болел и она была сыта, пережитая неприятность казалась интересным приключением. Девочка предвкушала, как завтра будет рассказывать друзьям-мальчишкам эту историю.

ПОХОД В КИНО

Девочка открыла глаза и, засмеявшись, поежилась как от щекотки: по подушке и лицу гуляли солнечные блики. После затяжных июньских дождей выглянуло солнце, и сейчас его

лучики, как котята, резвились, перепрыгивая с потолка на стены, со стен на потолок, и кружились, бегая друг за другом. Она с любопытством наблюдала за ними, и вдруг ее внимание привлек шум воды из крана и звяканье посуды на кухне. «Мама! – радостно подумала Девочка. – Мама вчера вернулась из командировки!»

Она услышала легкий шум шагов и шелест платья и быстренько закрыла глаза, продолжая наблюдать за происходящим в комнате из-под опущенных ресниц.

– Ну что, соня, пора вставать, – услышала она мамин голос, но глаза не открыла.

Мама подошла и потрепала волосы на макушке.

Тогда она вскочила на кровати, крепко обхватила маму за шею и призналась:

– А я уже давно не сплю!

– Что же ты тогда валяешься в постели? – с деланной строгостью в голосе спросила мама. – Я уже и завтрак приготовила, беги умываться.

– А ты почему не на работе? – уже из ванной комнаты поинтересовалась Девочка.

– У меня сегодня отгул после командировки, и мы весь день будем с тобой вместе, – отозвалась мама.

Надо ли говорить, что завтрак был необыкновенный. Мама красиво нарезала салат из овощей, а в середине овощной полянки красовался прекрасный мухомор. Мама сделала его из яйца, а сверху надела набекрень половинку помидора с майонезными точками.

Девочка захлопала от радости в ладоши, мгновенно расправилась с завтраком и спросила:

– Ты меня сегодня к бабушке не поведешь?

Мама покачала головой и таинственно проговорила:

– У меня есть план получше, только нужно сначала прибрать квартиру и приготовить еду. Если ты мне поможешь, мы управимся быстрее.

– Ну, скажи, скажи? – подергала ее за подол Девочка, заинтересованная таинственностью в голосе мамы.

– Хорошо, мы с тобой пойдем в кино на дневной сеанс и будем смотреть комедию. Я вчера уже купила билеты.

– Ура! – закричала Девочка. – Мы идем в кино!

В кино ее брали редко, родители ходили на вечерние сеансы, куда детей не пускали, а днем они работали. Только иногда в воскресенье, а в то время был только один выходной, ее водили на детские сказки или мультфильмы. Поэтому поход в кино был для Девочки редким праздником, и она безропотно согласилась помочь маме, даже взялась протирать пол, делая это неумело, но с большим энтузиазмом.

Наконец, все домашние дела были переделаны. И девчонки, как называл их папа, начали собираться в кино. Мама была совсем молоденькая, худенькая, метр шестьдесят росту, ей недавно исполнилось двадцать шесть лет. У нее были пушистые каштановые волосы и синие глаза, точнее, они были необыкновенно васильковые, иногда люди даже оборачивались вслед. Мама нарядилась в платье из креп-жоржета, так назывался материал, похожий на крепдешин, только плотный. На белом фоне располагались красные и оранжевые цветы, у платья была пышная юбка и узкий лиф. В этом платье талия мамы могла смело соперничать с талией артистки Гурченко. Когда мама надела новые белые туфельки на высоком каблуке, которые назывались шпильки, Девочка восхищенно замерла. Такой красавицей она свою маму еще не видела. «Тебя саму в кино надо снимать!» – с восторгом прошептала она.

Девочку мама нарядила в привезенную в прошлом году из Москвы «матроску». Пышная юбка в тонкую черную полоску и белая кофта с полосатым матросским воротником нынче летом были ей в самую пору. Надо сказать, что у Девочки были белокурые локоны, которые позже потемнели, а голубые, как у мамы, глаза, уже начали менять цвет, поэтому один глаз у нее еще оставался голубым, а второй – стал зеленым.

Когда они вышли из подъезда, знакомые мальчишки, гуляющие во дворе, замерли на месте, а Девочка, гордая собой и мамой, оповестила их, что они идут в кино. Мальчишки из зависти начали было кидать им мелкие камешки вслед, но она погрозила дружкам кулаком, она была воинственной особой, в обиду себя не давала, и мальчишки отстали.

Наконец, они пришли в кинотеатр. Перед началом сеанса было положено ходить в буфет и есть мороженое. Но мама купила себе и ей пирожные и газировку из аппарата в холле, которую наливала тетенька, спрашивая при этом: «С сиропом или без?» А люди отвечали, что им налить.

Они взяли с сиропом за три копейки, хотя Девочка газировку не любила. Ей не нравилось, что в стеклянной колбе сироп был ярко-красного цвета, а в стакане вода с сиропом оказывалась желтой. Да еще она противно щипала язык и потом кололась в носу.

В зале кинотеатра стояла приятная прохлада, и, несмотря на дневной сеанс, все места были заняты. Было немного скучно, Девочка покачалась на сиденье, которое противно заскрипело. Но тут свет погас, и начался сеанс. Обычно вначале показывали какие-нибудь новости, но на этот раз повезло: показали детский киножурнал «Хочу все знать!». Ей очень нравилось, как веселый мальчишка разбивал молотком орех, но в смысл истории она не вникала.

Кино тоже было непонятным, когда люди разговаривали, становилось скучно, но на экране постоянно бегали, падали, награждали друг друга тумаками, и это было смешно. А видя, что мама и люди вокруг смеются, Девочка смеялась еще больше. Вокруг царила атмосфера веселья, и она была очень довольна, что вместе со всеми смотрит кино. Кино в конце концов закончилось, и зрители, смеясь и переговариваясь, плотной толпой заспешили к выходу.

Выходя из темного зала, все жмурились от яркого солнца, двигаясь почти вслепую. Толпа вынесла их с мамой на улицу, и они, ослепленные солнцем, все вместе шли вперед. Вдруг мама

наступила на что-то, провалилась, получила резкий удар по ноге и громко вскрикнула от неожиданности и боли. Толпа, услышав крик, немного расступилась и образовала плотное кольцо вокруг них. Оказалось, мама наступила на люк канализационного колодца. Крышка перевернулась и ударила маму, туфля сорвалась и упала вниз, в колодец. Мама плакала от боли, народ вокруг толкался и шумел. Кто-то предлагал вызвать скорую помощь, потому что по ноге у мамы текла кровь. Кто-то предлагал вызвать милицию, а наиболее сообразительные граждане предлагали найти ЖЭК (жилищно-эксплуатационная контора), чтобы слесарь достал туфлю и закрепил люк. Но никто ничего не делал, а Девочка начала тихо плакать от жалости к маме и беспомощности, которую она ощущала, не зная, чем помочь.

Вдруг какой-то паренек, на первый взгляд показавшийся взрослым, на самом деле ему было лет четырнадцать, не говоря ни слова, нырнул в люк. Он спустился на дно колодца и достал белую туфельку, которая почти не пострадала, только немножко запачкалась. Мама обрадованно заулыбалась и надела туфельку. Она попробовала встать на ногу, прихрамывая, сделала несколько шагов. Чуть ниже колена виднелась огромная ссадина, из которой текла кровь, но нога была не сломана. Народ, поняв, что ситуация разрешилась, постепенно разошелся. А мама придержала паренька за рукав и, горячо поблагодарив, сказала: «Спасибо, ты меня просто спас, давай я тебе хоть мороженое куплю».

При этих словах Девочка замерла от возмущения, что незнакомому парнишке мама сейчас купит мороженое, которого она никогда не пробовала, потому что имела слабое здоровье, часто болела. Но паренек улыбнулся, сказал, что это пустяк, и исчез.

Потом мама с Девочкой кое-как доковыляли до остановки. А она крепко держала руку мамы и говорила: «Это ведь я тебя за руку держала, а то ты бы могла в колодец упасть», – и льстиво заглядывала маме в глаза. Она надеялась, что мама сейчас скажет: «Моя хорошая, ты меня спасла, я сейчас тебе мороженого куплю».

Но она понимала, что ничего такого не случится, ей одновременно очень хотелось неизвестного лакомства и было стыдно за себя.

С тех пор она, как ни странно, не любила мороженого.

ПОЕЗДКА

У Девочки было две бабушки, мамина мама жила рядом и присматривала за ней, пока родители были на работе. Бабушка Фрося (Ефросинья) всегда находилась рядом и была родной и привычной. Девочка до четырех лет даже называла её «мама», а свою маму она звала «Нина», потому что все вокруг так их называли. Папина мама жила далеко, в неведомом Ставрополье. Девочке очень нравилось это слово, оно было похоже на слово «Лукоморье», которое ей встречалось в сказке и казалось таинственным. Папину маму она видела еще маленькой, совсем не помнила и могла разглядывать ее только на фотографии. Еще Девочка знала, что бабушка Надя живет в станице, которую отец называл странным словом «Невинка». Слово «станица», как и «Невинка», было ей незнакомо, и она терялась в догадках, что же это значит. Спросить у взрослых она не решалась, потому что те произносили эти слова как само собой разумеющееся, и она опасалась, что ее примут за несмышленую. А ей было уже пять с половиной лет, и она считала себя большой.

В один из летних дней папа сказал ей, что хочет поехать к своей маме в гости, и она может поехать с ним. Девочка радостно согласилась, кто же откажется от такого предложения. Из разговоров родителей Девочка поняла, что папа хочет устроиться в Невинке на работу и жить у себя на родине, а мама была против этого, у нее родина была тут, где они жили.

И вот настал день отъезда. Папа взял в руки большой чемодан, Девочка – свою любимую сумочку, в которой была куча необходимых ей вещей, и они отправились на вокзал втроем, потому что мама пошла их провожать.

Девочка совершила свою первую сознательную поездку. Ехать они должны были поездом, состоящим из вагонов и паровоза, который эти вагоны потащит за собой. Паровоз ей ужасно понравился: он был как на картинке: черный, с трубой, а колеса у него были огромные и покрашены красной краской. Вагоны тоже были красивые: зелененькие, внутри кругом были полки, на окнах – занавески, а на полу – настоящий ковер. Их купе открывалось странной ездящей дверью, на которой изнутри было укреплено большое зеркало. Они вышли на перрон и стали прощаться с грустной мамой, которая едва сдерживала слезы, а Девочка не понимала, почему она не радуется за них, ведь они едут в такое прекрасное путешествие. Наконец паровоз дал пронзительный гудок, и кондуктор в красивой форме велел всем заходить в вагон. Сначала вагон двигался медленно, мама шла рядом и махала им, а они ей, но потом он начал набирать скорость, и мама побежала за вагоном, все еще махая рукой, пока не стала совсем маленькой и не осталась далеко позади. Тут Девочке тоже стало грустно, но проводница начала собирать билеты, разносить белье, а они – заправлять спальные места. Потом им принесли чай, вся эта кутерьма закрутила ее, и печаль улетучилась.

Кроме них, в купе ехали еще два дяденьки, они быстро познакомились, и уже через час пути Девочке казалось, что она всю жизнь знает этих дяденек и только и делает, что катается на поезде. Папа посадил ее на верхнюю полку, и она смотрела на проносиившиеся мимо деревья, дома, речки, мостики, пока ее не сморил сон.

Утром она проснулась, и началась обычная поездная жизнь. Делать в поезде нечего, поэтому люди в основном едят, спят и разговаривают. Папа рассказал попутчикам, как летом сорок третьего сбежал к отцу на фронт, было ему в ту пору четырнадцать лет, но его поймали и вернули домой. А в октябре ему приснился сон, что отец приехал на побывку, и он, проснувшись, пошел на станцию его встречать. Проторчав полдня на вокзале, он, печальный, отправился домой, по пути был встречен соседкой, которая

крикнула ему: «Володька! Где ты ходишь? Отец пришел, тебя всей станицей ищут».

Он побежал домой, и, действительно, дома был отец, который еще неделю пробыл в станице. Его командование прислали набирать новобранцев в их потрепанную боями часть. Отец устроил его на паровоз помощником машиниста, где он служил до окончания войны. А отец погиб в сорок четвертом, так что это была их последняя встреча.

«Такая вот мистическая история», – закончил рассказ папа.

А Девочка слушала, разинув рот, хотя она уже знала эту историю, но очень любила слушать про дедушку.

– А паровозы скоро снимут с железной дороги и отправят в утиль. Может быть, на последнем паровозе едем, в последний раз, скоро все на электричество переведут, – с грустью сказал папа.

– Действительно мистическая история, – согласился один из попутчиков. – Видимо, вы были с отцом очень близки, а между близкими людьми, говорят, может существовать телепатическая связь. Ученые это подтверждают. А насчет паровозов – и отлично, что снимут, – не разделил папиной грусти попутчик. – От этих паровозов одна грязь, посмотрите на вашего ребенка: она перемазана сажей, потому что все время в окно высывается, а был бы электровоз, ребенок был бы чистым, и мы, и белье.

Потом папа стал рассказывать, что с дочкой едет в гости к матери в станицу Невинномысскую, и тут Девочка не утерпела и задала мучавший ее вопрос:

– Папа, а что такое станица?

– Станица? Это такое большое село, точнее воинское поселение, а слово казачье. Раньше в станицах жили в основном казаки, они были люди военные и защищали русских от набегов горцев.

Она помолчала, переваривая информацию, а потом неожиданно выдала:

– А ты неправду сказал, ты едешь к бабушке не в гости, ты там хочешь на работу устроиться.

В то время у Девочки был пунктик, ей все время казалось, что люди говорят неправду, и она решительно всех поправляла.

Отец смутился, но сказал:

– Одно другому не мешает, мы в гости едем, а я, может быть, там работу найду подходящую.

Разговор на этом прекратился, а отец вывел ее в тамбур и пытался объяснить, что так нельзя говорить взрослым людям. Никакой неправды он не говорил, не обязательно же все рассказывать первым встречным, а попутчики посмотрели на него как на вруна, и ему теперь неловко. Девочка молчала, ей было очень стыдно за глупое высказывание, но исправить она уже ничего не могла. Хорошо, что эти попутчики проехали с ними недолго и к вечеру вышли на своей станции. Ночь они ехали совсем одни, а под утро в купе подсела женщина с маленьким мальчиком, и потом попутчики еще несколько раз менялись, а они все ехали и ехали, долго-долго так, что даже устали. И, наконец, приехали.

НА СТАВРОПОЛЬЕ

В Невинке, так сокращенно называли станицу Невинномысскую, Девочке понравилось. Бабушка жила в небольшом беленьком домике, в нем, несмотря на жару, всегда стояла прохлада, а вокруг дома был сад. Самое замечательное, что из дома можно было сразу попасть во двор, не то что спускаться с четвертого этажа. В саду росло много фруктовых деревьев. Девочка уже знала яблони, ранетки, рябины, они росли на даче у дедушки, а здесь росли деревья с незнакомыми плодами. Круглые желтые сладкие назывались абрикосами, небольшие бордовые кисловатые были вишнями, еще росли желтые и синие сливы, черный и белый тутовник. Больше всего ей понравились абрикосы и тутовник, и все эти плоды можно было срывать прямо с ветки и тут же съедать. Яблоки у бабушки тоже росли, но были еще зеленоватыми и кислыми, только Девочку это не останавливало, именно такие она в основном ела дома.

Все казалось необычным в бабушкином доме: и высокие кровати с огромными перинами, мягкими и пушистыми, в которых можно утонуть, и белые занавески на окнах, вышитые яркими цветами, и глянцкий пол. Пол занимал ее больше всего, за много лет его так утоптали, что он стал совершенно гладким и походил на старую керамику. Этот пол не нужно было мыть водой, а только мести смоченным в воде веником.

И все у бабушки было бы замечательно, если бы не маленькая злющая собачонка, которую боялись все. Даже отец и его сестра Валентина, приехавшая в отпуск, потому что собачка кидалась на всех и лаяла, задыхаясь от злости. Слушалась она только бабушку и больше не признавала никого, даже младшую сестру отца Катерину, которая постоянно жила в доме и кормила ее. Когда она приносila еду и пыталась положить в собачью миску, у собаки случался припадок оттого, что объект ненависти так близко, а укусить нельзя, потому что цепь не дает. Но бабушка собачонку ценила именно за злобный нрав, потому что в округе не было человека, который бы не знал эту собаку, и во двор к бабушке без лишней надобности не заходили.

Когда отца, старающегося не показывать, что боится это мелкое животное, собака умудрилась тянуть за сапог, он потребовал, чтобы ее убрали со двора. Отец говорил, что в доме ребенок и это опасно, но бабушка заявила: «Еще чего надумал! Она меня охраняет, ко мне во двор никто не смеет сунуться. Вы сегодня приехали, завтра уедете, а мне с ней жить. Я и так цепь укоротила. Ходите осторожней».

Чтобы не нарываться на зловредное существо, Девочка старалась больше времени проводить на улице, где нашлось много новых друзей. Она проводила с ними весь день, появляясь в доме только к вечеру. Ее новые друзья играли в разные игры, а еще научили воровать у хозяев фрукты. Хотя она никак не могла взять в толк, зачем воровать, когда у каждого ребенка полно фруктов дома, а еще фруктовые деревья растут прямо на улице вдоль заборов, срываи что хочешь. В ее городе воровство было понятным

явлением, за неимением своих фруктов и овощей дети лазили по садам и огородам, потому что им нравится погрызть что-нибудь свежее.

Видя ее недоумение, новые друзья начали смеяться и подначивать:

– Городская, боишься – так и скажи!

– Ей нельзя, ее бабушка заругает. – Звучали и прочие обидные вещи.

После такой обработки на слабо Девочка влилась в компанию малолетних воришек. Их гоняли, ругали, иногда даже ловили и, дернув пару раз за ухо, отпускали. Это было не воровство, а дань традиции, их родители в детстве обносили сады, родители их родителей – тоже.

Однажды Девочке случилось оказаться на улице без компании, и, бесцельно ожидая кого-нибудь из приятелей, она наткнулась на куст, покрытый ярко-красными ягодами, похожими на красную смородину. Не подозревая ничего плохого, она съела несколько ягод. На вкус они не понравились: сладковатые и совсем не похожи на сибирскую ягоду. Вскоре компания собралась вместе, и Девочка забыла об этом. Но вечером ей стало плохо, очень плохо, болела голова, живот, тошнило, поднялась температура.

Никто не понимал, что случилось со здоровым ребенком, пока умная бабушка не спросила:

– А ты случайно не ела красные ягодки?

И тут Девочка вспомнила:

– Да, на улице съела несколько штук, но это была не смородина.

– Что не смородина – это точно, – отозвалась бабушка. – Вызывайте быстрее скорую, она волчьей ягодой отравилась.

Врачи долго делали промывание желудка с противной розовой водой, которая называлась марганцовка, а потом предложили отвезти Девочку в больницу, но родственники решили оставить ее дома. Тогда врач велел давать ребенку много молока и, если станет хуже, вызывать скорую снова. К утру ей хуже не стало,

проболев дня четыре, Девочка выздоровела, и жизнь пошла своим чередом.

Надо сказать, что с едой у Девочки были давние счеты, в основном все неприятности случались из-за еды. И не то чтобы ей не нравилась еда, было жалко тратить на нее время. Вместо того чтобы гулять и играть, нужно было зачем-то три раза в день садиться за стол и долго сидеть за ним. Куда проще взять пирожок и помчаться на улицу, жуя его между делом.

Когда они только приехали к бабушке, отец предупредил, что ребенок плохо ест, но бабушка отмахнулась: «Не может этого быть! Вы ее запичкали едой, не надо заставлять: захочет – поест».

Так начался бабушкин эксперимент, за которым с любопытством наблюдала родня. Утром, когда Девочка проснулась, бабушка спросила ее:

– Ты что на завтрак будешь?

– Я бы компотику попила, – ответил ребенок.

Стакан компота был выпит, и тут же Девочка унеслась на улицу. К обеду бабушка ее не дождалась, потому что Девочка с компанией отправилась на речку, на которую ей запрещалиходить без взрослых. И появилась только к вечеру, за что получила нагоняй от отца за долгое отсутствие. Бабушка спросила, не желает ли она съесть чего-нибудь, и, получив ответ, что попила бы компотику, удивленно хмыкнула, но промолчала.

На следующее утро бабушка опять спросила, что Девочка будет есть.

Услышав в ответ про компотик, бабушка Надя разразилась гневной тирадой:

– Да это что же это такое?! Чем она живет? Быстро садись за стол! А компот не получишь, пока завтрак не съешь.

С тех пор Девочке пришлось садиться за стол вместе со всеми. Однажды за обедом семья ела борщ. Бабушка раздала всем маленькие красные стручочки, которые взрослые макали в ложку с борщом, а потом быстро заедали. Девочка во все глаза смотрела на это странное занятие и не могла понять, зачем они это делают.

– Бабушка, а это что такое?

– Это перец, я его на подоконнике выращиваю. Поспел наконец. Вот мы борщ и перчим.

– А мне почему не дала? – обиделась она. Перчик был красивый, яркий, маленький, и казалось, что он очень вкусный.

– Ты еще маленькая перчики есть, – опередила бабушку Катерина и сделала вид, что откусывает от стручка. – Но если хочешь, могу дать попробовать.

Девочка, которая себя считала большой, протянула руку, взяла перчик и откусила от него приличный кусок. Никто из членов семьи не успел отреагировать, все произошло очень быстро. И раздался дикий вопль. Девочке показалось, что она ошпарилась кипятком – огонь жег язык, небо, гортань. Она начала задыхаться и уже не могла кричать. Поднялся переполох, все орали на Катерину, а бабушка даже ударила ее полотенцем и выгнала из-за стола. Катерина сама не ожидала такого эффекта, она хотела просто подшутить, потому что имела вредный характер и была еще очень молода. «Я же не знала, что она совсем глупая и шуток не понимает», – оправдывалась та.

В конце концов бабушка отпоила ребенка молоком и киселем, но с тех пор Девочка Катерину сильно невзлюбила, впрочем, тетка платила ей тем же.

Так неспешно шли дни, наполненные разными событиями, смешными и грустными, а лето все не кончалось. Уехала в свой город Валентина, потому что у нее закончился отпуск, а они все жили и жили у бабушки.

– А мы скоро поедем домой? – спрашивала она отца.

– Тебе разве здесь плохо? – вопросом на вопрос отвечал отец.

– Мне хорошо, у меня никогда не было такого длинного лета, но я по маме соскучилась, – говорила Девочка, и на глаза наворачивались слезы.

И вот однажды отец пришёл с работы раньше, чем обычно, и сказал бабушке: «Ну все, мать, уволился я, домой мы поедем». На что бабушка только разверла руками и ничего не сказала.

Обратно они с отцом полетели на самолете. Это было ужасно интересно, ведь Девочка летела первый раз в жизни. Понравились маленькие вкусные конфетки, которые выдавали пассажирам, а ей стюардесса разрешила взять целую горсть. И само слово «стюардесса» тоже очень понравилось, а больше всего, что эти красивые тетеньки такие добрые. Самым интересным в самолете был обед, это настоящее развлечение для пассажиров, которые томятся от скучи. Стюардессы развезли и раздали всем картонные коробки, в которых находилась еда. Наиболее вкусными в коробке оказались тонкие пластики копченой колбасы, которые аппетитно пахли и долго жевались, и большая конфета с вафлями, по имени «Гулливер». Половину она съела с чаем, а половину оставила маме. Эта половина была почти равна трем конфетам «Мишки на Севере». Настоящий Гулливер.

Потом в самолете стало скучно, в иллюминатор ничего не видно, только туман, про который папа сказал, что это облака. Девочка удивилась и не очень поверила, ей казалось, что облака должны быть мягкими и пушистыми, как бабушкина перина. Потом они еще немного полетали, а через некоторое время им велели пристегнуть ремни, и самолет начал снижаться. У нее заболели уши, она ничего не слышала, но не успела испугаться, что стала глухой, как самолет, подпрыгивая, покатил по земле. Когда они вышли из самолета, их встречала мама и другие родственники. Вокруг стояла поздняя осень, было холодно, и даже пролетал снег, так что маме пришлось прихватить для них теплую одежду, а папа сказал: «Добро пожаловать в Сибирь!» И все радостно засмеялись, а мама с Девочкой заплакали от счастья, что снова вместе.

СТАРЬЕВЩИК

С утра шел дождь. Гулять было нельзя, и Девочка маялась от скучи в душной квартире. Чтобы немного развлечь себя, она придумала странную игру: забиралась на дедушкин диван, потом спрыгивала на пол и со всех ног неслась к противоположной сте-

не. Оттолкнувшись от стены руками, она разворачивалась и бежала назад к дивану, с лету запрыгивая на него. Так продолжалось до тех пор, пока из кухни в комнату за какой-то своей надобностью не вошла бабушка.

Вытерев передником руки, она всплеснула ими и сердито сказала:

– Это что же ты делаешь? Какое баловство затеяла, еще диван сломаешь. Иди лучше порисуй.

– Ба (так Девочка называла бабушку), я не хочу рисовать, мне скучно, – заканючила она.

– Не хочешь рисовать – возьми пластилин. Скоро дождик кончится, и пойдешь гулять.

Но пластилин не вдохновил, лепить сегодня совсем не хотелось. Она легла животом на широкий подоконник и стала смотреть в окно. Стоял жаркий июль, а июль традиционно месяц гроз и ливней. Сегодня дождь был не очень сильный, но во дворе все равно никто не гулял. Скучая, она смотрела в окно, пока, наконец, не увидела, что дождь идет тише.

Девочка спрыгнула с подоконника и побежала на кухню к бабушке, по дороге крича:

– Ура! Дождик закончился! Я пойду гулять!

И тут она услышала знакомый звук колокольчика, доносившийся со двора.

«Старье берем! Хлам берем!» – послышался громкий хриплый голос.

– Старьевщик! – в восторге закричала Девочка. – Ба, скорее давай мне хлам! – ей ужасно нравилось это короткое звучное слово – «хлам», она подпрыгивала на одной ножке, в нетерпении теребя бабушку за фартук. Это слово обещало немудреные, но такие желанные удовольствия.

Бабушка тоже услышала колокольчик и пошла в кладовку, где она для старьевщика собирала бумагу, тряпки, жестянки, бутылки и даже кости. Бабушка часто варила холодец и после разборки холодца оставались крупные суставы, покрытые белыми блестя-

щими хрящами. Эти кости нравились больше всего: и сами по себе интересные штуки, и за них старьевщик давал самые лучшие игрушки. Подхватив пакеты с утилем, Девочка понеслась на улицу, перепрыгивая от нетерпения через ступеньки.

Выскочив во двор, она увидела старьевщика, который восседал на телеге, запряженной лошадью. Лошадь была украшена шариками и бумажными цветами, а телега разрисована яркими узорами. Со всех ног из подъездов, выходящих во двор, бежали ребятишки и выстраивались в длинную очередь. Девочка бежала очень быстро и оказалась в очереди к телеге среди первых. Она быстро приблизилась к старьевщику и выложила перед ним пачку старых журналов и газет, тряпье, кости, консервные банки и бутылки. За все это старьевщик мог выдать небольшие деньги, но дети никогда деньги не брали, куда интересней было получить что-нибудь заманчивое. Сегодня Девочка обогатилась невероятной вещью. Старьевщик протянул ей пистолет-пугач и пистоны, благодаря которым пугач умел громко стрелять. А еще ей достались книжка с яркими картинками, несколько петушков на палочке и длинная конфета в яркой обертке. Для бабушки была выбрана коричневая гребенка, ради которой пришлось пожертвовать яркой и звучной свистулькой, которую очень хотелось, но не хватало хлама. Свистульки разбирались детворой быстро, и потом свист с неделю слышался со всех сторон, пока постепенно свистульки не начинали теряться. Скорее всего, измученные пронзительными звуками, родственники потихоньку их изымали.

Совершив очень выгодный, по ее представлениям, обмен, Девочка понеслась домой. Она вломилась в квартиру с радостными возгласами и принялась показывать бабушке свои приобретения.

– Смотри, ба, – возбужденно-радостно говорила она, – вот это тебе гребенка, а это я себе набрала.

– Спасибо, конечно, – сказала бабушка. Взяв гребень, провела по совершенно белым волосам и воткнула в небольшую шишечку на макушке. – А зачем тебе пистолет?

– Бабуля, как тебе гребешок идет, – попыталась перевести разговор Девочка, но бабушка продолжала:

– Ты что же, стрелять собралась, как мальчишка?

– Да ты что? Это же такая удача, пугачи редко бывают и до-стаются обычно пацанам, – сказала она и, взяв ленточку писто-нов, зарядила пугач. Нажала на курок, раздался выстрел, и за-пахло порохом.

Бабушка вздрогнула и замахала руками.

– Да что ж это за ребенок такой! – воскликнула она. – Вот мать придет и пусть с тобой разбирается, с хулиганкой, а эту шту-ку убери с глаз долой.

Девочка обиженно собрала свои приобретения и вновь от-правилась на подоконник. На улице снова начался дождь, даже не дождь, а настоящий ливень. Потоки воды струились по сте-клу. О том, чтобы выйти на улицу, не могло быть и речи. Девоч-ка выглянула в окно, лошади с телегой во дворе уже не было. «Хорошо, что я успела до ливня», – подумала она и разложила на подоконнике добычу.

Она полистала книжку, которая оказалась почти без текста, читать в ней было нечего, а рассматривать картинки – это занятие для малышей, она уже умела читать. Лизнула петушка, он пока-зался ей слишком сладким. Повертела в руках пистолет, раз стре-лять не разрешают, не такой уж он и замечательный. Размолька с бабушкой испортила настроение, и Девочка с грустью поняла, что уже не очень рада новым игрушкам. Хлопнула входная дверь, после работы пришла мама. Девочка обрадованно подскочила на месте и побежала в коридор.

– Мама! Мама пришла! – в восторге закричала она и броси-лась маме на шею. – Как хорошо, что ты пришла! Посмотри, ка-кие игрушки я сегодня у старьевщика выменяла, а бабушка меня за пистолет ругает. Она говорит, что я хулиганка.

– Собирай вещи, и пойдем. Дома разберемся, – сказала мама, стряхивая капли воды с зонтика.

Мама немного поговорила с бабушкой о каких-то важных взрослых вещах, они попрощались и отправились домой. Когда они вышли из подъезда, ливень закончился, выглянуло солнце

и на небе показалась радуга. Они остановились, не решаясь пойти дальше, потому что лужи на асфальте доходили до щиколоток и бежали потоки воды.

Девочка достала пугач и показала маме:

– Смотри, какая классная штука! Мне во дворе все завидовать будут, наши мальчишки пистоны камнями бьют, а у меня пистолет.

Зарядила его и выстрелила, на улице звук не показался слишком громким, а мама сказала:

– Здорово, дай мне стрельнуть. – Она взяла пистолет и с удовольствием пальнула из него, а потом сказала: – Снимай сандалии, пойдем босиком.

Девочка с мамой взяли обувь в руки и, шлепая босыми ногами по теплым покрытым пузырями лужам, пошли домой.

ДОМ ОТДЫХА

Однажды летом маме на работе дали путевку в дом отдыха, и она взяла Девочку с собой. На нее путевки не было, но мама рассчитывала, что их поселят вместе. Девочка очень радовалась, что они едут отдыхать с мамой и будут столько времени вместе. Мама тоже радовалась, тем более что она никогда не ездила отдыхать и даже в отпуск не ходила, а брала компенсацию за отпуск деньгами. Потом компенсацию за отпуск брать запретили, а маму за хорошую работу наградили бесплатной путевкой.

Ехали они на машине, которая довезла их прямо до дома отдыха, водитель помог донести чемодан. Девочка решила, что маме дали машину специально, не знала, что их просто подвезли по пути, и очень была горда за маму. На этом их везение закончилось, потому что Девочку в доме отдыха селить отказались. Пришлось маме пристраивать ее у чужих людей. Хорошо еще, что они не одни оказались. В дом отдыха приехала семья с мальчиком Толиком, который был на год младше и которого тоже не приняли. Как разъяснила маме важная заведующая: «Это дом отдыха

для взрослых, отдыха от детей в том числе. Никаких детей здесь быть не может».

И стали они с Толиком ночевать в частном доме в деревне неподалёку. Утром, после завтрака, к ним приходили родители, и весь день они проводили вместе. Дом отдыха оказался очень хорош. Вокруг был лес, который назывался парк, там было много сосен и берез, красивые мощёные дорожки и клумбы с разноцветными цветами, много чудного, чего она раньше не видела. Особенно ей полюбились гигантские шахматы: прямо на асфальте были нарисованы огромные черно-белые клетки, на них стояли шахматные фигуры с нее ростом, а дяденьки, которые играли в эту игру, с трудом перемещали их с клетки на клетку. Очень хотелось подойти и хотя бы потрогать эти фигуры, но вокруг всегда толпились люди и что-то возбужденно обсуждали. Поэтому, когда в очередной раз родители ушли на обед, наказав им сидеть на лавочке и не шуметь, Девочка подошла к фигурам и попыталась сдвинуть одну из них с места.

Толик сразу заканчил:

– Не трогай – нам влетит, мама велела тихо сидеть.

Но Девочка уже привыкла к его нытью и не обращала внимания.

Сдвинуть фигуру коня ей никак не удавалось.

– Толик, – позвала она, – иди сюда, помоги мне.

Но Толик от испуга спрятался за березу и даже ухватился за нее руками, как будто Девочка собиралась силком заставить его помочь себе.

– Ну и ладно, сама справлюсь, – сказала она, развернувшись к коню спиной и стала его толкать. Нужно было передвинуть его на черную клетку. Белый конь стоял на белой клетке, и казалось, что его плохо видно: белое на белом, а вот на черной он будет здорово смотреться. Наконец фигура поддалась напору и упала, а Девочка от неожиданности упала на коня. Больно ударила локоть, вскочила, испугавшись, и попыталась поднять коня, но это оказалось не по силам.

– Бежим! – крикнула Девочка Толику, и они припустили бежать подальше от сотворенной шкоды.

Они бежали, пока не наткнулись на другой любимый аттракцион – деревянный щит, стоящий вертикально, с воткнутыми в него штырями, на которые нужно было кидать резиновые кольца. Возле него тоже всегда толпились взрослые. Девочке только пару раз удалось покидать эти кольца, когда мама играла. Это оказалось трудно, ни разу не попала. А тут такая удача – никого нет, тренируйся сколько хочешь. Так она и тренировалась, даже иногда набрасывала кольцо на штырь, что приводило в восторг, как будто она забила гол. За этим занятием их застали родители, которые уже пообедали, и, не обнаружив детей на месте, искали их по всему парку. Мама Толика стала ругать Девочку за то, что они покинули лавочку, а Толик тут же все рассказал, заявив, что она уронила шахматы и им пришлось сбежать. Ну что с него взять, с маленького трусливого предателя.

Но мама Девочки строго сказала: «Не нужно ругать моего ребенка, я с ним сама разберусь, воспитывайте лучше своего мальчика». Ее голос, обычно мягкий, стал жестким и резким.

Мама Толика от удивления замолчала, она не ожидала такого резкого отпора от этой миловидной интеллигентной женщины.

Девочка гордо поглядела на Толика и его маму. Мама Толика ей очень не нравилась, она была нудная, все время ворчала на мужа и сына и была вечно всем недовольна. Зато очень нравился папа Толика, он был озорной, умел смешить людей вокруг и придумывать разные забавы. Её мама постоянно смеялась над его шутками, чем вызывала недовольство Толиковой мамы. И в этот раз папа Толика молча подмигнул ей, это означало, что он – на стороне Девочки, но не хочет связываться с женой.

А еще в доме отдыха была река. Однажды они гуляли по берегу и заметили лодку, которая была привязана веревкой к тонкому стволу березы. Папа Толика тут же решил кататься на лодке, отвязал ее и пригласил желающих. Желающей ока-

залась только Девочка, которая запрыгнула в лодку и уселась на низенькую деревянную лавку, руками ухватившись за борта. Испугавшегося Толика папа почти силком втащил в лодку, не обращая внимания на протесты обеих мам. Мама Девочки очень боялась воды, а мама Толика всегда была против любых развлечений. Папа Толика понял, что приглашать в лодку обеих мам бесполезно, и, взяв весла, начал быстрыми гребками выводить лодку на середину реки, подальше от берега. Вдруг Девочка, которая сидела, опустив руку в воду, и с восторгом смотрела, как вода струится между ее пальцев, обнаружила, что у нее намокли ноги. «У меня мокрые ноги», – с удивлением сообщила она папе Толика.

Он посмотрел на дно лодки и обнаружил, что в лодке полно воды. Начал быстро грести к берегу, но вода поступала в лодку быстрее, поэтому он снял с себя ботинки и кинул детям: «Воду вычерпывайте, быстро!»

Толик, намочив ноги, заревел и воду вычерпывать не хотел, потому что сильно испугался. А мамы, которые прогуливались по берегу и ждали их возвращения, услышав вопли Толика, начали бегать по берегу, кричать и махать руками. Хорошо, что они не успели отплыть далеко и доплыли прежде, чем лодка затонула. Папу Толика сильно ругали, а Девочка была очень горда, что не испугалась и даже вычерпывала воду.

– Не бойся, мы же приплыли, – утешала она маму.

– А если бы вы начали тонуть, Толика бы папа спас, а ты могла утонуть, – пугала мама, но она все равно была очень довольна пережитым приключением.

Перед отъездом они с мамой сфотографировались возле бронзового оленя, который стоял в парке для красоты. Возле него было принято фотографироваться на память. Олень был высоченный, с огромными рогами, и Девочка с помощью фотографа с большим удовольствием взгромоздилась ему на спину. На следующий день закончился срок их путевки, все хорошее всегда когда-нибудь заканчивается, и они вернулись домой.

МАМА РАССКАЗЫВАЕТ ПРО ПЕЗАС

Иногда Девочка слышала от мамы: «Когда мы жили в Пезасе...». Очень ей было интересно, что это за Пезас такой, и слово – чуднобе, непривычное русскому уху. Но маме обычно некогда было рассказывать про Пезас, и она говорила: «Потом как-нибудь». И вот однажды вечером пapa ушел на работу в ночную смену. Он работал на стройке мастером и в ночь выходил редко, только если в конце месяца случался аврал. Переделав все хозяйствственные дела, мама с Девочкой уютно устроились на кухне попить чаю. И тут она попросила маму рассказать, что же такое этот Пезас.

Мама улыбнулась и объяснила, что Пезас – это название поселка лесорубов и золотодобытчиков. Но этого было мало, и Девочка, пользуясь случаем, нетерпеливо попросила:

– А как вы там жили? Ну, пожалуйста, расскажи.

– Хорошо, – сказала мама, – слушай. Когда мы вернулись из Казахстана, отец решил податься в глухой таежный поселок Пезас. Кто-то из знакомых рассказал ему, что места там заповедные, очень красиво, тайга, охота, рыбалка, местному леспромхозу требуются кадры. Отправиться он туда должен был поначалу один, без нас, на разведку. Добираться туда трудно, только по реке на баркасах летом, а зимой по тайге на машинах.

В конце августа мы с тобой и бабушкой пошли провожать отца на берег реки Томи. Ты у меня на руках, всего девять месяцев было. Погода стояла теплая для августа, а у нас, в Сибири, август уже осень. Я только в легком платьице по случаю теплой погоды, да кофта накинута на плечи. Попрощались, и, когда баркас уже готов был отчалить от берега, отец выхватил тебя из моих рук и прыгнул в баркас, я, конечно, машинально метнулась за тобой. Бабушка только успела бутылочку с молоком и шаль с головы кинуть нам, так и поплыли в неизвестность...

– Ничего себе, – ойкнула Девочка. – Как же ты? Надо было закричать, чтобы остановились, и мы бы с тобой на берег сошли.

– Молодая была совсем, глупая. Сейчас так бы и сделала, а тогда испугалась скандала, да и его высадить могли, – ответила мама.

– Ничего себе, отец учудил, – покачала головой Девочка. – Вот не думала, что он так может сделать. Как в кино про похищение.

– Импульсивный он у нас, что в голову придет, то и делает, не подумав. Дальше-то рассказывать тебе? – спросила мама.

– Еще бы, интересно же.

– Плыли мы долго, и за это время я подружилась с молодой женщиной, почти ровесницей моей. Она тоже ехала с маленьким ребенком и мужем. Она опекала нас, с одеждой помогла, питанием во время путешествия. А потом оказалось, что ее муж – директор леспромхоза, а она работает в школе завучем.

Поэтому когда мы приплыли в этот медвежий угол, у меня уже работа и жилье были. Дом выделили деревянный, рубленый, других там не строили, а работать предложили в школе учительницей русского языка.

Образования у меня педагогического не было, но я всегда мечтала стать учительницей, и для деревенской школы оказалось достаточно десятилетки и строительного техникума. И папу нашего директор сразу устроил в бригаду лесорубов, только он позже рубанул себя топором по пальцу и его перевели в электрики.

– А я видела, – сказала Девочка, – у него большой палец на ноге кривой, это он в этом самом Пезасе поранился, значит.

– Дом у нас есть, а припасов никаких на зиму, – продолжила мама, ее саму захватили воспоминания, и она рассказывала уже не столько дочке, сколько вспоминала сама. – Август, огород сажать поздно, а в сельпо ничего нет. Ни картошки, ни овошей, ни муки.

– А что такое сельпо? – опять перебила маму Девочка.

– Сельпо – это сельская потребительская кооперация, – не-понятно объяснила мама, но Девочка не решилась переспрашивать.

– Пошел отец по дворам, а в поселке одни староверы, и ничего они чужим не давали, даже за деньги. Обошел весь поселок и ничего не добыл. В одном доме в отчаянии кинул шапку на пол и сказал: «Ну дайте хоть Христа ради!» Христа ради нам картошки насыпали, муки дали и даже денег не взяли. Такой народ. Одно слово – староверы.

Вещи зимние нам позже прислала бабушка посылками, а потом река всталла, и началось зимнее таежное житье. Постепенно жизнь наладилась, после работы отец ловил рыбу. Хариус,таймень там водились, вкусные очень. Или бродил по тайге с ружьем и стрелял всякую живность, в основном зайцев и рябчиков. Нам еще шампанского – и буржуйская жизнь была бы, по Маяковскому, – непонятно сказала мама и немного грустно засмеялась. – Но на самом деле рябчики очень маленькие и сухие, может быть, я их готовить не умела по молодости. Есть в них нечего, деревенские рябчиков не стреляли никогда.

Суровая там жизнь, тяжелая, но красиво очень. У нас сразу за огородом тайга начиналась, и речушка мелкая. Так Валерий, когда летом в гости приезжал, ловил хариусов прямо вилкой на перекате. А медведи ходили вокруг поселка и малину обедали сразу за огородом.

– Ничего себе, в Пезасе даже Валерка бывал! – воскликнула Девочка, а про себя подумала, что надо Валерку подробнее расспросить про Пезас.

– Чтобы пойти за малиной, надо было стучать громко, шуметь, чтобы отпугнуть. В поселке жили все охотники, стреляли медведей и с рогатиной охотились, как в старину, а там уж кто кого. Соседа, опытного охотника, зимой завалил медведь. Хороший мужик был, помогал много нам, и жена его, чудесная женщина тетя Катя, с тобой водилась, если я в школе задерживалась.

А когда не с кем было оставить, заматывала тебя в пару ватных одеял и два километра в мороз по логу тащила. Я у пятиклашек классная была, приходилось после работы с ними заниматься внеклассной работой. Какие там ребята замечательные, как они умели слушать. Некоторые никуда не выезжали, в городе ни разу не были, не видели ни трамвая, ни самолета, но так им хотелось все знать.

А один раз я медведя видела. Подстрелили шатуна, он лежал на санях перед сельсоветом, охотники делили мясо, жителям раздавали. Медведь в сани не помещается, голова, задние лапы свешиваются с саней, когти с ладонь, кони хрипят, собаки лают. Страшно. Я из него котлеты делала, отец ел и хвалил, а я не могла медвежьи котлеты есть, мясо псиной отдавало, и никакое вымачивание не помогло.

– А шатун – это что? – опять не утерпела Девочка.

– Шатун – это медведь, который зимой проснулся, вылез из берлоги, есть ему нечего, и начинает он людям пакостить, скотину задирает, на людей нападает. Летом медведи ягодой питаются, медом, зверье мелкое добывают, а зимой голодно, поэтому они спят, – объяснила мама.

– А мы зачем оттуда уехали? – спросила Девочка.

– Уехали, потому что ты там чуть не умерла, но в то время уже появились антибиотики. Врач сумел в городе добыть, привез этот страшный дефицит, и ты выжила. Но после болезни была очень слабая, даже ходить перестала, и мы решила уехать поближе к цивилизации. Да и бабушка просила вернуться. Отец наш тоже романтики хлебнул и уже не возражал. Так к осени перебрались мы снова в город. Зато в этом Богом забытом селе я исполнила свою мечту учить детей. Всю жизнь мечтала стать учительницей, а стала строителем. В жизни так случается...

Девочка с мамой наговорились, напились чаю и отправились спать. И всю ночь ей снились сугробы, деревянные избы и страшные медведи.

СТРИЖКА

У Девочки были белокурые волосы, которые на концах сами собой закручивались в локоны. Это было красиво, но волосы были не густые, а «жидкие», как выражалась мама. И вот в маминую голову пришла идея подстричь ей волосы. Причем подстричь наголо, как стригут молодых солдат. Осенью она должна была идти в школу, и мамин замысел состоял в том, что сейчас зима, на улице Девочка все равно ходит в шапке, а до школы волосы отрастут. Почему она решила, что новые волосы непременно вырастут густыми, совершенно непонятно.

Бабушка была категорически против такого кардинального решения. Они с мамой долго спорили по этому поводу, и бабушка говорила: «Не дам я вам портить ребенка, ишь чего удумали. В деревнях раньше детей наголо брили, если у них вши заводились, а зачем здорового ребенка стричь?»

Но мама была непреклонна, а Девочка не знала, чью сторону принять. Стричься не хотелось, но уверения мамы, что после стрижки будут густые волосы, склоняли на маминую сторону. Просто она не представляла, что такое быть лысой, не знала, как долго отрастают волосы, потому что локоны подрезали дома по чуть-чуть. Папа в желании мамы постричь дочку тоже ничего страшного не видел и все время рассказывал, что после службы на флоте, где всех брили наголо, у него волосы стали гуще. Девочка с сомнением смотрела на папу, у которого были черные волосы, мягкие и тонкие, с длинной челкой, которая все время падала ему на глаза, поэтому даже летом он носил кепку.

И вот день стрижки настал. Мама взяла Девочку за руку и отвела к парикмахеру. В парикмахерской все было в больших зеркалах, стояли красивые кресла и находилась куча разных интересных вещиц. Особенно интересными были большие вытянутые штуковины, в которые женщины совали головы, и они начи-

нали гудеть, как пылесос. Мама объяснила, что там сушат волосы. Парикмахеры орудовали ножницами, важно передвигаясь вокруг тетенек в креслах, и, щелкая лезвиями, отрезали небольшие пряди, а также накручивали волосы на бигуди. Что такое бигуди, она знала, с их помощью мамина сестра Галина делала себе кудри. Только кудри у нее не держались, а тут же раскручивались, и Галина завидовала кудрявой маме и самой Девочке. Зато волосы у нее были густые, тяжелые и блестящие. Девочка думала, что после стрижки у нее непременно вырастут волосы, как у Галины, только светлые, и спокойно уселилась в кресло.

Сначала ей, как и всем клиентам, волосы отрезали ножницами, а потом когда они стали совсем короткими, парикмахерша взяла жужжащую штуковину и начала водить ею по затылку. Это было неприятно и щекотно, и Девочка впервые заволновалась. Рукой она потрогать затылок не могла, потому что руки у нее были спрятаны под большой фартук. Волнение достигло предела, когда машинка стала жужжать впереди, лихо убирая с висков белокурые завитки. Апофеоз наступил, когда противная тетка провела машинкой надо лбом и показалась маленькая голова, лишенная волос. Тут Девочка заорала благим матом на всю парикмахерскую, начала вырываться из-под фартука и уворачиваться от машинки. Она, наконец, увидела, во что превратилась ее кудрявая красивая головка.

Тетка стала кричать маме, чтобы та держала ребенка, потому что все равно нужно достричь. Мама тоже не ожидала такого ужасного эффекта, на глазах у нее выступили слезы, но она держала Девочку и уговаривала не вырываться, потому что нужно доделать стрижку, что стыдно так себя вести большой девочке, почти школьнице. Вскоре ужасное мероприятие закончилось, они обе почти рыдали. Вид головы без волос был действительно ужасен, Девочка смотрелась уж очень жалко. Они с мамой оделись, взялись за руки и, всхлипывая, пошли к бабушке.

Та некоторое время рассматривала остриженного ребенка, затем всплеснула руками и сказала:

– Вот не слушаете меня! А я же говорила, что не надо стричь.

– Что делать-то теперь? – грустно отозвалась мама. – Обратно не при克莱ишь. Придется ждать, все равно же отрастут.

Бабушка порылась в комоде, достала небольшой яркий платочек и, подойдя к зеркалу, возле которого сидела печальная Девочка, красиво повязала ей на голову.

Так, в платочке, Девочка теперь жила, снимая его только перед сном. Ее жалели все, и даже Валерка, увидев, что сотворили с ребенком, только покрутил головой. Надо сказать, что ему было не до Девочки, стрижек и вообще не до чего. На ее взгляд, с ним творилось что-то странное. Когда проходил мимо, щелкая ее по затылку, говорил: «Лысая башка, дай пирожка». Но в этом действии не было былого азарта, произносил он эти слова машинально.

С бабушкой, которая любила своего младшенького больше всех детей, он находился в непроходящем конфликте. Однажды, оставшись ночевать у бабушки, Девочка стала свидетельницей странной сцены. Валерий вернулся домой очень поздно, но бабушка не ложилась спать, а ждала его, поэтому не спала тоже. Не успел Валерка войти в дверь, как бабушка тигрицей бросилась на него и стала награждать тумаками, потом схватила за рукав и так сильно дернула, что рукав модной куртки оторвался. Девочка смотрела на эту сцену разинув рот. Ее добрая, тихая, ласковая бабушка никогда не вела себя так, но причину она предпочла у бабушки не выяснять.

Объяснение было получено у мамы, которая рассказала, что Валерий влюбился в соседскую Зинку, которая жила над бабушкиной квартирой. Валерию шел восемнадцатый год, он оканчивал техникум, ему прочирили красный диплом и поступление в институт без экзаменов, а тут какая-то Зинка.

– Какие такие «любови» в вашем возрасте? – говорила бабушка. – Мал еще, техникум сначала окончи, а потом женихайся.

– А потом институт окончи, – отбивался от нее Валерка, – а потом на ноги встань, так с вами до пенсии не женишься.

Кандидатура Зинки на роль невесты приводила кроткую бабушку в настоящую ярость.

– Нет, отец, ты посмотри на него, он и взаправду жениться надумал, на косой-то. Родители – алкаши, сама мимо рта не пронесет, с парнями колобродит с восьмого класса. Вот хорошую ты нам невестушку выбрал! – заводилась она еще больше.

Дедушка в конфликты никогда не вступал, как обычно читая газету, но поглядывал из-за нее на Валерия неодобрительно. Поняв в чем дело, Девочка молчаливо приняла сторону Валерки. Во-первых, Зинка ей нравилась, она была добрая и веселая, всегда угождала малышню конфетами и вовсе не была косоглазой. Ее левый глаз только чуть-чуть смотрел в сторону, но это, по мнению детворы, ничуть не портило Зинку. Наоборот, придавало взгляду некую загадочность. Во-вторых, Валерка был ей ближе, чем взрослые. Несмотря на небольшие конфликты и стычки между ними, Валерку она любила. Без него жизнь Девочки была бы намного скучнее, он проводил с ней кучу времени, играл и даже выучил читать.

Однажды передав записку от Зинки, Девочка начала передавать влюбленным записочки друг от друга или на словах кроткую информацию. Главное, ее никто в этом не подозревал, а она страшно гордилась своей ролью курьера. Зинка называла ее «амурчиком» и, завидев, говорила: «О, вот и мой амурчик прилетел».

Девочка не знала, кто такой амурчик, но по ласковому и радостному голосу Зинки догадывалась, что это что-то очень хорошее.

Любовные баталии продолжались до осени. Техникум Валерий окончил с красным дипломом, но в институт идти отказался,

заявив, что надоело ему учиться, и загремел в армию, а там и вся любовь.

Волосы у Девочки к осени отросли, но стрижка и мучения оказались напрасными. Мамины расчеты не оправдались, новые волосы выросли такими же «жидкими», как и были, только уже не белокурыми, а темно-русыми. К счастью, темные волосы так же красиво завивались в локоны.

ПОБЕГ ИЗ ДОМА

Однажды маму отправили в Ленинград. Девочке очень нравились мудреные слова: «курсы повышения квалификации», и она с гордостью говорила их всем знакомым. Недели две ей это нравилось, вечером за ней к бабушке заходил папа, и они отправлялись домой. С папой дома было весело, они гуляли, читали, слушали пластинки и ели непривычную еду. Девочке нравилось, что они с папой ужинают кефиром с черным хлебом или картошкой в мундирах с селедкой. Но потом папа тоже куда-то уехал по своим делам, и Девочка оставалась у бабушки на весь день и на всю ночь. Она прожила так недели две и затосковала по маме, по папе, по своему дому.

В то время они уже жили с родителями в отдельной квартире, которую маме дали на работе. Квартира была рядом с бабушкиной, на одной улице, минут десять ходьбы. И так ей надоело жить у бабушки, что в один прекрасный летний день Девочка отправилась гулять в свой двор. Дворовые друзья обрадовались появлению Девочки, и весь день она играла в родном дворе. В это время вокруг их дома строили другие дома. Как на стройке было интересно! Чего там только не было: цемент, который можно было разводить водой и смотреть, как быстро он застывает, толстые трубы, в которых весело прятаться, доски, которые вкусно пахли и на которых можно качаться, как на качелях. А еще на стройке было полно разных механизмов, и это было опасно, рабочие их

гоняли, чтоб не лазили, но их прогонят, а они тут как тут. Короче, стройка – это целый мир, а ее мама и папа были строители, и она с важным видом объясняла приятелям, что к чему, чувствуя себя на стройке как дома.

Еще недалеко от их дома были небольшие частные домики, в которых жили люди. Домики еще не успели снести, а возле домиков сохранялись огороды и сады, и детская саранча постоянно что-нибудь воровала там. Особенно нравились детям огромные подсолнухи, которые красиво цвели, а внутри цветка завязывались семечки, еще недозрелые, молочные, но от этого особенно вкусные. Их так весело было щелкать, устроившись в строящемся доме этажом повыше, и сбрасывать шелуху вниз, поглядывая, как она летит, красиво кружась. У бабушки во дворе ничего такого великолепного не было, просто двор, несколько качелей, клумбы, песочница, в которой копали песок лопатками малыши.

В обед Девочка наведалась во двор к бабушке, там дети ей начали кричать:

– Иди скорей домой, твоя мама приехала!

Но она не поверила:

– Вы все врете, моя мама не могла приехать, вы меня специально заманиваете.

И вновь отправилась к себе во двор, где провела время до самого вечера. Потом все друзья разбежались по домам ужинать, а ей пришлось возвращаться во двор к бабушке. Весь день она ничего не ела, кроме семечек и бутерброда с сахаром, который вынесла подруга. Уже начинало темнеть, но идти к бабушке было страшно: ясно же, что влетит. Девочка зашла в соседний подъезд, поднялась на пятый этаж к чердаку и просидела на лестнице до самой темноты. А потом за ней пришла бабушка. Взяла за руку и отвела домой. Бабушка ее даже не ругала, просто помыла в ванной и накормила. Больше всех ругался Валерка, кидал бабушке свой ремень и кричал:

«Пори ее, чтобы запомнила, как из дома убегать!» Это он из себя взрослого корчил.

Но никто ее, конечно, не выпорол, ее в детстве никогда не наказывали. Самым страшным наказанием был огорченный взгляд мамы, но ведь ее дома не было. А потом мама, наконец, приехала.

А Девочка пошла в школу с большими бантами и большим букетом цветов. Было очень солнечно, весело и еще немного страшно, потому что начиналась новая, взрослая жизнь, но это уже совсем другая история.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАРЫЕ ПИСЬМА. Детективная повесть	3
ЗАПОВЕДНИК ДЛЯ ЭЛЬФОВ. Фэнтези.....	89
МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ О МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКЕ	177

Литературно-художественное издание

Катрич Татьяна

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ИСТОРИИ
Повести

Редактор *Е. В. Фефелова*
Корректор *Н. В. Стрелкина*
Компьютерная верстка – *П. Б. Исаков*

12+

Подписано в печать 22.09.2021. Формат 60×84¹/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,48. Тираж 300 экз. Заказ № 174

Адрес издательства и типографии ООО «АИ Кузбассвузиздат»:
650993, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Кирова, 45.
Тел. 8 (3842) 36-36-00. E-mail: 58293469@mail.ru